

599.

CEROLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTAROSE

Книгоиздательство ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко., Берлинъ

НОВЫЯ КНИГИ:

А. ТЕРНЕ, Въ царствѣ Ленина, 2-е изд.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ, Пугачевъ или Петръ

ГЕН. А. ЛУКОМСКІЙ, Воспоминанія, т. I и II

ГЕН. КУРЛОВЪ, Гибель Императорской Россіи

ВЪ ПЕЧАТИ:

С. ШИДЛОВСКІЙ, Воспоминанія

Проф. ДАРКШЕВИЧЪ, Апостоль Павелъ.

1881—1919

Ген. М. Ф. ДРОЗДОВСКИЙ

Ген. М. Г. ДРОЗДОВСКІЙ

ДНЕВНИКЪ

СЕРБИЯ — БЕОГРАД
VILLE DE BEOGRAD

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.
БЕРЛИНЪ

1923

Alle Rechte vorbehalten.

Всѣ права сохранены.

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW68 / Alte Jakobstr. 129

ПРЕДИСЛОВІЕ

«Дневникъ» ген. Дроздовскаго состоитъ изъ двухъ небольшихъ записныхъ книжекъ, въ которыя заносились ежедневныя замѣтки во время историческаго похода съ Румынскаго фронта на Донъ въ февралѣ-апрѣлѣ 1918 года. Несмотря на то, что замѣтки остались въ необработанномъ видѣ, онѣ, благодаря своей непосредственности и безыскусственной записи ежедневныхъ впечатлѣній, не лишены выдающагося значенія.

Насколько извѣстно, до настоящаго времени не появилось въ печати воспоминаній участниковъ этого похода и связаннаго съ нимъ любопытнѣйшаго періода формированія Добровольческой арміи; въ частности, въ вышедшихъ мемуарахъ дѣятелей этой эпохи имя М. Г. Дроздовскаго упоминается только вскользь или совсѣмъ обходится молчаніемъ. А между тѣмъ походъ «дроздовцевъ» заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ походы перваго періода гражданской войны, и замѣтки главнаго вдохновителя, организатора и начальника пріобрѣтаютъ такимъ образомъ огромный интересъ.

Только благодаря выдающейся энергіи, отвагѣ и упорству начальника удалось это исключительное предпріятіе, когда горсть русскихъ людей, не утратившихъ вѣры въ спасеніе родины, окруженная врагами, посреди всеобщаго развала не только проби-лась на Донъ, но и сохранила характеръ спаянной воинской части. Небольшой отрядъ «полковника» Дроздовскаго послужилъ затѣмъ кадровъ для созданія одного изъ крупнѣйшихъ соединеній Добровольческой арміи—доблестной «Дроздовской» дивизіи.

Будучи однимъ изъ основателей и организаторовъ Добровольческой арміи, какъ арміи народной,

проникнутой чистымъ сознаниемъ борьбы за право и государство, за великую, свободную Россію, — М. Г. Дроздовскій до самой своей смерти сохранилъ глубокую вѣру въ идею, въ правоту своего дѣла. Этой идеей онъ горѣлъ и она роднила его съ великимъ русскимъ патріотомъ Л. Г. Корниловымъ. Идея бѣлой арміи, при ея основаніи, въ чистомъ своемъ видѣ, — идея борьбы правды съ ложью, справедливости съ насиліемъ, честности съ низостью, и идея эта остается чистой и незапятнанной, въ какія бы уродливыя формы она порой ни выливалась, въ чьихъ бы слабыхъ и неумѣлыхъ рукахъ она ни очутилась, какія бы разочарованія ни внушали ея отдѣльные исполнители. Ложь, узкій эгоизмъ, преступная небрежность и неумѣнье присосались къ великой идеѣ и погубили ее. И покойный М. Г. Дроздовскій прекрасно признавалъ всю опасность вырожденія великихъ порывовъ. Въ рапортѣ, поданномъ имъ не задолго до смерти ген. Деникину, чувствуется горечь разочарованія въ руководителяхъ и исполнителяхъ, указывается на необходимость прочной организованности борьбы, оздоровленія тыла, грозно звучитъ предостереженіе... Увы, оно оказалось роковымъ...

И теперь, когда Добровольческая армія побѣждена — «горе побѣжденнымъ» — когда всѣ наперывъ торопятся помянуть недобрымъ словомъ эту когда то здоровую, свѣтлую и доблестную силу, — образъ идеалистовъ-организаторовъ ея становится особенно дорогимъ и близкимъ. Пусть обломки арміи на чужбинѣ, пусть невыносима, тяжела ихъ крестная ноша. Но идея не умерла, она не можетъ погибнуть. И люди, связанные ею, спаянные пролитой за нее кровью, вмѣстѣ дѣлившіе труды и лишенія, сомкнутся еще тѣснѣй и дождутся и лучшихъ дней и счастья увидѣть родину возрожденной.

Пусть же эта маленькая книга будетъ скромнымъ памятникомъ на могилу погибшаго патріота.

Д.

ВВЕДЕНИЕ

Михаиль Гордѣвичъ Дроздовскій родился въ Кіевѣ 7-го октября 1881 года. Его отецъ — генераль маіоръ Гордѣй Ивановичъ Дроздовскій — былъ участникомъ Севастопольской обороны. Въ раннемъ дѣтствѣ Дроздовскій лишился матери и его воспитаніе легло всецѣло на старшую сестру — Юлію Гордѣвну, которая была на 15 лѣтъ старше своего брата. Будучи самымъ младшимъ въ семьѣ и единственнымъ сыномъ, Дроздовскій съ дѣтства былъ баловнемъ всей семьи, но это баловство не отразилось на его характерѣ. Юлія Гордѣвна отмѣчаетъ, что братъ отличался раннимъ развитіемъ самостоятельности, наряду съ необычайной любознательностью, впечатлительностью и крайней нервностью. Вращаясь въ кругу военныхъ, ребенокъ естественно пристрастился къ военнымъ играмъ, переодѣванію въ солдаты, игрѣ съ саблями и воображаемыми револьверами, сдѣланными имъ самимъ изъ палокъ. Также въ раннемъ еще дѣтствѣ выступила ярко и отчетливо одна черта Дроздовскаго, нитью прошедшая черезъ всю его жизнь — это одиночество, скрытность,

замкнутость. Товарищей дѣтскихъ игръ у него не было; онъ предпочиталъ общество денщиковъ отца, заслушивался ихъ разсказовъ о деревнѣ, о войнахъ, о полковой жизни. Позже, къ 7-ми годамъ, у мальчика появляется любовь къ рисованію, а также и къ поэзіи; излюбленными стихами его были боевыя, яркія описанія войнъ. Декламируя ихъ, онъ представлялъ сцены въ лицахъ, заставляя сестеръ выслушивать его.

Въ 1892 году Михаилъ Гордѣвичъ былъ отданъ въ Полоцкій корпусъ, но вскорѣ переведенъ въ Кіевскій кадетскій корпусъ, который онъ окончилъ въ 1899 году.

Воспитатели ученическихъ лѣтъ Дроздовскаго отмѣчаютъ его выдающіяся способности, наряду съ необыкновенной лѣнью, своенравіемъ и изобрѣтательностью шалостей. Однокашники Михаила Гордѣвича вспоминаютъ постоянный окрикъ воспитателя (полк. Гаасъ): «Дроздовскій, подъ арестъ!» Прирожденная правдивость и безстрашіе, внушали всегда юношѣ необходимость сознанія своей вины и заставляли постоянно терпѣть наказанія. Въ старшихъ классахъ онъ увлекается рисованіемъ, проявляя недюжинныя способности, но, къ сожалѣнію, всѣ его этюды и наброски утеряны.

По окончаніи корпуса Михаилъ Гордѣвичъ вышелъ въ Павловское военное училище въ Петербургъ, гдѣ дисциплина была особенно строга и карцеръ являлся почти постояннымъ мѣстопробываніемъ непокорнаго Дроздовскаго. Такъ, однажды, онъ рѣшилъ вывѣсить свою визитную карточку на дверяхъ карцера, увѣряя, что ему предоставили от-

дѣльную комнату въ училищѣ. За эту выдумку ему, разумѣется, пришлось понести усиленное наказаніе. Одно время жизнь въ училищѣ показалась юношѣ настолько тяжелой, что онъ написалъ отцу о своемъ рѣшеніи уйти, такъ какъ ему не подѣ силу было справиться со своимъ характеромъ: онъ не могъ покорно, а главное безъ противорѣчій, выслушивать окрики начальства, замѣчанія, зачастую несправедливыя и абсурдныя. Только авторитетъ отца, его убѣдительныя письма и просьбы закончить разъ начатое образованіе принудили Дроздовскаго покориться, остаться и однимъ изъ первыхъ окончить училище.

Въ 1901 году Михаилъ Гордѣевичъ вышелъ въ Варшаву въ л. гв. Волинскій полкъ, пребываніе въ которомъ окончательно отшлифовало его характеръ и наложило отпечатокъ на всю его дальнѣйшую жизнь. Тутъ не безынтересно отмѣтить систему воспитанія, которую проводили въ Волинскомъ полку старшіе офицеры по отношенію къ молодежи. Первое и главное требованіе всякаго военнаго — дисциплина была очень строга; также исполнительность и аккуратность въ службѣ. Воспитывалась любовь къ родинѣ, къ полку, къ его традиціямъ, любовь и забота о солдатахъ, корректное и сдержанное отношеніе къ однополчанамъ. Но здѣсь не было строгаго окрика начальниковъ, а если дѣлалось замѣчаніе, то въ формѣ совѣта старшаго младшему; вотъ почему тѣ же требованія и та же строгость, что и въ училищѣ, но вылитыя въ другія формы, были такъ легки и незамѣтны для Дроздовскаго. Скромная жизнь полка, постоянная строевая

работа, занятія съ солдатами, и непрестанное внушеніе старшихъ, что своею жизнью офицеръ долженъ показывать примѣръ солдатамъ, не допускали кутежей и разгула. Здѣсь не было принято, какъ въ другихъ полкахъ среди молодежи — хвастовство кутежами, пьянствомъ, развратомъ, жизнью не по средствамъ, долгами, и даже такіе разговоры считались неприличными и странными. Въ такую здоровую и бодрую атмосферу посчастливилось попасть Дроздовскому, и понятно, что Волинскій полкъ, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ замкнутому его характеру, развилъ выдержку и привилъ ему необходимое умѣнье повиноваться и управлять подчиненными, да и характеръ взаимоотношеній офицерства былъ необыкновенно близокъ взглядамъ Дроздовскаго. Въ полку была прекрасная бібліотека, выписывались журналы, и офицеры могли слѣдить за литературой и наукой. Михаилъ Гордѣевичъ много читалъ, интересовался литературой, вопросами философіи, новыми открытіями, и въ свободное время его можно было всегда видѣть за книгой. Онъ увлекался *шахматами*, слѣдилъ за шахматными турнирами. Но избравъ военную карьеру, посвятивъ свою жизнь любимому дѣлу, Дроздовскій считалъ свое спеціальное образованіе крайне скуднымъ и подъ вліяніемъ дѣятельной переписки съ отцомъ, находившимъ, что необходимо дальнѣйшее военное образованіе, онъ въ 1904 году поступилъ въ Академію Генеральнаго штаба. Не разъ впоследствии Михаилъ Гордѣевичъ говорилъ, что онъ обязанъ всѣмъ своему отцу, его вліянію, а также родному Волинскому полку.

По объявленіи Японской войны Дроздовскій немедленно прикомандировался къ 34-му Стрѣлковому Сибирскому полку и, будучи убѣжденнымъ строевикомъ, на практикѣ изучилъ военное дѣло, участвуя съ полкомъ въ бояхъ. На этой войнѣ онъ получилъ всѣ боевые знаки отличія. Въ бою подъ Ляояномъ былъ раненъ въ ногу. Къ сожалѣнію, всѣ письма съ войны, его личныя впечатлѣнія, подробно изложенныя отцу, — утеряны.

По окончаніи войны М. Г. Дроздовскій вновь возвратился въ Академію, которую окончилъ въ 1908 году. Полагающійся цензъ командованія ротой онъ отбывалъ въ Волинскомъ полку и впослѣдствіи, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ въ Штабъ Округа въ Харбинѣ. Съ этого времени начинается неудовлетворенность работой въ Штабѣ, его дѣйственная натура не могла примириться съ чисто канцелярской работой, связанной съ его маленькимъ чиномъ, и эта невозможность проявлять инициативу заставляла страдать Михаила Гордѣевича. Къ счастью, въ февралѣ 1912 года онъ былъ переведенъ въ Штабъ Варшавскаго Военнаго Округа, гдѣ общеніе съ Волинцами давало ему отдохновеніе и скрашивало жизнь. Когда вспыхнула Балканская война, Дроздовскій ожилъ; мысль о возможности попасть въ бой, снова услышать свистъ пуль, быть въ дѣйствиіи, вырваться изъ сидѣнія въ Отчетномъ Отдѣленіи Штаба, побудила его просить о командированіи на войну. Однако, желанію его не суждено было сбыться. Вотъ, что онъ писалъ 22-го ноября 1912 года: «Моя мечта принять участіе въ Балканской войнѣ почти облеклась въ реальныя формы, я почти торжествовалъ,

но вчера все рухнуло — категорически воспрещены поѣздки, и я долженъ сидѣть смирно. До какихъ же поръ» . . .

Въ этотъ періодъ времени Михаилъ Гордѣевичъ началъ большой трудъ по стратегіи, о будущей русско-германской войнѣ. Бывая въ Петербургѣ, онъ посѣщаль Публичную бібліотеку, гдѣ собираль нужные ему матеріалы. «Можетъ и хватить характера докончить», говариваль онъ и, дѣйствительно, закончилъ свою работу, но трудъ этотъ погибъ.

Въ 1913 году Дроздовскій добился командировки въ Севастопольскую авіаціонную Школу, гдѣ изучилъ наблюденія съ аэроплановъ.

Европейская война застала Михаила Гордѣевича въ Варшавѣ, откуда онъ былъ назначенъ въ Штабъ Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ. Вотъ, что мы читаемъ въ его письмѣ отъ іюля 1914 года: «Я далекъ отъ боевой линіи, это угнетаетъ меня, но начальство не пускаетъ меня пока впередъ. Здѣсь, правда, больше въ курсѣ дѣла, но зато не услышишь свиста пули, а безъ этого развѣ война — война!!! Ничего, пойдутъ убитые и раненые, а также ищущіе мѣста побезопаснѣе, будетъ и мнѣ замѣна. Эта война, величайшій историческій моментъ — моя великая, самая страстная мечта, и я принужденъ оставаться въ сторонѣ, развѣ можно сказать, что я участвую въ ней. Если бы хотъ нести отвѣтственные, требующія самостоятельной дѣятельности обязанности, а то должность помощника начальника отдѣла въ такихъ крупныхъ штабахъ — роль писарская. И это тогда, когда рѣшается судьба моей родины, я долженъ исполнять безцвѣтную работу,

внѣ опасности. Такая жизнь угнетаетъ меня, положительно любое дѣло валится изъ рукъ».

Стремленіе Дроздовскаго къ болѣе активной роли, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ получило свое осуществленіе, онъ былъ назначенъ въ Штабъ 27-го Армейскаго корпуса.

Вновь обращаемся мы къ письму Дроздовскаго, по поводу этого назначенія:

«Наконецъ-то, мнѣ удалось вырваться изъ штаба Главногокомандующаго, здѣсь только въ штабѣ дивизіи или корпуса я буду имѣть возможность проявить инициативу, съ моимъ маленькимъ чиномъ (капитана) принести большую пользу, конечно все будетъ зависѣть отъ личностей начальствующаго персонала, но хуже не будетъ... Поймите, что пришлось мнѣ пережить послѣднее время: на сѣверо-западномъ фронтѣ неудачи, ихъ я предсказалъ до войны въ безконечныхъ разговорахъ и спорахъ въ штабѣ. Въ своемъ дневникѣ я указывалъ на печальныя послѣдствія нашей стратегіи, я предвидѣлъ все и ничѣмъ не могъ помочь, предотвратить тяжелыя послѣдствія. Вѣдь въ нашихъ рукахъ была яркая, блестящая побѣда, при наличіи тѣхъ обстоятельствъ, съ которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?...»

Въ приложеніи приведены отрывки записокъ изъ полевой книжки Дроздовскаго, относящіяся къ этому періоду.

Осенью 1915 года Михаилъ Гордѣевичъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ штаба 64-ой дивизіи. Наконецъ онъ смогъ въ болѣе широкомъ масштабѣ проявить свою инициативу.

Слѣдующій фактъ, характеризующій Дроздовскаго, произошелъ въ бытность его начальникомъ штаба 64 дивизіи.

Во время ночного отступленія Н-го корпуса, переправу черезъ мостъ внезапно захватила нѣмецкая конница, чѣмъ поставила неуспѣвшія переправиться наши части въ безвыходное положеніе. Неожиданно раздались крики «ура», и на мосту появился подполковникъ Дроздовскій съ группой солдатъ. Впослѣдствіи выяснилось, что получивъ донесеніе о захватѣ нѣмцами переправы, Михаилъ Гордѣевичъ сразу учелъ положеніе, наскоро собралъ находившихся вблизи штаба солдатъ и кинулся къ мосту. Послѣ короткой схватки нѣмцы бѣжали и до утра подполковникъ Дроздовскій занималъ отбитую имъ переправу, а утромъ возвратился въ штабъ и приступилъ къ своей обычной работѣ.

Настроеніе Дроздовскаго сильно измѣнялось въ связи съ обстановкой на фронтѣ.

Изъ письма М. Г. Дроздовскаго отъ апрѣля 1916 г.:

«У меня громадная работа, не говоря уже о текущемъ бумагомараньи; иногда цѣлыми днями пропадаю на позиціи; приходится дѣлать организаціонныя работы, требующія большого напряженія, но совершенно необходимыя, чтобы быть во всеоружіи передъ случайностями. Я давно старался добиться у своего генерала той планомѣрности, съ которой онъ никакъ не можетъ мириться. Теперь сверху крѣпко нажали и мнѣ удалось получить руководство въ свои руки и надо торопиться все сдѣлать, пока не вставятъ очередной палки въ колесо».

Къ лѣту, въ ожиданіи боевъ Дроздовскому приходилось усиленно работать; вотъ что онъ пишетъ въ іюнѣ:

« Я по горло заваленъ дѣлами, цѣлыми днями на позиціи, возвращаюсь съ обходовъ усталымъ и зарываюсь въ бумагу; безъ конца сидишь и пишешь, позднѣе разбираю телеграммы — это пачка въ добрый романъ Золя.

Вполнѣ понятно, почему у насъ сейчасъ огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать всѣ силы, чтобы не быть неподготовленнымъ къ событіямъ. Всюду нуженъ контролирующий глазъ, предусмотрѣніе и организація. Конечно мало 24 часовъ въ сутки. Все это ничего, если бы не это наводненіе бумаги; я не только не видѣлъ ничего подобнаго, но даже не предполагалъ, что можетъ существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться. Если бы старшіе и высшіе дѣйствительно побольше работали и чаще посѣщали части, не нужно было бы этой мертвящей, душащей бумаги.

Кругомъ наблюдается подъемъ духа. Нельзя не признать, что наши Луцкій и Буковинскій прорывы были удивительно чистой работы, по крайней мѣрѣ во внѣшней ихъ формѣ — видно, что, наконецъ, кое чему научились и у насъ. Положеніе на всѣхъ фронтахъ считается благопріятнымъ; будутъ конечно и неудачи, придется за нихъ не разъ расплачиваться, но инициатива уже вырвана изъ нѣмецкихъ рукъ, нѣмцы отбиваются, но удары наносимъ вездѣ мы. Надо полагать, что такъ останется до конца, но еще

конца войны не предвидится, нужно запастись большим терпѣніемъ».

Въ началѣ сентября, во время атаки Дроздовскій былъ тяжело раненъ въ правую руку, нормально владѣть которой онъ уже не могъ до конца жизни. Вотъ что рассказываетъ офицеръ 64-й дивизіи объ обстановкѣ, въ какой былъ раненъ Михаилъ Гордѣевичъ.

«Къ началу сентября въ числѣ прочихъ частей 64-ая дивизія была переброшена на Юго-западный фронтъ и вошла въ 9-ую армію въ составѣ 18-го армейскаго корпуса. Насколько положеніе 9-ой арміи было серьезно (частично, въ направленіи Мармарошъ-Сигетъ) указываетъ тотъ фактъ, что части дивизіи съ похода были посажены на грузовые автомобили и въ спѣшномъ порядкѣ двинуты на помощь отходящимъ подъ давленіемъ австро-германцевъ мелкимъ казачьимъ отрядамъ.

Районъ сосредоточенія дивизіи была Молдава.

Не имѣя возможности войти на мѣстѣ въ связь съ отходящими по горнымъ тропинкамъ казачьими разъѣздами, а слѣдовательно, не имѣя никакихъ свѣдѣній о противникѣ и его расположеніи, рѣшено было послать впередъ развѣдку изъ батальона 254 пѣх. Николаевского полка. Развѣдкой принялъ на себя руководство начальникъ штаба дивизіи Дроздовскій. Къ утру эта развѣдка опредѣлила линію фронта всего корпуса для перехода въ контръ-наступленіе противъ австро-германцевъ. По занятіи Николаевскимъ полкомъ позиціи остальные части дивизіи были поставлены вправо и влѣво отъ него, заполнивъ такимъ образомъ образовавшуюся брешь,

соприкасаясь правымъ флангомъ съ Уссурійцами, лѣвымъ же съ 37 пѣх. дивизіей.

Подошедшими нашими свѣжими силами было предпринято частичное наступленіе, которое начало успѣшно развиваться на обоихъ нашихъ флангахъ. Намъ же необходимо было преодолѣть сильнѣйшее естественное препятствіе, въ видѣ мѣстнаго горнаго хребта съ тактическимъ ключемъ — горой Капуль, за которой находился очень важный для насъ Кирли-бабскій проходъ. Для взятія Капуля была назначена 64-ая дивизія, части которой ночной атакой въ короткой штыковой схваткѣ сбили противника и закрѣпились, пославъ донесеніе въ штабъ дивизіи, что Капуль взятъ, о чемъ было немедленно сообщено въ ставку Главнокомандующаго. Въ связи съ этимъ донесеніемъ, ночью же стали вырабатывать планъ дальнѣйшаго наступленія, когда съ разсвѣтомъ выяснилось, что нашими частями занята не гора Капуль, а лишь ея восточное плато. Было необходимо исправить эту ошибку и главное сгладить неловкость по отношенію къ Ставкѣ.* Взятіе Капуля было назначено на 5-ое Сентября. Этой атакой взялся руководить подполковникъ Дроздовскій, подтянувъ для этого весь свободный резервъ. Мнѣ кажется, что подполковникъ Дроздовскій чувствовалъ, что его присутствіе и личное руководство внушало строевымъ начальникамъ, отъ командировъ полковъ до младшихъ офицеровъ, увѣренность въ успѣхѣ, а для солдатъ казалось необычайнымъ присутствіе начальника штаба ихъ дивизіи. Атака носила характеръ стремительнаго, безудержнаго натиска. Но когда передовыя цѣпи подъ дѣйствіемъ смертоноснаго ог-

ня въ упоръ, захлебнувшись, залегли передъ проволокой, подполковникъ Дроздовскій, приказавъ двинуть на помощь новый резервъ, поднялъ залегшіе цѣпи и съ крикомъ «впередъ братцы», съ обнаженной головой бросился впереди атакующихъ. Мы были у цѣли, я — командиръ роты, бѣжалъ рядомъ съ подполковникомъ Дроздовскимъ, все это происходило въ какія то короткія мгновенья, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордѣвичу такъ блестяще начатую атаку, — онъ былъ раненъ. Ворвавшись въ окопы противника, мы смогли продержаться тамъ только до вечера, такъ какъ тщетно ждали поддержки со стороны сосѣднихъ участковъ. Но тамъ не было такихъ руководителей, которые готовы были съ такой энергіей до конца служить своему дѣлу, какъ подполковникъ Дроздовскій. Я не знаю, какъ на этотъ подвигъ посмотрѣло высшее начальство, но мнѣніе всѣхъ строевыхъ офицеровъ и солдатъ было одно — не потеряй мы Дроздовскаго въ этомъ бою, къ вечеру мы бы уже спускались въ Кирли-бабскій проходъ».

Только въ Январѣ 1917 года, могъ вернуться въ строй Михаилъ Гордѣвичъ и, произведенный въ полковники, былъ назначенъ начальникомъ штаба 15-ой пѣхотной дивизіи. Его мечта получить полкъ, быть самостоятельнымъ начальникомъ, пока оставалась лишь мечтой. Тамъ застала его революція, которая по мнѣнію Дроздовскаго, вела къ гибели Россію. Вотъ его первое письмо послѣ всѣхъ происшедшихъ событій.

«Вы положились на армію, а она не сегодня-завтра начнетъ разлагаться, отравленная ядомъ полити-

ки и безвластія. Когда я первый разъ услыхаль о «рабочихъ и солдатскихъ депутатахъ» — для меня ясенъ сталъ дальнѣйшій ходъ событій: исторія — это законъ. Что я переживаю? Я никогда въ жизни не былъ поклонникомъ режима беззаконія и произвола, на переворотъ естественно смотрѣлъ какъ на опасную и тяжелую, но неизбѣжную операцію. Но хирургическій ножъ оказался грязнымъ, смерть неизбежна, исцѣленіе ушло. Весь ужасъ въ томъ, что у насъ нѣтъ времени ждать, передъ нами стоитъ врагъ съ арміей, скованной желѣзной дисциплиной, намъ нечего будетъ противопоставить его удару. Такъ что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я вѣрилъ о чемъ мечталъ, для чего жилъ, все безъ остатка... въ душѣ пусто. Только изъ чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступалъ передъ опасностью и не склонялъ передъ ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своемъ посту и останусь на немъ до послѣдняго часа».

Долгожданная мечта Дроздовскаго, получить полкъ, наконецъ осуществилась, 6 апрѣля онъ былъ назначенъ командиромъ 60-го Замосцкаго полка, новыя революціонныя условія это командованіе не принесло радости, не дало поля для широкой творческой работы, и было для Дроздовскаго непосильнымъ крестомъ.

Несмотря на общій развалъ арміи, боевыя дѣйствія продолжались. 20-го ноября, Дроздовскій по давнишнему представленію получилъ Георгіевскій крестъ 4-ой степени, а представленіе, къ Георгію 3-ей степени осталось безрезультатнымъ (представленіе штаба Румфронта за № 125411).

24-го ноября онъ былъ назначенъ командиромъ 14-ой пѣхотной дивизіи, но въ виду полной невозможности командовать дивизіей при все усложнявшейся обстановкѣ, 11-го декабря, Дроздовскій сложилъ съ себя это званіе и уѣхалъ въ Яссы, гдѣ было задумано формированіе Добровольческаго Корпуса.

Съ захватомъ власти большевиками и фактичѣскимъ прекращеніемъ войны наступилъ полный развалъ русской арміи. Одинъ лишь Румынскій фронтъ, находившійся въ иныхъ условіяхъ, благодаря присутствію румынскихъ войскъ, границы, отдѣляющей его отъ хаоса въ Россіи, и т. д. кое-какъ сохранялъ выѣшній порядокъ.

Еще въ декабрѣ 1917 года установилась связь между генералами Алексѣевымъ (Донъ) и Щербачевымъ (Яссы). Тогда же въ Румфронтѣ зародилась мысль объ организаціи особаго корпуса русскихъ добровольцевъ для посылки его на Донъ въ помощь ген. Алексѣеву и Корнилову. Эта идея встрѣтила сочувствіе и поддержку со стороны союзниковъ; французы дали на организацію предполагаемаго похода нѣсколько милліоновъ франковъ.

Главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ ген. Щербачевъ поручилъ организацію добровольческаго корпуса ген. Кельчевскому. Было выпущено воззваніе къ офицерамъ и солдатамъ Румынскаго фронта (см. прилож. I), съ поступающихъ добровольцевъ требовалась подписка (см. прилож. II).

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ организаторовъ по подготовкѣ предполагавшагося похода былъ полковникъ М. Г. Дроздовскій, къ тому времени сложившій съ себя обязанности

начальника 14-ой пѣхотной дивизіи. Въ началѣ января онъ былъ командированъ въ Одессу, гдѣ организоваль Бюро для записи добровольцевъ.

Тѣмъ временемъ осложненія росли; къ серединѣ февраля положеніе на югѣ Россіи, черезъ который лежалъ путь слѣдованія предполагаемаго корпуса, находился въ состояніи полной анархіи. «Безкровная» русская революція начала выражаться въ изступленной безудержной войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Море крови, пытки, насилія и грабежи на фонѣ страха, угнетенности и пассивности массъ — вѣтъ картина царившаго тамъ хаоса.

Связь съ Дономъ была порвана.

Видя кругомъ распадъ, не вѣря въ возможность какой бы то ни было борьбы съ большевиками, ген. Щербачевъ, его штабъ, а за нимъ и испуганное офицерство отказались отъ своей первоначальной идеи. Проще было сидѣть въ Румыніи и въ безопасности выжидать дальнѣйшаго хода событій. Приказомъ штаба Румфронта задуманный ранѣе походъ былъ отмѣненъ и добровольцы, давшіе ранѣе подписки въ Добровольческій Корпусъ, освобождались отъ взятыхъ на себя обязательствъ.

Гибнущую идею рѣшилъ спасти полковникъ Дроздовскій. На фонѣ растерявшейся среды людей, долгъ которыхъ былъ руководить и поддерживать въ такія критическія минуты, когда ихъ опытъ и авторитетъ могли бы поднять духъ и объединить всѣхъ для борьбы съ большевизмомъ, — встаетъ скромная фигура полк. Дроздовскаго, объявившаго прямо, что такъ скоро отъ начатаго дѣла онъ не отречется. «Я иду — кто со мной». Это рѣшеніе

вызвало рѣзкое осужденіе окружавшихъ его: мысль о походѣ называли безуміемъ, авантюрой, — она вызывала насмѣшки и возмущеніе. Изъ всего Румынскаго фронта на смѣлый призывъ Дроздовскаго отозвалось и поступило въ организуемую имъ 1-ую Бригаду Русскихъ Добровольцевъ всего 800 человекъ, не побоявшихся всѣхъ опасностей, которыя стояли на намѣченномъ пути, довѣряя вполне водительству Дроздовскаго.

Только незадолго до выхода изъ Румыніи ген. Щербачевъ измѣнилъ свое недовѣрчивое отношеніе къ походу и сталъ помогать Дроздовскому; генераль же Кельчевскій до конца гдѣ было возможно тормазилъ дѣло; Дроздовскій называлъ его предателемъ.

Яркимъ примѣромъ отношенія къ прозку Дроздовскаго можетъ служить слѣдующее: Въ Одессѣ, предсѣдатель Союза офицеровъ ген. лейт. Л. въ рѣзкой формѣ отказалъ въ содѣйствіи отряду по формированію, пополненію и въ распространеніи среди офицеровъ его идей, не желая принимать участіе и брать на себя отвѣтственность въ «этой авантюрѣ».

Румынское правительство, помогавшее вначалѣ, въ послѣдствіи ставило всяческія препятствія организациі отряда, требуя его разоруженія.

Несмотря на чинимыя препятствія, Дроздовскому удалось организовать свой отрядъ, который и выступилъ подъ его начальствомъ въ походъ, описанію котораго посвященъ приводимый ниже дневникъ.

ДНЕВНИКЪ

1918 — 1919

Можно ли?

20 февраля 1918 г.

Утромъ 19 шель Геруа ¹⁾ передать докладъ Совѣта ²⁾. Встрѣча съ Алексѣевымъ ³⁾, рѣшеніе уходить. Тревожныя вѣсти — разоруженіе. Все по моему предсказанію за послѣдніе 10 дней. Мое рѣшеніе — пробиться. Распоряженіе Лесли ⁴⁾ подготовить помѣщеніе и объуходѣ; поѣздка въ Скентею⁵⁾ и распоряженіе. Ночной переходъ съ 20-го на 21-ое. Приступилъ къ составленію очерка затрудненій, творимыхъ румынами. Запрещеніе выдачи изъ складовъ имущества и снарядовъ, оружія, пропусковъ, неотпускъ лошадей въ Бѣльцахъ. Распубликованіе въ Бессарабіи о томъ, что въ Яссахъ ничего нѣтъ⁶⁾; затрудненія, творимыя

---

¹⁾ Геруа — генераль-маіоръ — бывшій командиръ Л-гв. Волынскаго полка, начальникъ Штаба генерала Щербачева.

²⁾ Совѣтъ — конспиративный совѣтъ по организаціи добровольческаго движенія.

³⁾ Генераль Алексѣевъ, при Штабѣ рум. фронта, внослѣдствіи нач. Штаба Войска Донскаго.

⁴⁾ Лесли полк. генер. Штаба, совершившій походъ съ Дроздовскимъ.

⁵⁾ Скентея мѣст. въ 60-ти верстахъ отъ Яссъ.

⁶⁾ Румыны распубликовали, что въ Яссахъ нѣтъ никакихъ добровольческихъ формированій.

въ Бессарабіи — еще хуже. Офіціальная любезность, тайныя запрещенія, итальянская забастовка. Наша борьба съ Синедріономъ¹⁾ за выходъ на Днѣстръ; безконечно нервное напряженіе послѣднихъ 10-ти дней, 20-го утромъ записка Одона²⁾ о нарядѣ 3-хъ эшелоновъ: Разрѣшеніе на вывозъ оружія и артиллеріи. Днемъ обѣщаніе отпуска недополученнаго снаряженія, снарядовъ и патроновъ. Подача записки Презано³⁾ (все это результатъ давленія Щербачева, увы, поздняго; вообще Презано шель охотно, тормазило правительство съ Авереску).

22 февраля.

Разрѣшеніе министра на перевозку — въ рукахъ. Весь день тѣ же мытарства: румыны водятъ за носъ, нѣтъ до сихъ поръ допуска къ бензину, нѣтъ разрѣшенія на снаряды, инженерное имущество, снаряженіе — все время только и дѣлаютъ — ѣздятъ къ Презано и въ Главную Румынскую Квартиру. Галибъ⁴⁾ пакостить, просилъ Авереску насъ обезоружить. Составы есть, но нѣтъ еще разрѣшенія грузить, а уже больше 18 часовъ. Очевидно погрузимся только завтра. Да и не могли бы — не хватаетъ запряжи взять все имущество. Страшный кавардакъ и хаосъ, надъ всѣмъ царить страхъ отмѣны нашего выпуска съ оружіемъ (румынамъ вѣрить нельзя) или занятія австріяцами Дубоссаръ.

1) Синедріонъ — Штабъ генерала Кельчевскаго.

2) Одонъ, французскій полковникъ.

3) Презано и Авереску — румынскіе генералы.

4) Галибъ — Украинскій посоль отъ Петлюры.

Весь день мечусь, какъ угорѣлый, ѣздить въ Соколы, нервы раздергались, становлюсь невыдержаннымъ въ разговорѣ. Обѣщались завтра примкнуть отъ 70 до 110 человекъ чехо-словаковъ и человекъ 60 запорожцевъ.

23 февраля.

Вчера до поздней ночи читалъ описаніе района предстоящаго перехода — страшно; время разлива, рядъ рѣчекъ, мостовъ нѣтъ. Черезъ Днѣпръ у Берислава они могутъ быть разведены. Трудность предприятия колоссальна.

Узналъ утромъ о пожарѣ складовъ въ Скентеѣ. Назначено разслѣдованіе.

10¹/₂ у. — Запретъ румынскимъ кабинетомъ министровъ перевозки и вообще выхода съ оружіемъ. Мотивы: предстоящій миръ Румыніи, а главное — Украина заключила миръ и объявила нейтралитетъ; безъ ея разрѣшенія нельзя. Кельчевскій поѣхалъ немедленно къ Главнокомандующему. Мое рѣшеніе — въ 10—11 вечера отправить въ Унгени 3 роты (на подводахъ), эскадронъ, легкою батареею и взводъ (горную бросить — снаряды подмочены), пулеметная команда, штатный обозъ; колебанія нѣкоторыхъ начальниковъ — офицеры 26 артил. бригады. Идти силою черезъ мостъ — въ карманѣ пропуска и разрѣшеніе министра, способъ — самъ въ головѣ колонны и на огонь — огонь.

Румыны всячески оттягивали отходъ, а полк. Дроздовскій спѣшилъ, такъ какъ наступала весенняя распутица и прошли глухіе слухи о предполагаемой оккупациі нѣмцами Украины. Въ

случаѣ дальнѣйшихъ препятствій со стороны румынъ полк. Дроздовскій рѣшаетъ прорываться силою.

Предположеніе, что перевозка была ловушкой — всего можно ожидать ¹⁾).

Румыны предлагали перевезти отрядъ къ границѣ по частямъ. Не довѣряя румынамъ, полк. Дроздовскій отказался, опасаясь разоруженія.

Весь день бѣготня по ликвидаціи вещей.

Въ 6 вечера — перемѣна, разрѣшеніе; подали новый списокъ подлежащихъ выходу частей, вооруженіе матеріальной части, требованіе на снаряды, патроны и оружіе новое, прежнія аннулированы. Разрѣшеніе Авереску. Не вѣрю, опять игра. А время бѣжить, нужны спѣшныя распоряженія. Добавленіе артиллеріи въ расчетъ на Кишиневцевъ.¹⁾ Имъ придется идти пѣшкомъ — нужно увеличить обозъ.

Прибытіе двухъ ротъ румынъ днемъ въ Соколы. Демонстрація—узнавъ, приказалъ отвѣтить тѣмъ же. Разговоръ съ Бологовскимъ.²⁾

Обѣдъ въ миссіи. Опять безсонница.

23 февраля.

Передѣлка мѣшка вещевого. Предложеніе 60-ти сербовъ. Поѣздка въ Соколы. Погрузка — Отсебятина, много лишняго. 48-линейныхъ снарядовъ еще нѣтъ. Возвращеніе. Исторія съ деньгами — намъ

---

¹⁾ Въ Кишиневѣ должна была быть сформирована 2-ая Бригада Добровольцевъ.

²⁾ Бологовской — капитанъ конно-горной артиллеріи.

600.000¹⁾), а 200.000 Кишиневцамъ за февраль и мартъ; ихъ запросъ объ активной группѣ: острый разговоръ съ Алексѣевымъ въ раздраженномъ тонѣ, съ моей стороны — горькія истины, накопившія въ душѣ.

Обѣдъ въ миссіи; вѣсть о движеніи нѣмцевъ — Болградъ прошли — двигаются на автомобиляхъ и конно на Бендеры: положеніе становится крайне тяжелымъ, время идетъ, эшелоны еще не начали ухода. Вѣроятно румыны нарочно тянутъ, чтобы нѣмцы обезоружили сами.

Опять плохо спалъ. Вернулся около двухъ; всталъ въ 8.

24 февраля.

Надо ускорить перевозку — набросалъ новый планъ — тотъ сдѣлалъ безъ моего утверженія. Опять караулъ не даетъ бензина; на остатки ѣду съ шт.-ротмистромъ Преображенскимъ. Выбрасываемъ 4 эшелона. Артиллерія пойдетъ походомъ кромѣ мортиръ. Эскадронъ и часть обоза подъ командой Федулаева. Остается 3 эшелона — почти мой расчетъ. Издѣвательства продолжаютъся — не даютъ ни снарядовъ, ни инженернаго имущества, ни оружія, ничего; что Главная Румынская Квартира разрѣшила — не даютъ караулы. Прямо саботажъ; эшелоны погружены, стоять, вечеромъ спрашивали, можно-ли ѣхать, но такъ и не тронулись. Сегодня уѣзжаютъ миссіи — опять жди. Весь день состояніе озлобленія, нервность крайняя, офицеры всѣ издерганы; рѣшеніе горняковъ.

¹⁾ Изъ 57 милліоновъ, полученныхъ отъ французовъ на организацію добровольческаго корпуса, Дроздовскому было выдано 600.000 румынскихъ лей.

Опять пишемъ въ Румынскую Главную Квартиру, а также о пропускѣ Федулаевской колонны — только къ чему пропуска непропускающіе! Около 8 веч. бензинъ и инженерное имущество даны; снаряды и пропуски обѣщаны. Эшелоны двинутся завтра — проживемъ — увидимъ. Распоряженіе Синедріона о правѣ не идти.¹⁾ Положеніе у насъ.

25 февраля.

Поѣздка въ Соколы около 2¹/₂ час. дня. Все по желѣзной. Утромъ узналъ, что въ Александріи всего 6 эшелоновъ. Наконецъ все выдано — днемъ получали снаряды, патроны, гранаты ручныя, ружья и т. п. Конецъ. Въ полдень отошелъ одинъ эшелонъ. Сегодня должны отойти еще два. Разговоръ съ Яцевичемъ, (движеніе нѣмцевъ), около 300 офицеровъ у него въ районѣ Галаца, спрашивалъ, какъ присоединиться. Поздно!!... Конная дивизія идетъ — части Грикопуло должны присоединиться; разговоръ съ нимъ — указалъ сборъ въ районѣ Устья.

Свѣдѣнія съ Дона большевистскихъ искрограммъ: Ростовъ и Новочеркасскъ пали. Какія же у насъ тогда цѣли, какъ искать соединенія? Страшная трудность задачи. Время покажетъ, а пока по намѣченному пути, лишь бы нѣмцы пропустили.

26 февраля.

Утромъ въ 10¹/₂ — въ банкѣ, въ 2 ч. въ Управленіи. Горные снаряды разрѣшены. Съ поѣздомъ сегодня трудно, но отвѣтъ въ 5 часовъ. Разговоръ съ Алек-

---

¹⁾ Приказъ ген. Кельчевскаго, что давшіе ранѣе подписку о вступленіи въ ряды Добр. Корпуса имѣютъ право остаться и отъ подписки освобождаются.

сѣевымъ — освобожденіе офицеровъ отъ обязатель-
ства идти. Расколъ среди офицеровъ. По какому пра-
ву эти случайные люди — генералы дѣлаютъ такія
распоряженія; онъ обидѣлся, назвалъ мой проектъ
фантазіей.

Въ 2 часа поѣхалъ въ Соколы. Встрѣча автомоби-
ля съ броневиками — пришли румыны (взводъ роты)
обезоруживать; разговоръ съ румынскимъ капита-
номъ — предложеніе спросить по телефону свою
Главную Квартиру или того же Стефанеско (предпи-
саніе было штаба мѣстной дивизіи); пошли разгова-
ривать.

5 часовъ. Всѣ письменныя разрѣшенія въ рукахъ:
броневая батарея, аэропланы, автомобили. Поѣзда:
сегодня въ 18, 27-го числа въ 11 час. и въ 16 час. Каж-
дый по 30 крытыхъ и 15 платформъ. Поѣздка съ
Василеско въ Соколы для полученія разрѣшенія на
горные снаряды. Оказалось напрасно, уже все со-
глашено; однако застряли — не хватило бензина.
Попытка поѣхать на Пакарѣ¹⁾ броневиковъ.

Лейтенантъ Василеско много и энергично рабо-
таетъ.

Хлопоты съ автомобилями — все стремятся не-
додать, офицеровъ не извѣстили, что никто потомъ
догонять не будетъ, штабъ и роты остаются — когда
все это разъяснилось, — большинство роты уходитъ.
Завтра получка денегъ и завтра же и послѣ-завтра
— походъ. Погода сухая и жаркая.

Нѣмцы не идутъ пока на Бендеры, у Лейпцигской
оказался взорванъ или поврежденъ путь, сильно по-

---

1) Автомобильная марка.

лагаемъ, что это румыны для облегченія ухода французовъ.

27 февраля.

Въ началѣ 15-го часа ѣду въ Соколы — еще ни 4-ый, ни 5-ый эшелоны не ушли и даже не кончили погрузки: румыны ли поздно, мы ли медленно грузились — чортъ знаетъ, а время идетъ — несомнѣнно причина неправильное соотношеніе платформъ и вагоновъ. Румыны выдали не то, что мы просили; это задержало погрузку. Въ 16 часовъ 6-ой эшелонъ еще не начиналъ грузиться. Арестъ самозванца въ горной батарее. Распоряженіе продать лишніе автомобили въ броневомъ взводѣ. Бензину мало — предназначалось 400 пудовъ, а Преображенскій все старается недодать. Гаражныя комбинаціи, торговля автомобилями (тайная). Вообще послѣдніе дни (2—3) сплошная борьба съ нашей авто-частью за бензинъ и машины, затягиваніе выдачи денегъ, задерживающее офицеровъ, хотя можетъ быть и не нарочно.

Вообще страшно изнервничался за послѣднія двѣ недѣли: борьба съ начальствомъ, румынами, а подъ конецъ и авто-частью.

На душѣ тяжело — если правда потеря Ростова и Новочеркаска, то трудность соединенія почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все болѣе и болѣе тяжелой. Какъ ни мрачно — борьба до конца, лишь бы удрать отъ нѣмцевъ за линію Слободка-Раздѣльная и дальше сохранить въ цѣлости полную организацію отряда, а тамъ видно будетъ — можетъ и улыбнется счастье. Смѣлѣй впередъ!

Успѣемъ-ли, сумѣемъ-ли проскочить?

Около 19 часовъ получилъ телеграммы отъ 26 числа. 2-ой эшелонъ прибылъ, Войналовича ¹⁾ нѣтъ, не знаютъ — что имъ дѣлать. Сильно встревоженъ. Недавно пропалъ автомобиль съ 3-мя офицерами неизвестно гдѣ, а тутъ у Войналовича всѣ инструкціи, самъ по себѣ онъ очень нуженъ и трудно замѣнимъ, да съ нимъ интендантъ съ 50.000 рублей.

Послѣ 20 часовъ разъяснилось, пріѣхалъ офицеръ изъ Кишинева за деньгами для 2-й бригады — онъ уже видѣлъ тамъ Войналовича, очевидно выѣхавъ на ночь, гдѣ нибудь застрялъ.

Завтра въ 14 рѣшилъ уходить съ авто-колонной, — задерживаетъ получка офицеромъ денегъ для 2-ой бригады — надо взять его съ собой.

До 3-хъ часовъ ночи писалъ письма.

28 февраля.

Около 12 пріѣхалъ въ Соколы. Одну броневую сдали румынамъ, продали три броневыхъ машины, но дешево за бензинъ и деньги. Зато имѣемъ не менѣе 200 пудовъ запаса только въ батарееѣ. Эшелоны 4 и 5 ушли, грузится 6-ой. Повидимому не все помѣстится въ эшелонъ — далъ указаніе все худшее и менѣе нужное продать. Вернулся въ 12^{1/2} въ Управление — свѣдѣніе, что нѣмцы заняли Раздѣльную и станціи дороги; Украинцы пристально слѣдятъ — сказалъ Федоровъ. Просилъ распустить завтра слухъ, что, сосредоточившись на сѣв.-вост. отъ Кишинева, пойду на Рыбницу, Балту, Ольвиополь на соединеніе съ

---

¹⁾ Начальникъ Штаба отряда Дроздовскаго.

CERCLE RUSSO
DE LA
VILLE DE MONTAR
33

поляками. Авось надую нѣмцевъ, хотя сомнительно; положеніе въ общемъ тяжелое — слишкомъ поздно уходить. Офицеръ 2-ой бригады не можетъ сегодня ѣхать, и чтобы не задерживать уходъ, взялъ 75 т. руб. за 120.000 лей для уходящихъ съ собой. — Выѣхали изъ общежитія въ 2¹/₂ часа. Мигай остался, чтобы взять Лауринъ-Клементъ¹⁾ — будетъ нагонять. Я съ Неводовскимъ²⁾, Храповымъ и пом. шоффера пошли впередъ на Пирсѣ³⁾. До границы раза три останавливали съ пропусками. Въ Унгенахъ нагнали броневиковъ на переправѣ; возня съ комендантомъ, детально провѣряющимъ машины. Ступинъ, наскочивъ на Пакарѣ⁴⁾ на переднюю машину, разбилъ фонари, помялъ крыло; съ машиной что-то не въ порядкѣ — ее буксировали; остался сзади еще и грузовой Пакаръ. Погода хмурится, начинается накрапывать. Дорога дрянь, ухабы.

Отъ Унгенъ на Пирсѣ ушли значительно впередъ. Хотѣли сегодня попасть въ Кишиневъ (остальные рѣшили ночевать въ дорогѣ), но остановки съ пропусками, двѣ лопнувшихъ шины и плохая дорога — задержали — уже темнѣло, часовъ въ 8-8¹/₂ пріѣхали въ Каларашъ; фонари не горятъ, ночевать въ Кишиневѣ негдѣ. Рѣшили искать пріюта у священника (благочинный), тамъ ликвидаціонная комиссія 27-го тяж. дивиз.; напоили чаемъ, покормили, устроили на ноч-

---

1) 3) и 4) Автомобильная марка.

2) Генераль-Лейтенантъ Неводовскій, пріѣхавъ въ Яссы, когда отрядъ былъ уже сформированъ, получилъ предложеніе отъ Дроздовскаго идти съ нимъ рядовымъ артиллеристомъ, далъ немедленно свое согласіе, но сейчасъ же выяснилось, что ранѣе назначенный начальникъ артиллеріи остается въ Яссахъ и ген. Неводовскій занялъ этотъ постъ.

легъ на походныхъ кроватяхъ. Разговоры на темы пережитого, хозяйничанье большевиковъ, приходъ румынъ.

Дождикъ, дорога немного грязнится.

1 марта.

Насморкъ и бессонница продолжаютъ изводить. Хозяева артиллеристы напоили чаемъ. Выѣхали около 11. На подъемѣ въ Каларашѣ долго возились по скользкой мокрой дорогѣ, буксовали колеса, долго надѣвали цѣпи, въ остальномъ добрались до Кишинева безъ приключеній около 2 часовъ дня. Прямо въ штабъ 2-ой бригады. Сдалъ деньги, повидимому присоединится мало — нѣсколько десятковъ — результатъ работы руководителей и прямо отговаривающихъ и затрудняющихъ и всячески работающихъ противъ (особенно, говорятъ, Асташевъ и Ракитинъ¹⁾); вообще составъ оставляетъ желать лучшаго — распущены, разболтаны. Въ 6-омъ часу узналъ о прибытіи горнаго и кав. эшелона — было столкновение на одной станціи, кажется Каларашѣ съ румынами, выславшими роты, выставившія пулеметы; у насъ отвѣтили тѣмъ-же выставленіемъ пулеметовъ съ лентами; одному румынскому офицеру дали затрещину, разошлись миромъ, румыны ушли и больше не занимались провокаціей.

2 марта.

Въ это время въ Кишиневѣ находилось много офицерства. Дроздовскій произнесъ тамъ пре-

---

¹⁾ Ген. Асташевъ и Ракитинъ близко стояли къ дѣлу формированія 2-ой Добровольческой Бригады въ Кишиневѣ.

красную рѣчь о цѣляхъ похода, предлагалъ подчиниться съотрядомъ ген. Бѣлзору, лишь бы скорѣе пойти на помощь генераламъ Алексѣеву и Корнилову. Но генералъ, основываясь на приказѣ Штаба Румфронта, освободилъ всѣхъ отъ обязательствъ по подпискѣ, называя этотъ походъ авантюрой. Онъ уговаривалъ не идти, не довѣряться безумному плану Дроздовскаго. Изъ всѣхъ бывшихъ въ Кишиневѣ — присоединилось всего 60 человекъ. Амуниціи, бывшей въ большомъ количествѣ, не выдали отряду Дроздовскаго.

Утромъ в 11^{1/2} въ помѣщеніи 4-го полка собрались офицеры — говорилъ о томъ, что обязаны придти всѣ, но что не гонюся за числомъ, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикамъ не мѣсто; кто идетъ — пусть поторопится присоединиться сегодня и завтра утромъ.

Къ утру собрались на вокзалѣ всѣ эшелоны окончательно. Вчера вечеромъ пришли автомобили, сегодня днемъ броневой взводъ. Заглянулъ къ автокомандѣ представитель Сфатуль-Церія, хотѣлъ реквизировать—указали, что первая добровольческая бригада и выставили. Шакалы!

Войналовичъ уѣхалъ днемъ на Пирсѣ (Кейсѣ неисправенъ) боюсь, чтобы безъ него не вышло скандала. Кажется, подъ давленіемъ румынъ должны были первыя роты (1-ая и 2-ая) перейти въ Дубоссары при неизвѣстной обстановкѣ и могли быть отрѣзаны нѣмцами, а мостъ закрыть румынами. Сказалъ во что бы то ни стало сидѣть на переправѣ верхомъ, обезпечивъ обратный уходъ передовой части черезъ мостъ.

На вокзалъ складъ имущества; не на чемъ вывозить; продовольствіе, обмундированіе, оружіе, боевые припасы; распоряженій ясныхъ не оставлено, вообще съ грузами хаосъ; приказалъ, что возможно, поднять, отобравъ необходимѣйшее, прочее уничтожить или продать, поручить это старшему изъ оставшихся при обозахъ офицеровъ, капит. Соболевскому. Некогда тутъ заниматься устройствомъ складовъ и ихъ перевозкой въ нѣсколько оборотовъ.

. Агитація противъ похода изводитъ, со всѣхъ сторонъ каркаютъ представители генеральскихъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ; вносятъ расколъ въ офицерскую массу. Голосъ малодушія страшень, какъ ядъ. На душѣ мрачно, колебанія и сомнѣнія грызутъ, и на мнѣ отразилось это вѣчное нытье, но не ожиданіе встрѣчи съ ней. А все же тяжелыя обстоятельства не застанутъ врасплохъ. Чѣмъ больше сомнѣній, тѣмъ смѣлѣе впередъ по дорогѣ долга . . . . .

Только неодолимая сила должна останавливать, не ожиданіе встрѣчи съ сей. А все же тяжело. Къ 5-ти часамъ всѣ части, кромѣ обоза, ушли впередъ. Завтра повожусь съ уходомъ мѣстныхъ офицеровъ, увозомъ грузовъ, а тамъ утромъ 4-го и самъ впередъ.

3 марта.

Вечеромъ разговоръ у Кейданова съ офиц. 2-ой бригады и Трахтенбергомъ, что много, почти всѣ пошли бы, если бы приказали, но когда начальство объявило, что подписки уничтожаются, свободны не идти съ нами, а одиночно—пошло очень мало . . . Все

надѣлалъ главнымъ образомъ нашъ штабъ и штабъ 2-ой бригады; впрочемъ, все къ лучшему. — рвани не нужно. Сильная мысль—всѣхъ на подводы, а на многихъ подвотъ не хватитъ. Получилъ донесеніе, что Дубоссары заняты нами. Объ австро-германцахъ ни слуху. Большевики бѣжали, 4-хъ захватили изъ комитета, одинъ изъ коихъ раньше хвастался, что убилъ 10 офицеровъ и 1 архіерея. Верстахъ въ 45 сѣвернѣе Дубоссаръ есть свѣдѣнія — поляки. Пошелъ разыскивать, чтобы связаться. Днемъ хлопоты съ отправкой обоза, Румыны требовали въ 12, ругался, злился, выторговаль въ 2 часа. Остатки продуктовъ и вещей продаемъ.

Часовъ съ 5 шла нагрузка каміоновъ (грузовиковъ), кончившаяся въ темнотѣ. Завтра будетъ окончательная продажа оставшагося.

Вечеромъ собираюсь быть въ опереткѣ, отдохнуть, «Цыганская Любовь». Когда еще придется!

А сомнѣнія грызутъ, чѣмъ бодрѣе духъ идущихъ офицеровъ, чѣмъ больше обрисовывается разница между нашими и Кишиневцами, тѣмъ больше жжетъ отвѣтственность. Туда-ли и такъ-ли веду ихъ.

Можно возгордиться — какъ боятся насъ и румыны и Сфатуль-Церій — смѣшно: мы кучка людей, никогда нельзя бы подумать.

4 марта.

Съ утра заботы о ликвидаціи запасовъ — интендантъ заболѣлъ, поручилъ его помощнику, поѣздка на вокзалъ, приказъ снять караулъ и присоединяться. Продали Пакаръ и Кейсъ за 12 000 рублей.

Только въ 16 часовъ выступила колонна. Минеры¹⁾ съ помощникомъ интенданта и тремя чинами караула нѣтъ. Вытянувъ колонну, ушли впередъ. Прибыли въ Дубоссары въ 18—здѣсь всѣ части отряда, на правомъ берегу ничего. Въ Кріюлянахъ обогнали нашъ обозъ (6-ой эш.) и скотъ. Въ Дубоссарахъ размѣстились хорошо. О нѣмцахъ ни слуху. Нѣсколько большевиковъ арестовано. Жители довольны, изъ Григоріополя наканунѣ присылали отъ сельскаго управленія съ просьбой ихъ освободить; послали нѣсколько человѣкъ — большевики бѣжали. Настроеніе хорошее, и себя чувствую бодрѣй — бодрѣй смотрю на будущее.

Въ 11 — ужинъ. Артиллеристы чествовали Неводовскаго, своего училищнаго офицера — засидѣлись до 2-хъ часовъ.

5 марта, Дубоссары.

Проснулся рано, яркое солнце. Австрійцевъ нигдѣ не обнаружено. Все улыбается. Въ 11 часовъ собраніе старшихъ начальниковъ для реорганизации отряда, обоза (всѣ на повозки); сокращеніе числа автомобилей — командировка продать часть и на это купить бензинъ; пьянство офицеровъ, попытки насилій, самочинные аресты; сепаратистическія теченія: въ артиллеріи, у конно-піонеровъ и т. п. — непривычка, вѣрнѣе отвычка повиноваться.

На этомъ собраніи была окончательно установлена конструкторія отряда, который былъ подраздѣленъ на: пѣхотный полкъ подъ командой ген. Семенова, вполнѣдствіи отставленнаго отъ коман-

¹⁾ Автомобильная марка.

дованія и даже удаленнаго изъ отряда полковникомъ Дроздовскимъ; два эскадрона конницы подъ командой ротмистра Гаевского и артиллерию подъ командой генерала Неводовскаго.

Конно-пионеры подъ командой ротмистра Двойченко принадлежали ко 2-ой Бригадѣ Русскихъ Добровольцевъ; присоединились въ Кишиневѣ.

Къ вечеру вѣсти о разѣздахъ австрійцевъ, чловѣкъ въ 20—25, въ Ягорлыкѣ и у Окны. Положеніе затрудняется нежелательностью столкновений. Свѣдѣнія отъ жителей — (можетъ и врутъ), — но про разѣздъ у Ягорлыка очень достовѣрное изложеніе факта. Около 23 ч. приказалъ послать взводъ на Ягорлыкъ немедленно. Въ бой не ввязываться, а если пойдутъ въ Дубоссары, — заманить. Рѣшилъ приготовить все къ выступленію 6-го вечеромъ. Поживемъ, увидимъ — утро вечера мудренѣе.

6 марта.

Утромъ донесеніе отъ разѣзда, что въ Ягорлыкѣ былъ австрійскій офицеръ съ двумя всадниками, который тогда же вечеромъ ушелъ. Разѣздъ остался въ Ягорлыкѣ, выславъ дозоры. По словамъ жителей верстахъ въ 20 сѣвернѣе Ягорлыка есть чловѣкъ 300 австрійцевъ.

Все утро хлопоты съ отсылкой лишнихъ автомобилей на продажу, подготовкой частей къ выступленію; упорная борьба съ сепаратистами, желающими все дѣлать по своему; не привыкшими къ точности. Приучаю къ исполнительности. Въ 4 часа дня посылаемъ конницу и броневики впередъ съ

цѣлью развѣдки и обезпеченія; Войналовичъ упорно хотѣлъ придать горный взводъ, проявилъ феноменальную настойчивость; все же не согласился — сейчасъ онъ тамъ, какъ пятая нога собакѣ. Главное еще не сформировался.

Услали въ Кишиневъ обѣ легковыхъ и два грузовика продавать и достать бензинъ. Два грузовика продали здѣсь за $6\frac{1}{2}$ т.

Утромъ уѣхалъ Козловъ — долго вчера съ видомъ побитой собаки объяснялъ, что онъ не боится, а только ему съ нами нечего дѣлать и стыдно брать жалованье, а изъ Яссы онъ поѣдетъ въ Сибирь съ той же идеей, что и наша. Не огорченъ — и слава Богу. Говорилъ съ нимъ кисло и онъ это чувствовалъ.

Весь день сборы, организація обозовъ. Удралъ Борзаковъ. До поздней ночи танцы въ зданіи кино съ мѣстнымъ обществомъ — видъ мѣстныхъ здорово демократичный. Наши въ походной формѣ. Наблюдалъ до $1\frac{1}{2}$ часа ночи.

7 марта.

Въ третьемъ часу донесеніе отъ Гаевского — ничего серьезнаго, сталъ на ночлегъ.

Выступленіе затянулось, сборный пунктъ Семеновъ назначилъ въ сторонѣ, въ Лункѣ; тронулась колонна въ 9.20. Неслаженность движенія, страшная растяжка, вообще чудовищный обозъ надо энергично сократить, чѣмъ займемся на дневкѣ; крутые подъемы и спуски также увеличивали растяжку и разрывы. На привалѣ голова колонны пришла око-

ло $3\frac{1}{4}$. На привалѣ двухъ отправили въ дальнюю командировку¹⁾).

Погода почти жаркая, солнце свѣтитъ во всѣ лопатки, дорога хороша. Донесенія отъ конницы утѣшительныя — изъ Окны ушли на сѣверъ.

Выступили съ привала въ $5\frac{3}{4}$.

Только въ 11-омъ часу голова колонны прибыла въ деревню, почти 3 часа шли при лунѣ; поэтично, но непріятно: и невыгодно: опрокинули одинъ ящикъ 48 лин. и двѣ или три повозки поломалось.

Штабъ въ имѣньи Анатра и въ дер. Кошарка приняты очень любезно; легкая батарея и обозы въ Слободкѣ, прочіе въ Кошаркѣ.

Прочли о себѣ въ Одесскихъ газетахъ о Дубосарахъ — бѣглые евреи пропечатали и все наврали — ни слова правды.

Побѣгъ пор. Ступина и Антонова на Пакарѣ; украли 10 пуд. бензина.

8 марта.

Въ 7 час. на ногахъ, усталъ сильно и хотѣлось спать—полубезсонныя ночи сказались—увы теперь некогда выспаться. Выступление назначено на 10 часовъ въ три колонны.

Выступили около 10. Крутые подъемы съ горы на гору, колонна растягивалась страшно, mortarы никакъ не шли, обозъ растягивался, автомобилямъ часто помогали руками. Средняя колонна при переходѣ дважды пересѣкалась австрійскими эшелонами — мирно. Одинъ офицеръ сломалъ ногу, от-

¹⁾ Ген. Дроздовскимъ періодически посылались надежные офицеры для пропаганды и вербовки офицеровъ въ добровольческія части.

правиль на Мардаровку, сказавъ, что изъ ликвидаціонной комисіи въ Баделовѣ, австрійцы спрашивали — не изъ проходившей-ли колонны. Разсказывали, что австрійцы кричали — счастливой дороги — они тамъ пересѣкали колонну у самага развѣзда, австрійскіе офицеры привѣтствовали отданіемъ чести. На развѣздѣ до встрѣчи съ эшелонами получены донесенія, что въ Вальгоцуловѣ австр. батальонъ съ пулеметами. Рѣшилъ остановить и сосредоточить колонны въ Николаевкѣ Зарница — новая (на картѣ нѣтъ) и въ Борисовѣ, гдѣ ждуть дальнѣйшаго отъ развѣдки. Полученіе донесенія по прибытіи въ деревню, что австрійцы ушли. Остановка на ночлегъ—устали, уже было около пяти, ждуть точныхъ донесеній еще часа 2. Получилъ донесеніе объ украинцахъ. Рѣшеніе завтра идти въ Вальгоцулово всѣмъ, гдѣ дать дневку. Рѣшеніе расформировать мортиры и сократить обозы. Ходатайство командира мортирнаго дивизиона—рѣшеніе сократить вдвое ящики и за ихъ счетъ 8-ю упряжку и заводныхъ.

Хозяева чудно приняли, заботились, накормили лошадей даромъ. Деревня тихая, хорошая, избы хорошія. Присоединились къ конницѣ два офицера — добровольца, сыновья сосѣдняго помѣщика.

9 марта, Вальгоцулово.

Выступили въ 9 час. правая по большой дорогѣ на Вальгоцулово, лѣвая со мной по кратчайшей на западную окраину; пѣхота пѣшкомъ. Вскорѣ по прибытіи развѣзда на Мардаровку въ Плосское обстрѣлянь австрійцами, легко ранившими одного; по

полученіи донесенія рѣшили выслать броневикъ, усилить заставу и приказалъ собрать подводы для пригтовленія къ походу, это было часа въ 2. Вскорѣ прибыли оставшіеся въ Дубоссарахъ кавалеристы и грузовой автомобиль, всѣ вооруженные. Австрійцы ихъ любезно пропустили, говорили, что ранили двухъ большевиковъ, которые грабили жителей — оказывается — это реквизиція моею конницей, потому долго шли съ австрійцами разговоры по телефону съ Мардаровской, изъ коихъ выяснилось, что они насъ не преслѣдуютъ, но имъ жалуются жители на насилія и они, какъ прибывшіе для защиты, должны принимать мѣры. Зная, что мы нейтральны (мы это имъ говорили), они противъ насъ ничего не имѣютъ, предлагаютъ свободный путь, лишь бы не обижали жителей; много лжи, больше все евреи клеветуютъ, но много самоуправствуетъ конница. Сегодня я очень ругалъ конницу, грозилъ судомъ, потребовалъ окончательнаго прекращенія реквизицій. Австрійцы обвиняли также, что нашъ разъѣздъ первый открылъ огонь — возможно; эта буйная публика можетъ только погубить дѣло, пока налаживающееся въ виду нейтралитета нѣмцевъ. Изъ Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у насъ — гсворятъ: тамъ много офицеровъ и рѣшили вернуться съ группой желающихъ присоединиться; австрійцевъ тамъ нѣтъ. Броневикъ по выясненіи дѣла возвратился. Въ связи со всѣмъ рѣшилъ пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потомъ сразу быстро уходить. Приказалъ во всякомъ случаѣ ликвидировать все лишнее въ обозѣ свѣшно, завтра утромъ посылаемъ еще 2 грузовика

въ Ананьевѣ для продажи и одинъ за бензиномъ. Такимъ образомъ опять цѣлый день волненій — слишкомъ близко австрійцы; евреи крайне враждебны, крестьяне за насъ, озлоблены на евреевъ, привѣтствовавшихъ австрійцевъ, и недоброжелательны послѣднимъ.

Успокоимся, когда въ глубь заберемъ.

А тутъ еще уже поздно вечеромъ по телефону говорилъ комендантъ Мардаровки, прося не стрѣлять по ихъ отдѣльнымъ небольшимъ группамъ, если будутъ проходить—не ловушка-ли,—накапливаніе . . . Войналовичъ все считалъ пустяками, былъ противъ мсего желанья отмѣны дневки, а теперь и самъ колебался; но теперь я все же склоняюсь подождать свѣдѣній, а при первыхъ тревожныхъ признакахъ — уходить. Послѣ-завтра же во всякомъ случаѣ начать спѣшный уходъ. Распускаю слухи, что здѣсь останемся еще дня 4—5, а потомъ перейдемъ въ Ананьевъ.

Прибыли три Замосца¹⁾ изъ Одессы: Ляхницкій, Кулаковскій и Чупрыновъ. Отчетъ о положеніи дѣла въ бюро, Кулаковскаго рѣшилъ послать въ Одессу, закрыть бюро и взять кого можно, ловить насъ въ пути, ожидая посыльнаго въ Кантакузенкѣ.

Погода все время чудная, сегодня хорошо было идти, не жарко — вѣтерокъ; вся природа казалось-бы улыбається, а на душѣ тревога за отрядъ.

Подлость массъ, еще вчера буйныхъ и издѣвавшихся, сейчасъ ползающихъ на колѣняхъ при одной

---

¹⁾ 60-ымъ Замосецкимъ пѣх. полкомъ командовалъ на войнѣ полк. Дроздовскій.

угрозѣ; снимають шапки, кланяются, козыряють — вызываютъ въ душѣ сплошное презрѣніе.

Остановились у С.; приняли очень любезно, кормили, поили, заботились. Газетная травля (еврейская) «Одесскихъ Новостей» и другихъ социалистическихъ листковъ (прап. Курляндскій) — желаніе вооружить всѣхъ — впереди насъ идетъ слава какого-то карательнаго отряда, разубѣждаются потомъ, но клевета свое дѣло дѣлаетъ, создаетъ шумиху и настораживаетъ враговъ. А вѣдь мы — блуждающій островъ, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!!

Трудно и тяжело! И тревога живетъ въ душѣ, нервить и мучаетъ.

10 марта, м. Святотроицкое.

Около 2-хъ донесеніе Мардаровскаго разѣзда о томъ, что около 18 час. въ Мардаровкѣ высадилось два эшелона австрійцевъ, которые какъ будто ожидаютъ боя съ нами; въ 3-мъ часу донесено, что якобы жителямъ Плоское приказано оставить ихъ деревню, такъ какъ ожидается бой; свѣдѣніе довольно странное — почему Плоское, вѣдь не мы-же будемъ вступать въ бой... Но всякомъ случаѣ рѣшилъ выступать, какъ только успѣемъ и отдалъ приказъ немедленно собираться въ походъ. Обозъ впереди.

Къ выступленію луна зашла — темно, запряжка и кормежка лошадей трудна, ухоть затянулся, только въ 7¹/₂ хвостъ колонны (арьергардъ) конница и горная артиллерія вышли изъ деревни; утро холодноватое, туманъ — все равно наблюденіе австрій-

цамъ, бывшимъ далеко, — невозможно, только секретные агенты могли видѣть.

Шли спокойно, на 18 верстѣ приваль — покормить и напоить лошадей, частью некормленныхъ и непоенныхъ. Въ 18 часовъ прибыли въ Святотроицкое. Стали довольно хорошо, жители-крестьяне благопріятны; наша хозяйка и хозяинъ хаты очень радушны, заботливы, даже сахаръ выставили. Холдновато только въ хатѣ, спали на кроватяхъ—крестьяне состоятельные — взяли за все не дорого, побожески. Страшно усталъ, глаза смыкаются, волненія и безсонныя ночи сказывались еще на походѣ, не разъ начиналъ засыпать въ сѣдлѣ; часамъ къ 22 сонъ совсѣмъ разобралъ — улегся и какъ камень въ воду.

11 марта.

День тоже пасмурный, холодный вѣтеръ! Выступление въ 9 часовъ. Дорога среди степи, на десятки верстѣ ни селенья, только изрѣдка отдѣльные хутора. Довольно крутые овраги, дорога гладкая; твердая — но тучи грозили не разъ перейти въ дождь, а тогда, — невылазная грязь вмѣсто асфальта. Начинало накрапывать, но вѣтеръ, дувшій, какъ сумасшедшій, — до боли въ глазахъ, разогналъ тучи: когда пришли въ Веселое въ 5-мъ часу, уже было голубое небо.

Пыль и вѣтеръ стали угнетать на ходу.

При уходѣ изъ Святотроицкаго арестовали солдата (уволеннаго) изъ мѣстныхъ, агитировавшаго въ нашемъ обозѣ противъ офицеровъ; въ Новопавловкѣ арестовали еще 6 человекъ изъ большевистскихъ за-

правиль, списокъ коихъ былъ полученъ полк. Лесли въ Ананьевѣ отъ мѣстной офицерской организаци. Сидятъ пока у насъ подъ арестомъ. Нѣсколькихъ, однако, не успѣли захватить — удрали заблаговременно. Крестьяне посолднѣе очень довольны арестами. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ видимо сильнѣе духъ большевизма — уже не такъ радушно встрѣчаютъ, замѣчается иногда враждебное отношеніе — «буржуи, на деньги помѣщиковъ содержатся, отбирать землю пришли». Есть, однако, очень немало и на нашей сторонѣ, но они терроризированы; напримѣръ, хозяинъ нашей избы, даже не изъ богатыхъ, подтвердилъ всѣ данныя Леслевскаго списка, жаловался на терроръ большевиковъ, указалъ и на новыхъ, передалъ, что нашъ конюхъ (штабной) собирается сегодня бѣжать, что онъ сочувствуетъ большевикамъ (самъ проговорился передъ женой хозяина), но все это говорилъ нашъ хозяинъ шопотомъ, умоляя его не выдавать. И вообще нерѣдко являются съ петиціями — убрать большевиковъ — увы не можемъ много шумѣть, дабы не губить свое дѣло соединенія съ Корниловымъ.

Конюха пока арестоваль.

Отрядъ сталъ въ д. Веселая, автомобили въ сосѣдней деревушкѣ (не имѣется на картѣ), а конница, въ колоніи Веселая 3 версты восточнѣе деревни. Тамъ, между прочимъ, произошелъ комичный эпизодъ; въ имѣніе, что рядомъ, пріѣхалъ нашъ офицеръ-фуражиръ, а въ это время туда явилось 8 франтовъ пограбить, — очевидно еще не слышавшихъ о нашемъ прибытіи въ здѣшніе края. Нашъ фуражиръ, закупивъ фуражъ у помѣщика и увидѣвъ, что эти 8 франтовъ

желаютъ грабить, заставилъ ихъ всѣхъ грузить имъ закупленное на подводы, доставить въ эскадронъ, выгрузить, а потомъ крѣпко другъ друга выпоротъ... Потомъ ихъ выгнали; жаль...

Въ 23 час. кончали ужинъ, явился офицеръ отъ Жебрака, тотъ идетъ изъ Дубоссаръ, болѣе, чѣмъ со 100 добровольцами и массой (чуть не втрое) лошадей и съ обозомъ; 10-го долженъ былъ выступить изъ Дубоссаръ. Это очень цѣнное прибавленіе, самъ Жебракъ очень цѣнный, какъ человѣкъ воли; рѣшилъ задержать свой маршъ на правой сторонѣ Буга лишникъ 1—2 дня, выждать присоединенія. Вотъ люди, которые хотятъ придти! Начинаю бояться за погоду—ужь больно много зависитъ отъ нея и проходимость дорогъ и, главное, глубина бродовъ, а погода капризничаетъ и зловѣще...

12 марта, д. Веселая (на рѣкѣ Столбовой).

Дневка.

Шли работы по провѣркѣ, организаци и сокращенію обоза: пока все совершается въ частяхъ, а затѣмъ провѣрено будетъ особой комиссіей.

Вели стрѣльбу изъ пулеметовъ, бросали ручныя гранаты, производили ученье — разсыпной строй. Съ погодой не хорошо — вѣтеръ по прежнему дуетъ изрядный, тучи бродятъ угрожающе — того и жди, будетъ дождь. Рѣшилъ еще одинъ день стоять—тутъ спокойнѣе ждать Жебрака. Высланы шесть тайныхъ развѣдчиковъ въ Контакузенку, Акмечеть и Константиновку ¹⁾). Вечеромъ узналъ у искровиковъ тяжелую

¹⁾ Развѣдчиковъ переодѣвали большевиками.

вещь: нѣмцы сообщаютъ о большой побѣдѣ на западномъ фронтѣ—45 т. плѣнныхъ, 600 орудій и массы запасовъ; указываютъ пункты, представляющіе прорывъ фронта. Подѣйствовало ужасно — вѣдь только побѣда союзниковъ могла быть для насъ надеждой на спасеніе. Тоска, безнадежность, тоска...

13 марта, дер. Веселая.

Ночью пріѣхалъ Жебракъ — его отрядъ долженъ ночевать сегодня въ Новопавловкѣ. Съ ночи погода испортилась вполнѣ, вѣтеръ стихъ, но пошелъ дождикъ, потомъ мокрый снѣгъ. Путь, начавшійся подъ такимъ благопріятнымъ знакомъ, сталъ осложняться; трудности переправы велики, только броды, и вѣроятно не мелкіе (а тутъ дождь), вода холодная; въ Вознесенскѣ несомнѣнно австрійцы — трудно будетъ проскользнуть черезъ этотъ рубежъ — по боевымъ условіямъ труднѣй, пожалуй, чѣмъ черезъ Днѣпръ (потомъ выскажу свои соображенія — почему). Но надо всѣмъ доминировать вѣсти съ запада — это пожалуй уже катастрофа, угнетающая меня до основанія; неужели Россія погибла?? И все-таки впередъ; потеряно все, остается только возможность выиграть, помочь несчастной странѣ. Намъ осталось только — дерзость, наглость и рѣшимость.

Около 16 час. поѣхалъ въ Новопавловку, куда на ночлегъ прибылъ отрядъ Жебрака; переговоры съ Жебракомъ—соединеніе не состоялось, опять наслѣдіе.

Завтра выступаемъ; дорога хотя и не вязкая, но верхній слой подмокъ и уже труденъ для автомоби-

лей и непріятенъ пѣшеходамъ, на поляхъ рѣдкій снѣгъ, къ ночи опредѣленно холодно, подмерзаетъ: тяжелыя условія для переходовъ въ бродъ, если даже послѣдніе окажутся довольно мелкіе. Въ общемъ, переходъ Буга, одинъ изъ самыхъ трудныхъ барьеровъ.

14 марта.

Все вокругъ въ бѣломъ саванѣ — за ночь выпалъ снѣгъ, окна замерзли, опредѣленно холодно — морозъ 2—3 гр. и холодный вѣтеръ: земля подмерзла. Условія переправы складываются все суровѣе и труднѣе.

Колонна выступаетъ въ 9 часовъ.

Вначалѣ было холодно идти, постепенно къ концу марша потеплѣло, морозъ окончился. На большомъ привалѣ зашли въ сосѣднюю избу пообѣдать молокомъ и яйцами, солдатка — мужъ въ плѣну, она и ея квартиранты жалуются на современныя «свободы», «раньше было лучше», приходится слышать очень часто, но полная неспособность бороться, одни сътованія; запуганность, забитость, а охотно сообщаютъ имена зачинщиковъ и комитетчиковъ, если только рассчитываютъ, что ихъ не выдадутъ. Пришли въ Домашевку часовъ въ 4^{1/2}. Исторія съ квартирами 2-ой роты — въ ея районъ посадили сестеръ, начальствующихъ лицъ, всѣмъ хорошія квартиры. Это недовольство высказывалъ ген. Семеновъ.

Вернулась развѣдка (тайная) и разъѣзды.

Свѣдѣнія о переправахъ — хорошій паромъ у Акмечети, бродовъ нѣтъ; у Кантакузенки мостъ не охраняется, но въ Вознесенскѣ батальонъ австрій-

цевъ съ 4-мя орудіями— проходившія большевистскія части черезъ бродъ Мертвоводы были ими обстрѣляны — я этого не хочу!

15 марта, Домашевка.

Утромъ собралъ всѣ донесенія — принялъ окончательное рѣшеніе: переправляться у Александровки съ автомобилемъ — паромъ подъемностью 800 пудовъ. Дѣлаеть рейсъ въ одну сторону 3—4 минуты; переправу начать сразу съ подхода, ночью, когда спятъ, для чего выступить въ 18 часовъ, при чемъ конница съ конно-горной впередъ переменнымъ аллюромъ для начала переправы. За ними вся пѣхота съ пулеметами, затѣмъ артиллерія, потомъ обозы; автомобили въ концѣ, такъ какъ нужно особое оборудование парома. На всякій случай легкая батарея при началѣ переправы будетъ оставлена на правомъ берегу на позиціи (опять же практика).

Все время до похода прошло у меня въ налаживаніи отношеній старшихъ начальниковъ къ добровольцамъ, по устраненію впредь квартирныхъ треній, по ликвидированію сестеръ, изъ коихъ оставлено пока только 4 (изъ 11-ти); указаль, чтобы, не исключая и жены Лесли, всѣ жили вмѣстѣ при отрядномъ лазаретѣ — это не свадебное путешествіе; пришлось выдержать сильную атаку ликвидируемыхъ сестеръ, но устоялъ, разрѣшивъ довести только до Александровки, откуда ближе къ желѣзной дорогѣ. Наладилъ связь съ ожидаемымъ Кулаковскимъ — все благополучно, онъ прибылъ еще съ 4-мя; отличный, рѣдкій офицеръ.

Днемъ работала комиссія по провѣркѣ и сокращенію обоза — нѣкоторые результаты дала.

Въ Домашевкѣ по авто-части крупная удача — у мѣстной помѣщицы въ сосѣдней экономіи купили до 250 пудовъ бензину, который она охотно продала и недорого: по 20 рублей за пудъ. Она сильно опасалась, что большевики или иная нечисть заберутъ даромъ. А намъ торжество — на всѣ машины теперь бензину хватитъ верстъ на 500, если не больше.

Выступили въ 18 часовъ.

Семь человекъ отправлено въ дальнюю командировку.

Въ дорогѣ мысль настойчиво вертѣлась вокругъ прошлаго, настоящаго и дней грядущихъ; нѣтъ, нѣтъ да и сожметъ тоской сердце, инстинктъ культуры борется съ мщеніемъ побѣжденному врагу, но разумъ, ясный и логичный разумъ торжествуй надъ несознательнымъ движеніемъ сердца... Что можемъ мы сказать убійцѣ трехъ офицеровъ или тому, кто лично офицера приговорилъ къ смерти за «буржуизмъ и контръ-революціонность». Или какъ отвѣчать тому, кто являлся духовнымъ вождемъ насилій, грабежей, убійствъ, оскорбленій, ихъ зачинщикомъ, ихъ мозгомъ, кто чужія души отравлялъ ядомъ преступленія?! Мы живемъ въ страшныя времена озвѣрѣнія, обезцѣниванія жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими дикими разнузданными хулиганами признается и уважается только одинъ законъ: «око за око», а я скажу: «два ока за око, всѣ зубы за зубъ». «Подъявшій мечъ...»

Въ этой беспощадной борьбѣ за жизнь я стану

вровень съ этимъ страшнымъ звѣринымъ закономъ — съ волками жить...

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно—жребій брошенъ и въ этомъ пути пойдёмъ безстрастно и упорно къ завѣтной цѣли черезъ потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругомъ враги... Мы, какъ водою островъ, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на однихъ, ведя политику налѣво и направо, идешь по пути крови и коварства къ одному свѣтлому лучу, къ одной правой звѣрѣ, но путь такъ далекъ, такъ тернистъ.

Холодъ усиливается — почти морозъ; полная луна холоднымъ свѣтомъ освѣщаетъ пустынный, ровный пашни, изрѣдка прорѣзанныя узкими полосками снѣга. Большинство идетъ пѣшкомъ почти весь переходъ. Слѣзли съ подводъ — все же теплѣе. Холодъ проникаетъ всюду...

12-ый часъ, вотъ и рѣка.

16 марта, Александровка.

Въ $1/2$ двѣнадцатаго, когда голова нашей колонны подошла къ парому, уже началась переправа горной батареи; эскадронъ былъ уже на лѣвой сторонѣ. Переправа тянулась долго — только въ 6 часовъ переправили части, и началась переправа обозовъ.

Чѣмъ дальше къ утру, тѣмъ становилось холоднѣе — усиливался вѣтеръ, грѣлись у костровъ изъ камыша, соломы, сухой травы и бурьяна — дровъ нѣтъ; въ домикѣ паромщика биткомъ набито грѣющимися.

Вернувшись въ штабъ, пилъ чай. Почти совсѣмъ не заснулъ. Днемъ отъ заставы донесеніе о приходѣ на станцію Трикраты эшелона — донесеніе, до крайности не вязавшееся съ обстановкой; по выясненіи оказалось мифомъ — пришелъ поѣздъ съ товарными вагонами.

День опять вѣтреный и холодный.

Безсонная ночь сказалась, усталъ, хочется спать — легъ въ началѣ 10-го.

17 марта, Петропавловка.

Съ утра пурга; съ выступленіемъ задержались, и колонна двинулась только въ 7¹/₂ вмѣсто 7-ми. Вѣтеръ восточн. — сѣверо-вост., холодный гналъ тонкую снѣжную пыль, рѣзалъ лицо, коченѣли руки, отмораживались уши, ледъ нависалъ на усахъ и бородѣ, на рѣсницахъ и бровяхъ. Можетъ, дорогу плохо видно. Снѣгъ слѣпить чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Идти очень тяжело, въ особенности артиллеріи и кавалеріи — мерзнуть руки и ноги. Мортирщики стонутъ, много добровольцевъ полумальчишекъ, ясно, что 45 верстъ имъ было бы не подъ силу въ такихъ условіяхъ. Сократилъ переходъ, остановившись въ Спасибовкѣ и Петропавловкѣ вмѣсто Еланца. Бѣжалъ прапорщикъ, летчикъ Бербеко, со своимъ пріятелемъ — не усмотрѣла конно-горная.

Какъ разнообразно отношеніе жителей — масса во многихъ деревняхъ очень благопріятно настроена, такъ въ Акмечети и Александровкѣ. Акмечетскихъ 3-хъ убійцъ полковника, которыхъ выдали намъ сами жители, сегодня разстрѣляли. Акмечетскіе особенно

помогали переправѣ, ихъ комитетъ самъ прислалъ своихъ плотниковъ и техника направить паромъ для броневиговъ. Дали доски для усиленія и вообще оказывали всякое содѣйствіе.

Приходится выслушивать много жалобъ, просьбъ о разборѣ разныхъ ходатайствъ о защитѣ отъ однихъ и видѣть злобу и косые взгляды другихъ; иные бѣгутъ, только слыша о нашемъ приходѣ. Наши хозяева средняго достатка, боятся грабежей, лучшее имущество хранили въ бочкѣ въ стогѣ соломы, при насъ только вынули пересмотрѣть и проверитъ!

Сломалась на походѣ ось горной пушки — слава Богу починили.

18 марта, м. Еланецъ.

Настоящая зима, хотя не холодно. Вѣтеръ сильный. Кругомъ бѣло. По дорогѣ снѣга немного, но все же для автомобилей плохо.

Бросили автомобиль съ пушкой — что-то сломалось, кажется, шестерня. Сутокъ 3 надо для починки, если вообще можно, но по внѣшнимъ признакамъ нельзя — а ждать невозможно. Взяли, что можно: запасныя части; машину и орудіе испортили.

Выступили въ 9 часовъ. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая — отъ таянія тонкаго слоя снѣга верхъ дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тутъ еще передъ выходомъ на трактъ не мало поблуждали цѣлиной по степи — проводникъ плуталъ. На ногахъ налипали комья грязи...

Головной броневикъ, который долженъ былъ идти съ конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспѣлъ. Колеса буксовали; даже одѣвъ

лапы, шель съ трудомъ; кое-какъ добрался до Сербуловки, по деревнѣ не смогъ пройти, такъ какъ мость черезъ ручей былъ крайне ненадеженъ... Тутъ мы его и оставили. Я приказалъ ему ждать остальные автомобили и выступить всѣмъ вмѣстѣ, ночью, когда подмерзнетъ. Послѣ Сербуловки въ общемъ дорога была хороша — почти вездѣ сухая. Черезъ первый встрѣчный ручей пройти не удалось, такъ какъ парсидя на мостикъ была разрушена. На переѣздѣ черезъ ручеекъ увязали даже телѣги. Пришлось дать версты двѣ крюку на обходъ...

Вообще изъ-за дороги переходъ оказался достаточно неприятнымъ — воображаю, что здѣсь дѣлается, когда получается настоящая грязь.

Большевикомъ нѣтъ нигдѣ, говорятъ, что они бѣгутъ при первыхъ вѣстяхъ о нашемъ приближеніи и давно уже покинули нашъ районъ; вообще о насъ ходятъ самыя дикія вѣсти: то корпусъ, то дивизія, то 40.000, буржуи, нанятые помѣщиками, старорежимники. Жители разбираются въ общемъ слабо; нерѣдко спрашивали: «Вы украинцы?» — «Нѣтъ», «Австрійцы?» — «Нѣтъ», «Большевики?» — «Нѣтъ», «Такъ кто-же вы?» — «Мы — русскіе», «Значить большевики — русскіе вѣдь всѣ большевики».

Въ общемъ массы довольны. Просятъ защиты, установленія порядка: анархія, дезорганизація измучила всѣхъ, кромѣ небольшой горсти негодяевъ. Говорятъ, что некому жаловаться, нѣтъ нигдѣ защиты, никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Въ Еланцѣ просятъ навести порядки, если не можемъ репрессіями, то хоть напугать... Постоянные налеты, грабежи,

убійства террозировали населеніе, а виновныхъ бо-
ятся называть изъ страха мести. Наши хозяева евреи,
ограбленные вчера на 900 рублей, встрѣтили насъ
крайне радушно. «Хоть день будемъ покойны!»

Къ интенданту привезли, собравъ по домамъ, три
воза хлѣба и очень удивились, что онъ заплатилъ.
Посылали въ видѣ откупного, такъ привыкли, что
проходящія части грабили и отбирали даромъ. Это
углубленіе революціи послѣ большевистскаго перево-
рота гастролерами, наѣзжающими въ деревню — гра-
бежи имѣній и экономій подъ угрозой пулеметовъ;
иногда, впрочемъ, сопротивляются, даютъ отпоръ, за-
щищая помѣщиковъ (Доманевка, Трикраты). Самое
зло — пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

Въ Еланцѣ пришлось дать дневку, поджидая авто-
колонну — еще день пропалъ противъ расчета, еще
промедленіе... Начинается полоса неудачъ, пока еще
не очень значительныхъ. Погода здѣсь — великій
факторъ.

19 марта, Еланецъ.

Вынужденная дневка — поджидать автомобили.
Послѣдній добрался только часовъ въ 14. Уже сильно
чувствуется необходимость хорошаго ремонта, а по-
тому рѣшилъ бросить отдѣльно авто-колонну на два
перехода впередъ, гдѣ ей и ждать соединенія съ на-
ми. Тогда они вмѣстѣ съ двумя днями дневки полу-
чатъ 3—4 дня на ремонтъ; автомобильная искровая
станція будетъ насъ связывать при раздѣльномъ рас-
положеніи. Погода слегка пасмурная, вѣтра нѣтъ,
подсыхаетъ, но очень боюсь дождя...

Отъ грабежей и налетовъ стонъ стоитъ. Понемногу выясняемъ и вылавливаемъ главарей, хотя главные заправилы умудряются заблаговременно удрать; въ штабѣ сосредоточиваются показанія всѣхъ квартирохозяевъ; также помогла очень посадка своего перелетаго вмѣстѣ съ арестованными — тѣ ему сдуру многое поразсказали. Жители боятся показывать на формальномъ допросѣ, только три-четыре дали показанія подъ условіемъ, что ихъ фамиліи останутся неизвѣстными. Нашъ хозяинъ, еврей, говорилъ, что мѣстные евреи собирались послать делегацію просить оставить какое-нибудь угрожающее объявленіе о поддержаніи порядка, а то ихъ передъ нашимъ приходомъ грозили громить, а теперь грозятъ расправиться, когда мы уйдемъ. А вѣдь они не рискнули назвать ни одной фамиліи. Бумагу, конечно, приказалъ написать. Авось страхъ послѣ насъ придастъ ей силу, но только видѣть себя въ роли защитника евреевъ — что-то ужъ черезчуръ забавно — это я-то, рожденный, убѣжденный юдофобъ! . . . Кстати, къ бумагѣ приписали о сдачѣ арестуемыхъ за грабежи и хулиганство украинскимъ властямъ — много смѣялся, поймутъ-ли украинцы все глумленіе въ этихъ строкахъ . . .

Забавно, до чего грозная слава окружаетъ насъ. Наши силы иначе не считаютъ какъ десятками тысячъ... Въ этомъ дикомъ хаосѣ что можетъ сдѣлать даже горсть, но дерзкая и смѣлая. А намъ больше ничего не осталось, кромѣ дерзости и смѣлости... Когда посмотришь на карту, на этотъ огромный предстоящій путь, жуть беретъ, и не знаешь—въ силахъ ли будешь выполнить свое дѣло. Цѣлый океанъ земли впереди и враги кругомъ . . .

20 марта, Софіевка (Графская).

Немного пасмурно, холодновато. Погода обѣщаетъ быть хорошей. Безпокойство за погоду, отъ которой такъ много зависитъ, отражается на снѣ. Хотя условія прекрасныя, плохо спалъ. Выступленіе въ 8 часовъ. Вскорѣ послѣ движенія погода измѣнилась — небо сплошь сѣро, пошелъ мокрый мелкій снѣгъ; дорога разгрязнилась. Липкая грязь висѣла гирями на ногахъ, облѣпляла колеса, лошадамъ очень тяжело. Только послѣ привала, на половинѣ остального пути, снѣгъ остановился, но небольшой сѣверный вѣтеръ захолодилъ. Сыро, холодно. Нѣкоторыя лошади едва вытягивали. Горные снаряды, не доходя 5-ти верстъ, пришлось перегрузить на вызванныя обывательскія подводы. Наши лошади стали. Автомобили стали у Васильевки на $\frac{1}{3}$ пути, не говоря уже о намѣченномъ двойномъ переходѣ, когда-то присоединятся. Прямо несчастье...

Прибыли головой колонны въ Софіевку въ 19 часъ. Это даже хорошо. Легенда о Николаѣ Николаевичѣ въ массѣ народа (движеніе его на Екатеринбургъ и Николаевъ). Выводъ — симптоматичность (борьба за освобожденіе подъ вожденіемъ Великаго Князя!). Усталъ сильно. Лошадь слабая, много шель пѣшкомъ по ужасной размокнушей почвѣ. Да и ѣхать шагомъ все время не сладко.

21 марта.

Ночью будили два раза — одинъ разъ Гаевскій жаловался, что не можетъ идти — я отвѣтилъ, что

идти нужно, пусть больше шагомъ да въ поводу, да облегчить обозъ перекладкой на обывательскія повозки. Второй разъ прибыль офицеръ изъ автоколонны — просятъ двухдневную остановку тамъ, гдѣ стали; для чистки машинъ. Осталось согласиться. Чистое горе съ этими автомобилями.

Нѣсколько разъ просыпался, ворочался. Плохо спалось на подушкахъ, посланныхъ на кровать. Сегодня угорѣли на смерть одинъ доброволецъ-солдатъ интелданта, другой боленъ отъ угара, угорѣли сильно Войналовичъ и Понкинъ — такъ хорошо натопили. Въ связи съ усталостью коннаго состава, плохой дорогой, остановкой автомобилемъ — рѣшили перейти пока въ Новый-Бугъ, а не дѣлать сразу 50 верстъ — рискованно. Еще одна вынужденная потеря дня. Бологовской и Кудряшевъ ѣдутъ къ Корнилову.

Выступилъ въ 10. Погода, какъ будто, разгулялась, но грязища была невылазная. Въ Новомъ-Бугѣ мѣстный комитетъ послѣдніе дни перекрасился и ведетъ борьбу съ грабителями, организовавъ вооруженную охрану изъ 50-ти челов. Два дня передъ тѣмъ трехъ разстрѣляли; во главѣ стоитъ прапорщикъ, учитель, еще недавно, когда проходили большевики — настоящей большевикъ; такое ужъ время цвѣта *changeant*, насъ собственно это мало касается, и разъ что комитетъ не коснется на насъ, а наоборотъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ идетъ параллельно, рѣшили его оставить въ силѣ и даже поможемъ, пока здѣсь — шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть мѣстечка охраняемъ сами, а въ остальной оставили ихъ охрану и патрулированіе, сохранивъ имъ оружіе.

Мы (четверо) остановились у дьякона на площади, штабъ у священника. Мѣстечко неимовѣрно грязное. Много учебныхъ заведеній: женская гимназія, 6-ти кл. мужская прогимназія, учительская семинарія и еще какая-то школа, но въ общемъ удивительно убогое впечатлѣніе мѣстной интеллигенціи—учителей, священниковъ, чиновничества, убогая, вся погрязшая въ тинѣ жизненныхъ будней . . . да еще подъ знакомъ вѣчнаго страха передъ насиліями.

Въ виду мирнаго настроенія мѣстечка рѣшили использовать его кузницы и вмѣсто двухдневной остановки во Владимировкѣ, одинъ день задержаться въ Новомъ-Бугѣ — развѣдчики же все равно ѣдутъ отсюда... Въ развѣдку на Бериславъ поѣдутъ прапорщики Безпаловъ и Дмитріевъ.

Погода обманула, часовъ съ 4-хъ начало мелко моросить, и такъ почти всю ночь шелъ мелкій и упорный дождь — что будетъ съ автомобилями. Вѣдь, такъ если еще два, три дня, придется ихъ бросить—я не могу ихъ ждать — и такъ уже сколько времени потеряно; между тѣмъ бросить сейчасъ жаль, а уйдешь еще дальше, оставивъ ихъ дожидаться лучшей дороги и погоды, пожалуй, и команду ихъ потеряешь — прямо драма. Переговоры по радіо не наладились, отъ нихъ утромъ начали принимать, а передать не могли: оказалась наша повозочная станція испорченной умышленно (какъ можетъ испортить только спеціалистъ) бѣжавшимъ еще въ Кишиневѣ добровольцемъ-слухачемъ . . .

Поставили польскую, свою будемъ исправлять, а пока остались безъ разговоровъ. Все это мучаетъ, злитъ и нервить. Съ проклятой дорогой и развѣд-

чикамъ не удалось отправиться сегодня: выслалъ я ихъ немного поздно, и они, задержанные грязью, застигнуты были темнотою верстахъ въ 10-ти отъ мѣстечка. Подъ дождемъ мракъ былъ полный, дороги не видно, вернулись назадъ — выйдутъ завтра съ разсвѣтомъ.

Спали въ гостиной на полу — мнѣ попался тонкій войлочный тюфячекъ. Только Неводовскій спалъ на диванѣ — была его очередь. Однако выспались прекрасно.

22 марта, м. Новый Бугъ.

Утромъ прибылъ въ 10 час. шт.-кап., начальникъ одного изъ летучихъ партизанскихъ отрядовъ — ихъ 7 офицеровъ совмѣстно съ хуторянами одного изъ хуторовъ сѣв. дер. Малѣвки организовались и вели борьбу съ бандами; вчера сдѣлали налетъ на Малѣвку (11 человекъ съ чучеломъ пулемета!), сплошь большевистскую, захватили ихъ пулеметъ и удрали благополучно; Малѣвцы собираются ихъ бить, и они, укрѣпившись на хуторѣ, просятъ помощи — обезоружить Малѣвку; это почти намъ по дорогѣ — послалъ отрядъ: 3-ю роту, конно-горный взводъ и 2-ой эскадронъ, всѣ подъ командой Неводовскаго. Обѣщаютъ, что часть офицеровъ поступятъ къ намъ добровольцами. Отрядъ выступилъ только въ 3 часа. Войналовичъ оттянулъ отдачу приказанія, не сочувствуя экспедици! А предполагали выступить въ 12¹/₂ часовъ. Вскорѣ прибыли 2 раненыхъ офицера Ширванскаго полка, помѣщены въ больницу. Они съ командиромъ полка и нѣсколькими солдатами со знаменемъ пробирались на Кав-

казь; въ районѣ Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцевъ и крестьяне арестовали ихъ, избили, глумились всячески, издѣвались, четырехъ убили, повыкалывали имъ глаза, двухъ ранили, ведя на разстрѣль, да они еще съ двумя удрали и скрылись во Владиміровкѣ, гдѣ крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы Долгоруковцами и Фонтанцами; еще человекъ 4—5 скрылись въ разныхъ мѣстахъ. Изъ Владиміровки фельдшеръ привелъ ихъ сюда въ больницу, такъ какъ тамъ Фонтанцы и Долгоруковцы требовали выдать ихъ на убой. Внутри все заныло отъ желанія мести и злобы. Уже рисовались въ воображеніи пожары этихъ деревень, поголовные разстрѣлы, и столбы на мѣстѣ кары съ надписями за что; потомъ немного улеглось, стараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: «два ока за око»! Пусть знаютъ цѣну офицерской крови!

Всѣмъ отрядомъ рѣшилъ завтра раненько выступать, чтобы придти днемъ на мѣсто и тогда же успѣть соорудить карательную экспедицію.

Присоединились 4 офицера, догонявшіе насъ изъ Кишинева — энергія — шли все время упорно; позади насъ остался страхъ — эти 4 офицера по дорогѣ вооружились, отнявъ у жителей оружіе, поколачивали совѣты, конфисковали двое рожекъ и одну стерео-трубу . . .

Въ 15^{1/2} часовъ донесеніе объ эшелонѣ¹⁾, прибывшемъ на станцію Новый Бугъ, захватили одного нашего солдата, принявъ очевидно за большевика, но онъ успѣлъ удрать — вслѣдъ стрѣляли; высади-

1) Подразумѣвается австрійскій.

лись (человѣкъ 300 и 4 пулем.), прикрылись цѣпью, но вскорѣ уѣхали дальше на сѣверъ; спрашивали про насъ — послали разъѣзды узнать подробнѣе. Приказаль на всякій случай быть готовыми къ внезапному выступленію.

Связь радіо долго не налаживалась; наконецъ, связались, слава Богу . . . . Отъ нихъ только нѣтъ еще донесенія.

Въ 19 час. прибыли съ нашимъ разъѣздомъ со станціи 2 австрійскихъ офицера, только что прибывшихъ изъ Николаева, два нашихъ остались у нихъ заложниками. Освѣдомлялись, что мы, кто такіе, какъ по отношенію къ нимъ держимся — далъ разъясненія: предполагаемъ черезъ Александровскъ на Москву, боремся съ большевиками. Они хотѣли, чтобы кто нибудь изъ насъ ѣхалъ съ ними въ Николаевъ для переговоровъ; сказалъ — зачѣмъ, я все объяснилъ; они — «мы не можемъ сами рѣшать, не знаемъ какъ наше начальство, можетъ *не захотягъ васъ пропустить*». Наглость извела, пришлось, однако, сдерживаться, пытался различными переговорами уклониться — наконецъ рѣшили переговорить съ Николаевомъ по телефону, потребовали, чтобы кто-нибудь отправился съ ними къ телефону. Вызвался Войналовичъ и уѣхалъ, а я приказалъ выступать въ 1 ночи, хотя и говорилъ австріякамъ, что еще постою дня 2—3. Со времени перваго донесенія душа не на мѣстѣ, не вѣрю этимъ швабамъ, надо поскорѣе уходить: дорогу эту занимаютъ, Херсонъ заняли, Кривой Рогъ въ рукахъ нѣмцевъ—все это очень не улыбается, и не ошибка ли моя дневка здѣсь; да и вообще идемъ очень, очень медленно. Даль радіо

авто-части, очертилъ обстановку и приказалъ скорѣе присоединяться, хотя бы и бросить автомобили, если нельзя съ ними. Въ 23 съ четвертью вернулся Войналовичъ; съ Николаевомъ не говорили, гдѣ-то перерывають большевики телефонъ, говорили только съ эшеленомъ, ушедшимъ на сѣверъ; австрійцы трясутся — кажется, имъ въ тылу испортили путь, вся группа человѣкъ 50 (изъ нихъ и были парламентареры) собирается завтра возвращаться, но доѣдутъ ли до Николаева — не увѣрены. Спрашивали направление нашего движенія, на случай возможныхъ встрѣчь съ ихъ войсками, чтобы не было столкновений неожиданныхъ — сказалъ — на Александровскъ. Войналовичъ отговаривалъ отъ ночного марша, увѣрять — нѣтъ надобности, артиллеристы тоже стонали, отмѣняли, оставилъ прежнее 6-ти часовое, но очень неприятно мѣнять приказаніе, съ другой стороны ночной маршъ въ такую грязь, въ темень (безъ луны), при громадномъ обозѣ очень не легко. Что же рискну, пожалуй не будетъ зла . . . .

22 марта, Владиміровка.

Съ вытягиваніемъ колонны изъ за грязи опять задержались и прошли восточную окраину Ново-Буга только безъ десяти семь, небольшой вѣтеръ, солнце пригрѣвало. Три большихъ деревни совсѣмъ не занесены на карту, много новыхъ хуторовъ. Къ полудню погода совсѣмъ разгулялась, солнце сильно грѣло, небо синее. Дорога на глазахъ подсыхала — отъ Долгой Могилы было почти совсѣмъ сухо . . . . Голова колонны прибыла во Владиміровку въ 5 час.

Конница—первый эскадронъ, прибывшая много раньше, получивъ на мѣстѣ подробныя указанія отъ жителей о томъ, что творится въ Долгоруковкѣ и что какіе то вооруженные идутъ оттуда на Владиміровку — двинулась сразу туда съ горнымъ взводомъ подъ общей командой Войналовича. Окруживъ деревню, поставивъ на позицію горный взводъ и отрѣзавъ пулеметомъ переправу, — дали двѣ, три очереди изъ пулеметовъ по деревнѣ. гдѣ все мгновенно попряталось, тогда одинъ конный взводъ мгновенно ворвался въ деревню, нарвался на большевистскій комитетъ, изрубилъ его, потомъ потребовали выдачи убійцъ и главныхъ виновниковъ въ истязаніяхъ четырехъ ширванцевъ (по точнымъ уже свѣдѣніямъ 2 офицера, одинъ солдатъ-ширванецъ, писарь и одинъ солдатъ, приставшій къ нимъ по дорогѣ и тоже съ ними пробиравшійся). Нашъ налетъ былъ такъ неожиданъ и быстръ, что ни одинъ виновникъ не скрылся... Были выданы и тутъ же немедленно разстрѣляны; проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанныхъ Владимірцами ширванскихъ офицера. Послѣ казни пожгли дома виновныхъ, перепороли жестоко всѣхъ мужчинъ моложе 45 лѣтъ, при чемъ ихъ пороли старики; въ этой деревнѣ до того озвѣрѣлый народъ, что когда вели этихъ офицеровъ, то даже красногвардейцы не хотѣли ихъ разстрѣливать, а этого требовали крестьяне и женщины... и даже дѣти... Характерно, что нѣкоторыя женщины хотѣли спасти своихъ родственниковъ отъ порки цѣною своего собственнаго тѣла — оригинальные нравы. Затѣмъ жителямъ было приказано свезти даромъ весь лучшій скотъ, свиней,

птицу, фуражъ и хлѣбъ на весь отрядъ, забраны всѣ лучшія лошади; все это свозили къ намъ до ночи . . . «око за око»... Сплошной вой стоялъ въ деревнѣ. Уже экзекуція была кончена, когда донесли, что 8 красногвардейцевъ съ повозкой ѣдутъ въ деревню съ востока — тѣ очевидно не знали, что здѣсь творится, они были немедленно атакованы нашими кавалеристами, которые бросились съ шашками на стрѣлявшихъ въ нихъ даже въ упоръ красногвардейцевъ: 6-ть человѣкъ легли, одного привезли раненаго, а одинъ, предводитель, казакъ, удралъ — сидѣлъ на чудной кровной лошади; за нимъ гнался Колзаковъ, тоже на отличной лошади, но догнать не смогъ. Всего истреблено было 24 человѣка.

Около 8-ми прибылъ отрядъ Неводовскаго. Съ 22 на 23 онъ ночевалъ на хуторѣ партизанъ, что верстахъ въ 6-ти сѣвернѣе Малѣевки. Хуторяне встрѣтили ихъ хлѣбомъ-солью, называли своими спасителями, накормили всѣхъ прекрасно, лошадямъ дали фуража до отвала и ни за что не захотѣли взять ни копейки. 23-го съ утра двинулись, сразу оцѣпили деревню Малѣевку конницей; помѣшали попыткѣ удрать, поставили орудія и пулеметы на позицію и послали имъ ультиматумъ въ 2-хъ часовой срокъ сдать все оружіе, пригрозивъ открыть огонь химическими снарядами, удавивъ газами всю деревню (кстати ни одного химическаго снаряда у насъ нѣтъ). Въ срокъ все было выполнено, оружіе было отобрано, взяты казенныя лошади; найдены списки записывавшихся въ красную гвардію — кажется, человѣкъ 30 — эти доблестные красногвардейцы послѣ записи, получивъ деньги и прослуживъ съ недѣльку, дружно всѣ убѣ-

жали домой; этихъ горе-красногвардейцевъ всѣхъ крѣпко перепороли шомполами по принципу унтеръ-офицерской вдовы. Вой столбомъ стоялъ — всѣ клялись больше никогда не записываться. Кормился отрядъ какъ хотѣлъ отъ жителей даромъ, — въ карательныхъ цѣляхъ за приверженность къ большевизму.

Объ автомобиляхъ ни слуху — искровая не подучаетъ никакого отвѣта; злюсь и волнуюсь.

Выставлено охраненіе, выслана развѣдка, подчеркнута бдительность — все наготовѣ. Мы находимся уже полностью въ полосѣ военныхъ дѣйствій, среди болѣе или менѣе крупныхъ бандъ . . . .

Главная масса Владимірцевъ насъ привѣтствовала. Мы обѣщали имъ помочь начавшейся у нихъ создаваться самооборонѣ, которой усиленно грозили Долгоруковцы, съ коими совместно настроены были не мало жителей сѣв. вост. окраины Владиміровки. Въ-сто уже распавшагося, еще раньше прихода нашего, большевистскаго комитета, вступило во власть прежнее волостное, земское правленіе. Жителямъ приказано сдать все оружіе, которое потомъ будетъ роздано самооборонѣ.

Завтра въ 8 час. приказано выслать карательную экспедицію въ Фонтанъ въ составѣ эскадрона съ пулеметомъ и 2-хъ легкихъ пушекъ съ конными номерами, безъ зарядныхъ ящиковъ.

24 марта, Владиміровка.

Сегодня прекрасно выспался на диванѣ, проснулся только около 9-ти, спалъ, какъ убитый. Экспе-

диція изъ-за непереданныхъ своевременно приказаній не выступила, и пришлось вторично дѣлать распоряженія — пойдеть въ 1½ часа второй эскадронъ съ двумя легкими по конному орудіями подъ общей командой ротм. Двойченко.

Утромъ объ автомобиляхъ опять отъ искровой ничего — что это, вышли, что-ли? Но почему не донесли объ уходѣ?

Въ 14 час. состоялась панихида по 4-мъ убитымъ офицерамъ и солдатамъ на ихъ могилѣ, было много жителей. Замѣтили, между прочимъ, одного старика, который почти всю панихиду плакалъ.

Послалъ на телеграфъ, переговорилъ съ Новымъ-Бугомъ, нѣтъ-ли тамъ нашихъ автомобилей; въ три часа оказалось: часть прибыла, переговорами съ Ковалевскимъ по аппарату выяснилась грустная картина; дошелъ только пулеметный броневикъ и легковой Делягэ, остальные брошены изъ за грязи на дорогѣ въ полѣ, верстахъ въ 30-ти западнѣе Нов. Буга; сколько испортилось машинъ — еще неизвѣстно; цистерна брошена, при чемъ бензинъ вылить; всѣ освободившіеся люди со снятымъ имуществомъ и оружіемъ ѣдутъ на подводахъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ уже непоправимъ — приказалъ немедленно ѣхать на присоединеніе—это было 15 съ полов. часовъ — черезъ полъ часа обѣщали выступить. Въ 19 час. вернулась экспедиція Двойченко — нашли только одного главнаго участника убійствъ, — разстрѣляли, остальные бѣжали; сожгли ихъ дома, забрали фуражъ, живность и т. п. Оттуда заѣхали въ Долгоруковку — отрядъ былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью, на всѣхъ домахъ бѣлые флаги, полная и абсолютная по-

корность всюду; вообще, когда приходишь, кланяются, честь отдають, хотя никто этого не требуетъ, Высокоблагородіями и Сіятельствами величаютъ. Какъ люди въ страхъ гадки, нуль достоинства, нуль порядочности, дѣйствительно сволочной, одного презрѣнія достойный народъ: наглый, безжалостный, полный издѣвательствъ противъ беззащитныхъ, при безнаказанности не знающій препонъ дикой разнузданности и злобы, а передъ сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный . . .

А въ общемъ страшная вещь гражданская война; какое озвѣрѣніе вноситъ въ нравы, какую смертельную злобой и мезтью пропитываетъ сердца; жутки наши жестокія расправы, жутка та радость, то упоеніе убійствомъ, которое не чуждо многимъ изъ добровольцевъ. Сердце мое мучится, но разумъ требуетъ жестокости. Надо понять этихъ людей, изъ нихъ многіе потеряли близкихъ, родныхъ, растерзанныхъ чернью, семьи и жизнь которыхъ разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которыхъ нѣтъ ни одного, не подвергавшагося издѣвательствамъ и оскорбленіямъ; надо всѣмъ царить теперь злоба и мезть и не пришло еще время мира и прощенія . . . Что требовать отъ Туркула, потерявшаго послѣдовательно трехъ братьевъ, убитыхъ и замученныхъ матросами, или Кудряшева, у котораго недавно красногвардейцы вырѣзали сразу всю семью? А сколько ихъ такихъ?...

По полученнымъ отъ жителей свѣдѣніямъ на нашемъ пути кое-гдѣ бродятъ шайки; есть одна, кажется, и въ Новопавловкѣ; главная масса ихъ, вытѣсняемая австро-германцами отъ Апостолова, какъ буд-

то, идетъ внизъ вдоль Днѣпра; это странно — почему не на Александровскъ; во всякомъ случаѣ для насъ это не на руку . . .

Получилось (съ заставы у Матрено-Васильевки) донесеніе со словъ одного изъ прїѣхавшихъ крестьянъ, что гдѣ-то на станціи, названіе которой не могли найти на картѣ, повидимому линіи Херсонъ-Апостолово, верстахъ въ 25 отъ насъ высадились матросы и красногвардейцы. Донесеніе такъ сумбурно, что приказалъ привести этого крестьянина, чтобы его тутъ допросить, а въ общемъ, все это, конечно, пустяки.

23 часа, а ни автомобиля, ни команды на подводахъ еще нѣтъ; когда-то они придутъ — вѣдь не хочется ихъ бросать въ этой обстановкѣ, а тутъ завтра нужно въ 8 выступать.

25 марта, Владиміровка.

Около 7 прибыли офицеры отъ авто съ донесеніемъ (ночевали въ 10 верстахъ западнѣе насъ въ деревнѣ), что не хватило бензина, чтобы выслали, они же сообщили о боѣ съ красногвардейцами въ Возсіятскомъ.

На отставшую авто-колонну неожиданно напала большая банда большевиковъ. Послѣ боя уцѣлѣлъ только одинъ броневикъ «Вѣрный», бывший у Дроздовцевъ до конца эвакуаціи Крыма Врангелемъ.

Убитъ поручикъ Осадчій, еще одинъ радіо-телеграфный офицеръ раненъ и два офицера изъ авто-колонны тоже ранены съ раздробленіемъ кости на но-

гахъ; одинъ — легко; положеніе раненыхъ тяжелое — везти двухъ опасно, оставить — не менѣе опасно. Бензинъ послалъ. Раненыхъ приказалъ везти сюда — ихъ возили на легковомъ, приспособивъ его. Вмѣстѣ съ ними въ этой же деревнѣ, кажется, Христофановка, ночевалъ и Жебракъ и хотѣлъ бы присоединиться. Какъ ни тяжело опоздать еще на день, все-же, опасаясь бросить авто-колонну, которая, конечно, скоро прибыть не могла изъ-за раненыхъ, а главное, желая подобрать Жебрака — рѣшилъ простоять еще день. Къ Жебраку поѣхалъ начальникъ штаба для переговоровъ, чтобы уладить соединеніе на приемлемыхъ для насъ условіяхъ.

Часовъ около 11 вернулся Войналовичъ. Раненыхъ на легковомъ авто отвезли въ Новый Бугъ. (Везти дальше было нельзя). Расчитывая, что тамъ будутъ австрійцы, автомобилисты пріѣдутъ туда часовъ въ 12—13, Жебракъ придетъ завтра въ Давыдовъ Бродъ, такъ какъ сегодня нуженъ отдыхъ — онъ сдѣлалъ прошлый переходъ около 70 верстъ. Все это еще ничего, жаль мало бензина. Безпокоюсь за раненыхъ, какъ бы не было чего по дорогѣ или въ Новомъ Бугѣ, если туда замѣшкаютъ придти австрійцы.

Въ 15 часовъ собиралъ начальствующихъ лицъ (съ отдѣленнаго и выше) — говорилъ о самоуправствѣ, избіеніяхъ, насиліяхъ, караулахъ арестованныхъ, обращеніи съ солдатами, пьянствѣ, небрежности служебной и неисполнительности, требовалъ поналечь — не знаю, что изъ этого выйдетъ; самоуправства вызываютъ даже у части офицеровъ недовольство.

Ученія у орудій; пулеметная стрѣльба, наблюдают. арт. пунктъ на колокольнѣ, непрерывное наблюдение, телефонная связь, орудія на позиціи. Чудная солнечная погода.

Часовъ въ 13 прибыли броневикъ и автомобилисты на подводахъ; назначилъ Лесли разборъ происшедшаго, а въ 18 часовъ разбивку оставшихся за флагомъ автомобилистовъ. Часовъ въ 17 пріѣхалъ Жебракъ представляться, немного поговорили о разныхъ дѣлахъ, составѣ, имуществѣ; выступить завтра на часъ раньше и долженъ прибыть во Владиміровку пожалуй въ хвостъ колонны — будетъ арьергардомъ.

Разбивка затянулась, уже стемнѣло, былъ 19 и 20-ый часъ; офицеровъ распредѣлил; уже сильно началъ беспокоиться за раненыхъ, когда узналъ, что вернулся автомобиль, довезя до Новаго Буга — австрійцевъ нѣтъ; по телефону просили оказать помощь верстъ на 30-40 сѣвернѣе; черезъ $\frac{1}{2}$ часа прислали паровозъ съ санитарнымъ вагономъ, докторомъ, забрали 3-хъ, прихватили двухъ ширванцевъ, увезли для сдачи въ госпиталь; были страшно любезны — безусловно по рыцарски; на душѣ отлегло, а то грызла тоска, вдругъ случилось, что ни помочь, ни отомстить нѣтъ времени, дѣло дороже; а теперь, слава Богу, отлегло—спокоенъ за участь исполнившихъ долгъ.

Бой у Возсіятскаго¹⁾ — растерянность части, перешедшей гать. Не нашлось человѣка управлять и успокоить; потому и бросили въ паникѣ 2-ой броневикъ, да и цистерну нечего было бросать. По до-

---

¹⁾ Вышеупомянутый бой большевиковъ съ авто-колонной.

кладу авто-колонны броневики между прочимъ шли по $\frac{1}{2}$ версты — 1 верстѣ въ часъ изъ-за грязи, а между тѣмъ уже три сухихъ дня! (Подробности событія — часовъ въ 14 закончили переходъ и до 17 ждали броневиковъ и отхода, а въ 17 начался огонь и т. д.).

Фуражъ почти весь за счетъ покоренныхъ деревень, мясо полностью за ихъ счетъ.

Мы отлично живемъ у купца — кормятъ до отвала, чудное масло, дивные коржики, медъ, хорошее помещеніе — живи — не умирай . . . Часовъ въ 21—22 донесеніе съ заставы (со словъ бѣжавшихъ помещиковъ и хуторянъ), что въ Долгоруковой собралась тысяча красногвардейцевъ — явный вздоръ въ связи съ наблюденіемъ съ колокольни, движеніемъ разѣзда днемъ до Михайловки, пригона оттуда крестьянами къ вечеру гурта награбленнаго скота головъ 100. Откуда возьмется вдругъ 1000 красногвардейцевъ! А въ мѣстной самооборонѣ, которой кто-то изъ доносившихъ сдуру по дорогѣ рассказаль, паника. На случай появленія шаекъ, конечно, предупреждены — усилена бдительность, а затѣмъ — милости просимъ. Самооборону постарался успокоить. Болѣе вѣрныя свѣдѣнія — что отъ Николо-Козельска какія-то банды двинулись къ нѣмецкимъ дозорамъ, чтобы преградить намъ дорогу; вообще банды вездѣ, грабятъ хуторянъ. Странно, говорятъ, что нѣмцы заняли съ боя Апостолово, а Кривой Рогъ и Николо-Козельскъ оставляютъ.

Утромъ прибылъ Безпаловъ изъ Б. Каховки; въ Бериславѣ и Б. Каховкѣ банды по нѣсколько сотъ, въ послѣдней ихъ штабъ — кажется, отрядъ Маруськи.

Мостъ есть, охраняется; одинъ офицеръ остался слѣдить, условившись съ Безпаловымъ о встрѣчѣ. Наружность Безпалова — одно упоеніе, типичный краснотвардеецъ; пока развѣдчики очень хорошо работаютъ.

Пароходовъ и большихъ барокъ и т. п. нѣтъ — большевики угнали на сѣверъ; есть опасность, какъ бы не заняли Бериславъ нѣмцы отъ Херсона. Вообще главная трудность — не развели бы и не разрушили бы мостъ. Думаю какъ организовать неожиданный захватъ переправы. Вотъ альфа и омега, а сопротивление вздоръ.

26 марта.

Растерянность мѣстной охраны передъ нашимъ уходомъ подъ угрозами хулигановъ, грозящихъ приходомъ большевиковъ, мнѣніе о необходимости наиболѣе обеспеченнымъ бѣжать. Успокаиваемъ, ободряемъ, но ужъ очень трусливы. Жалкій народъ, не понимаетъ своей силы.

Система полк. Дроздовскаго по отдачѣ приказаній была такова: утромъ передъ выступленіемъ Дроздовскій сообщалъ направленіе Войналовичу и Неводовскому. Весьма часто приказы, даваемые по отряду, были фальшивыми. Такъ, на примѣръ, во Владиміровкѣ всѣ въ отрядѣ были извѣщены о переправѣ черезъ Днѣпръ у Александровска, гдѣ были сосредоточены большія силы большевиковъ. Пройдя Владиміровку, самъ полк. Дроздовскій идетъ въ головѣ колонны и неожиданно по его личному приказанію весь отрядъ круто сворачиваетъ на югъ. На указанія своихъ помощниковъ о томъ, что очевидно онъ ошибается въ направленіи, Дроздовскій коротко отвѣтилъ: «Я знаю, что дѣ-

лаку». Намѣреніе переправиться у Берислава было тайной полковника Дроздовскаго. (см. карту).

Выступили въ 8 часовъ. Солнечная погода. Небо чистое, синее. Юго-восточный вѣтерокъ. Миражъ весь путь, идешь точно среди озеръ — всюду вода на горизонтѣ. Шли частью рысью легко, безъ растяжекъ. Легкая дорога, а главное сказывалась привычка. Большой приваль въ Ново-Павловкѣ до $\frac{1}{2}$ третьяго. Въ ней много пьяныхъ — сказалась продажа водки изъ казеннаго завода въ Давыдовомъ Бродѣ. Прибыли въ Давыдовъ Бродъ головой колонны въ началѣ 18-го часа. Продажа спирта и водки сразу запрещена, по прибытіи наряженъ караулъ изъ непьющихъ. Не знаю, выйдетъ ли что, такъ какъ въ каждомъ домѣ полно водки — начальствующихъ на всякій случай набодриль. Отрядъ Жебрака, шедшій въ часѣ разстоянія, встрѣтилъ насъ своей чахоточной музыкой, егерскимъ маршемъ — проходили со своимъ распущеннымъ андреевскимъ знаменемъ.

Опять встрѣтились, вѣрнѣе разминулись, съ австрійцами, которые небольшимъ отрядомъ — ротой съ 4-мя пулеметами — двигались вдоль желѣзной дороги отъ Херсона на сѣверо-востокъ, занимая путь. Прошелъ незадолго до появленія нашего коннаго отряда.

Мысль о переправѣ грызеть. Какое тяжелое дѣло. Всѣ эти большевики, всѣ ихъ окопы и пулеметы на той сторонѣ. Пушекъ у нихъ нѣтъ, а если бы и были, все это не стоитъ ничего. Дали бы красивый бой и легко перешли бы, но у нихъ есть машинка Румкорфа, и простой поворотъ ручки одного нерастерявшагося человѣка можетъ поставить насъ въ

очень тяжелое положеніе и свести почти на нѣтъ всю громадную организаціонную работу, всѣ труды, убить всѣ надежды. Конечно, перейдемъ во всякомъ случаѣ, но какою цѣной — быть можетъ всей артиллеріи и прочей матеріальной части.

Легко понять мое состояніе духа и всю работу мозга въ поискахъ успѣха.

Въ приказѣ на завтра далъ фальшивое направленіе черезъ деревню Дунино съ указаніемъ переправы у м. Мѣловое — все равно офицеры не сумѣютъ сдержать языкъ за зубами — авось ихъ разговоры принесутъ пользу . . .

27 марта.

Выступили въ 8 часовъ. Ясный солнечный вѣтреный день. По дорогѣ ни одной деревни, зато часто отдѣльные хутора, особенно ближе къ Бериславу. Около 5 часовъ веч. подошли къ мѣсту, предположенному для ночлега — намѣтилъ разброску отряда по отдѣльнымъ хуторамъ въ глубину верстъ на 6. Это при предположенномъ ночномъ выступленіи! Никто изъ штаба не встрѣтилъ. Рысью выѣхалъ на поиски и не безъ труда нашелъ, а одинъ изъ квартирьеровъ сообщилъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ Бериславъ уже занятъ австрійцами, которыхъ 500—400 человекъ съ 4-мя пулеметами безъ артиллеріи. Ожидаютъ еще подкрѣпленій и артиллеріи, что мостъ въ ихъ рукахъ, что Каховка и лѣвый берегъ Конки заняты большевиками, копающими окопы. Имѣютъ артиллерію, стрѣляя по Бериславу. Рѣшилъ не останавливаться, а немедленно двигаться, такъ какъ обстановка такова, что либо сейчасъ пройти, пока на-

ша помощь нужна австрійцамъ и нападеніе для большевиковъ опасно, либо обречь на гибель все дѣло, если, получивъ подкрѣпленіе и артиллерію, сами завладѣютъ, заградятъ дорогу. Переправы для грузовъ вблизи нигдѣ нѣтъ. Конная артиллерія и конница уже стояла на квартирахъ — приказаль готовить. Переговорилъ съ Войналовичемъ — рѣшилъ, что онъ съ Жебракомъ поѣдетъ къ австрійцамъ — скажетъ, идемъ домой бороться съ большевиками, а, овладѣвая переправой черезъ Конку, просимъ остаться въ сторонѣ, потомъ сдадимъ переправу имъ. Сказаль объяснить имъ, кто мы, что переправиться *должны*. Войналовичъ уѣхаль. Въ 18^{1/2} ушла конная колонна и броневикъ. Въ 18^{3/4} двинулась и вся прочая колонна; за это время она перестроилась, выдѣливъ впередъ только стрѣлковыя и пулеметную роты съ патронными повозками (по одной на роту), за ними телефонъ и санитары, другая пулеметная рота и вся артиллерія. Вся же колонна обозовъ шла сзади подъ прикрытіемъ службы связи и отряда Жебрака, выдѣлившаго въ конный отрядъ взводъ чловѣкъ въ 30, наиболѣе знакомыхъ съ переправнымъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ начала движенія, черезъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа начали слышаться рѣдкіе орудійные выстрѣлы, а въ темнотѣ ярко сверкали необычайно высокіе разрывы шрапнели.

Въ половинѣ 20-го вернулся Войналовичъ (съ нимъ одинъ германскій унтеръ-офицеръ). Оказывается часа два назадъ прибылъ еще баталіонъ нѣмцевъ 21-го полка пѣшкомъ изъ Херсона. Сильно устали. Роты слабыя, но дисциплина хорошая. Нѣмецкій майоръ очень интересовался, кто мы; усло-

вились, что мы займемъ участокъ правѣ ихъ цѣпей, поставимъ артиллерію, а съ разсвѣтомъ начнемъ наступленіе. Мы настаивали имѣть только свои части, но ночью трудно имъ было продвигаться и они оставили одну свою роту.

Странное впечатлѣніе оставляло положеніе и переговоры — три стороны, три врага. Каждая сторона враждебна остальнымъ двумъ, но случайнымъ ходомъ обстоятельствъ вынуждена бороться совмѣстно. Все время строилъ свое развертываніе съ учетомъ противодействовать измѣнѣ; они также что-то очень пытаются имѣть расположеніе удобное для обороны противъ насъ. Въ виду всего этого всѣхъ оставилъ ночевать на подводахъ вблизи окраины города Берислава, поротно въ двѣ линіи 200 × 200 шаговъ, все наготовѣ, всѣ предупреждены противъ измѣны. Артиллерія ночью заняла позицію. Около 10 начали становиться на ночлегъ. Обозъ верстахъ въ двухъ отъ города вагенбургомъ, мы въ домикъ на кладбищѣ вповалку на полу, даже безъ соломы, со штабомъ полка; Войналовичъ съ двумя офицерами вблизи моста въ каменномъ домѣ, тамъ же артиллерійскій наблюдательный пунктъ. Холодно, костры. Лошади почти не ѣли и не пили, люди тоже голодные. Артиллерія — горная, мортирная и легкій взводъ на возвышенномъ берегу противъ моста, а одинъ легкій взводъ за серединой города — специально для артиллеріи большевиковъ, отсюда очевидно лучше видно. Конница въ домахъ по окраинѣ.

Впередъ должны были идти 1-ая и 2-ая роты, пулеметный взводъ Максима, оба эскадрона и взводъ Жебрака, всѣ подъ командой Войналовича, все время

реавшагося впередъ. Остальные оставались обезпечивать насъ отъ нѣмцевъ. Легъ въ часть, сдѣлавъ всѣ распоряженія. Вечеромъ изрѣдка ружейная стрѣльба.

28 марта, Любимовка.

Въ началѣ пятаго утра роты полковника Войналовича начали въ пѣшемъ строю, конница въ поводу, переходить мостъ. Съ утра обмѣнялись съ нѣмцами офицерами для связи. Разсвѣтаетъ. Два одиночныхъ выстрѣла. Артиллерія наготовѣ. Просить броневикъ—двинули на мостъ, самъ то мостъ вынесъ бы, да доски гнилыя, грозятъ провалиться въ любую минуту — рѣшилъ вернуть, хорошо, что броневикъ выѣхалъ только на начало моста. Придется перевозить на паромѣ — поручилъ это руководство Жебраку. Въ это время въ 6. 30 получилъ отъ Войналовича достаточно неясное донесеніе, что ему нужно выслать впередъ броневую машину и горную артиллерію для поддержки штурма и что противоположный берегъ рѣки Конки «занять». Кѣмъ? Судя по содержанію записки — большевиками. Приказалъ было открыть огонь артиллеріи по противоположному берегу (не высылая горную, ибо что ей дѣлать въ низинѣ между Днѣпромъ и Конкой), когда изъ разспросовъ посланнаго выяснилось, что берегъ занять *нами* и горная артиллерія нужна для преслѣдованія. Черезъ десять минутъ получено донесеніе о занятіи нами Каховки. Оказалось, большевики ушли еще ночью. Передъ нами оставалось нѣсколько прозѣвавшихъ. Сейчасъ же было двинуто на тотъ берегъ все: легкая батарея и мортирный взводъ, 3-ій и остальные взводы пуле-

метной роты, команды связи и обозъ съ ихъ прикрытіемъ; обозы двигались довольно медленно къ мосту. Прощальный разговоръ съ майоромъ Науманомъ, зашедшимъ въ мой штабъ у наблюдательнаго пункта. Просиль передать благодарность въ Новый Бугъ за нашихъ раненыхъ и о приѣмъ будущихъ. Броневикъ опоздалъ; за мостомъ шаговъ 300 занесло пескомъ мостовую дамбы на добрую четверть, если не больше; идти не могъ — попросили австрійцевъ, пришелъ капитанъ и человѣкъ 30—40 австрійскихъ саперъ, принесли доски и, подкладывая ихъ постепенно подъ колеса, перетянули броневикъ черезъ песокъ по доскамъ (шелъ эти 100 сажень не меньше часу), попавъ наконецъ на камни, весело и бодро побѣжалъ. Уставшія, недокормленныя и недопоенныя лошади тоже съ трудомъ протаскивали обозъ черезъ песчаный заносъ. Въ Каховкѣ почти вся масса населенія встрѣтила насъ съ восторгомъ и благословеніемъ, какъ избавителей — крѣпко насолили имъ большевики, взяли съ нихъ 500.000 рублей контрибуціи, отобрали лошадей, платье, бѣлье, съѣстное и т. п. Навезли намъ подводы съ хлѣбомъ въ подарокъ, приготовили обѣдъ начальникамъ (уклонились, некогда было), все, что желали, было къ услугамъ и добывалось точно изъ подъ земли. Всячески выражались радушіе и радость. Проходили городъ стройными рядами (пѣхота) съ пѣснями. Много пристало сразу добровольцевъ, преимущественно учащихъ старшихъ классовъ (гимназистовъ, семинаристовъ), были и юнкера, офицеры, чиновники и т. п., всего человѣкъ 40. Только часамъ къ 14 дошли головныя колонны къ Любимовкѣ. Первоначально хотѣлъ остановиться въ Ка-

ховкѣ (имѣя въ виду простоять два дня), но тамъ рѣшили стать нѣмцы, отцѣпился отъ нихъ.

Эпизодъ съ коннымъ отрядомъ — захватъ большевиками пяти человекъ изъ разъѣзда, двое пробилось, а трое въ плѣну. Прорвавшійся доложилъ, что плѣнные разоружены; ихъ намѣрены разстрѣлять, Заступничество одного красногвардейца, хотя и бесполезное, выиграло время. Послалъ эскадронъ, нашихъ освободили, 15 большевиковъ изрубили въ конной атакѣ, остальные разсѣялись. Это былъ 1-ый Партизанскій Приднѣпровскій отрядъ. Взяли его красный флагъ съ надписью: «Смерть буржуямъ». Хорошее красное сукно, пошло на чакчиры одному изъ офицеровъ. При занятіи противоположнаго берега прикончили одного заспавшагося красногвардейца, въ городѣ добили 15 вооруженныхъ, замѣшкавшихся или проспавшихъ, да по мелочамъ и въ Любимовкѣ—всего имъ обошелся этотъ день человекъ въ 32—35.

Въ Каховкѣ много легкихъ снарядовъ — не на чемъ вывезти, нѣтъ подводъ, позабрали большевики, поуѣзжали бѣженцы, собирать долго, выставили караулы противъ захвата нѣмцами.

По прибытіи въ Любимовку узналъ, что у агентствъ Продовольственной Управы большевистскаго правительства находится не менѣе 830 тысячъ рублей деньгами и свыше 400 тыс. руб. вкладами (чековыя книги). Деньги крайне необходимы. Рѣшилъ задержаться. Назначилъ комиссію (Семеновъ, Неводовскій, Жебракъ, Войналовичъ, интендантъ, Гаевскій) выяснить, откуда деньги и намѣтитъ дальнѣйшее ихъ примѣненіе.

Масса фуража Продовольственной Управы, даютъ даромъ, приказаль кормить сколько съѣдятъ. Каховка — мѣстечко, почти городъ. Есть недурныя лавки, мощенныя улицы, электрическое освѣщеніе, лучше Берислава, — города. По пріѣздѣ часовъ въ 16 узнаю о запретѣ вывоза снарядовъ — довольно нахальнаго нѣмецкаго фендрика, сказавшаго: «отсюда ничего не будетъ вывезено». Рѣшилъ идти немедленно къ майору Науману. Довольно долго ждалъ переводчика. Выѣхаль темнѣло, фонари неисправны. У моста оставилъ автомобиль. Самъ пѣшкомъ до занятаго нѣмцами дома. Тамъ оказался командиръ роты. Далъ мнѣ провожатаго солдата связи, который не зналъ майора. Послѣ долгихъ опросовъ патрулей и блужданій добрались на противоположный конецъ города. Сказаль майору Науманъ: «Когда вошли въ городъ, — конница захватила снаряды, поставили карауль, послали за подводами, нагрузились, но явился нѣмецкій карауль и запретилъ. Я не претендую на все. Снаряды захватили мы». Майоръ сразу согласился — пожалуйста берите всѣ. — «Всѣ не нужны, только то, что на подводахъ». Договорились 500 штукъ. Попросилъ записку, чтобы не мѣшаль карауль. Онъ сейчасъ же написалъ. Моевозвращеніе сопровождалось слѣдующимъ эпизодомъ: исчезъ шофферъ съ карабиномъ, шинель на мѣстѣ. Совѣтъ австрійцевъ, охранявшихъ мостъ, ночевать здѣсь. Видѣли близко большевистскіе патрули, рѣшилъ, конечно, ѣхать. Кричали, давали сигналы, наконецъ шофферъ прибыль — оказалось, заждался, пошелъ самъ насъ искать. Темно, швыряло, влазили на косогоры. Часовые австрійцы останавливали всюду.

Очень красивая картина. Каховка вся въ электрическихъ огняхъ. Въ Каховкѣ уже нашего караула не засталъ, сняли и подводы разгрузили, охранялъ уже только нѣмецкій карауль.

До Любимовки та-же картина ночной ѣзды; въѣздъ въ деревню въ темнотѣ не нашли, не туда попали, ѣздили по улицамъ, все спитъ, спросить некого; вдоволь наколесивъ, наконецъ нашли. Было уже половина перваго. Поужиналъ, легъ спать.

Любимовка — большая деревня, двѣ школы, много хорошихъ избъ. Въ Каховкѣ достали пуд.5 бензину, смазочныя масла, керосину, коломазь.

Ночью и съ утра значительный вѣтеръ, особенно усилившійся днемъ — весь переходъ отъ переправы до Любимовки въ тучахъ песчаной пыли, почти песчаная буря. Пыль въ глазахъ, въ ушахъ, за воротникомъ, въ карманахъ — отвратительно.

И все же день великаго торжества, день удачъ: рейденъ Днѣпръ, переходъ котораго еще наканунѣ былъ такимъ спорнымъ. Дальше не мало трудовъ и опасностей, но многое зависитъ отъ насъ самихъ, а здѣсь — многое отъ обстоятельствъ.

Великій шагъ сдѣланъ.

29 марта, Любимовка.

Въ 13 час. смотрѣлъ добровольцевъ Каховскихъ, явились еще не всѣ: есть еще мальчишки лѣтъ по 15, преимущественно въ артиллеріи, въ пѣхотѣ же все основательная публика. Но горе — нѣтъ почти запасныхъ шинелей; въ Каховкѣ захватили ихъ немного, штукъ 15 у большевиковъ, да есть у Жебрака, а

здѣсь цѣлый день бѣгали, даже похожего матеріала не нашли. Зато нашли довольно много рубашечнаго защитнаго матеріала и заказали спѣшно шить; что не успѣемъ, увеземъ кроеное и въ матеріалѣ; поскорѣе бы одѣтъ въ солдатское. Ощущается недостатокъ бѣлья.

Въ 14 часовъ ѣздилъ на автомобиль въ Каховку съ Неводовскимъ и Дрономъ¹⁾); побрился, купили булочекъ въ недурной кондиторской, препаршивый обѣдъ въ клубѣ, но зато было безалкогольное пиво и сносное красное вино Трубецкого; интендантъ рыскаетъ по городу, добылъ много смазочнаго масла для оружія, керосину, пакли, тавотъ для автомобилей, можно теперь держать оружіе въ порядкѣ все время.

Въ 16 часовъ при штабѣ комиссія насчетъ денегъ. Выяснена полная невозможность закупокъ и вывоза изъ Малороссіи хлѣба на сѣверъ изъ-за германскаго соглашенія съ Радой; деньги рѣшили временно взять, вернуть, если найдутъ нужнымъ, а намъ это жизнь — заплатимъ жалованье за апрѣль, а на ѣду хватить еще мѣсяца на три. Уполномоченнымъ шибко не хотѣлось разставаться съ деньгами, да намъ они очень необходимы.

Въ городѣ жители рассказывали о двухъ красногвардейцахъ Приднѣпровскаго Партизанскаго отряда (разгромленнаго нашей конницей вчера) — они очевидно раньше отбились, не зная объ участи своихъ, о занятіи нами Каховки — явились искать свой

¹⁾ Капитанъ Ген. Штаба Дронъ, впоследствіи доблестный командиръ 3-го Дроздовскаго полка. Убитъ подъ Перекопомъ въ бояхъ передъ эвакуаціей Крыма.

штабъ, разспрашивая жителей, не находя его на прежнемъ мѣстѣ. Проходящіе офицеры увидѣли эту картину, арестовали ихъ въ полномъ вооруженіи, по дорогѣ съ ними покончили (такъ до отряда и не добрались). Здорово насолили кругомъ большевики, все время пріѣзжаютъ хуторяне и крестьяне окрестностей даже версть изъ за 40 съ сѣвера и юга, ища защиты, но что дѣлать, — наши лошади измучены, нужны цѣлыя экспедиціи, а ѣхать дальше 20 версть — не въ состояніи, не наша задача, нельзя задерживать свой путь частными, хотя бы и очень человѣколюбивыми задачами. Интересно отмѣтить по рассказамъ жителей тотъ паническій страхъ, который мы внушаемъ большевикамъ — жалуются, что ихъ бьютъ, какъ зайцевъ. Довольно смѣло сопротивлялись нѣмцамъ; но въ ночь, на 28, когда узнали о нашемъ прибытіи, у нихъ была паника и рѣшили немедленно бѣжать. Нѣмцы еще пощадятъ, а отъ насъ нѣтъ пощады. Вчера приходили жители—отцы добровольцевъ, многіе старались отговорить, иные же не препятствовали. Одинъ самъ привелъ своихъ двухъ сыновей: «Я служилъ, пусть и они послужатъ патріотическому дѣлу».

Богатый край, всего сколько угодно, нѣтъ только сахару. Хлѣбъ все время бѣлый или полубѣлый. Чуть не весь отрядъ перешелъ на рыбный столъ. Вчера чудныхъ рыбъ прислали и намъ Замостцы.

Рѣшили учредить форменный судъ — подаль мысль Жебракъ и далъ законное основаніе. Необходима покрѣпче узда для нашихъ буйныхъ. Помяло двухъ мортирщиковъ телѣгой. Одному сло-

мало руку. Дано пособие, эвакуированъ въ Бериславъ.

30 марта, Любимовка.

Въ 11 былъ назначенъ парадъ, но конница заболталась между улицами и парадъ построился только въ 11. 40. 2-ая рота, оба эскадрона, взводъ конно-горный; знамя 2-го полка Балтійской дивизіи — Андреевскій флагъ красиво развѣвался на вѣтру. Роздалъ два георгіевскихъ креста и 6 медалей за дѣла съ большевиками. Послѣ маленькій церемоніаль.

Въ 3 собралась опять комиссія о деньгахъ; написала протоколъ, выдала на ликвидацію 220 тысячъ руб. наличными и 400 тыс. руб. по текущему счету. Себѣ взяли 600 тыс. руб. Протоколъ подписали, обмѣнялись расписками и разошлись.

Было нѣсколько самочинныхъ арестовъ, большинство отпущено — слѣдующій разъ буду отдавать подъ судъ. Приказалъ предупредить послѣдній разъ въ приказѣ. При отводѣ къ намъ одинъ изъ евреевъ бѣжалъ и былъ пристрѣленъ. Самоуправство, но всѣ данныя, что это великій мерзавецъ, однако, всѣ евреи за него горой. Всѣ они теперь невинные. Свидѣтельскія показанія не-евреевъ и двухъ изъ пострадавшихъ были убійственны. Въ концѣ концовъ ему по дѣломъ, но офицеровъ отъ такихъ самоуправствъ придется отучить.

Къ нѣмцамъ въ Бериславъ пришли пополненія, примѣрно батальонъ, артиллерія, много пулеметовъ. Какъ будто стали и къ намъ не столь благосклонны.

Пора, пора уходить . . .

Завтра въ 7. Передашь, чтобы разсказывали, что идемъ на Каиры.

Белись занятія; пулеметная стрѣльба.

31 марта.

Выступили въ 7. 30 — во 2-ой ротѣ, бывшей въ караулѣ, сосѣди разобрали подводы, пришлось собирать новыя. Съ утра пасмурно, холодный вѣтеръ съ востока, но вскорѣ небо очистилось, а порой солнце сквозь вѣтеръ пригрѣвало. Уже тронулись, прошли версть 8, нагоняютъ на подводахъ 6 чеховъ плѣнныхъ, просятъ хоть безъ жалованья. Уходятъ отъ австро-германцевъ. Дважды въ пути прїѣзжали хуторяне изъ разныхъ мѣстъ просить помощи противъ бандъ и оружія, но у насъ у самихъ уже мало.

Богатый районъ. Кругомъ преимущественно хутора, деревни рѣдки. Въ хуторахъ каменные дома, службы прекрасныя — черепица, чистота, культура. У одного вынесли между прочимъ продавать бублики — такихъ два года не ѣлъ, въ пору Филиппову; мѣстами выносили хлѣбъ, сало, отказывались отъ денегъ; угнетеніе бандами разбойниковъ невѣроятное.

Узналъ — вчера вахмистръ 1-го эскадрона познакомился въ Каховкѣ съ сестрой поступившаго къ намъ тамъ офицера (вдова офицера же). Вечеромъ спьяна женился, а утромъ даже забылъ объ этомъ: невѣроятно, но фактъ. Въ пути выяснилось, что колонія Вознесенская, гдѣ предполагался ночлегъ, уже не существуетъ, и ближайшая деревня Торгавка — пришлось еще сдѣлать версть 9, всего 50-51.

Но въ общемъ не трудно, дорога грунтовая, твердая гладкая безъ подъемовъ. Вѣтеръ, двигались легко; тяжеловато только лошадямъ, негдѣ пить, хутора разбросаны — шли безъ привала, и въ Любимовкѣ изъ-за холодной ночи много лошадей не пило. Версть 8 пѣхота шла пѣшкомъ для тренировки. Колонна шла много рысью, всего раза 4 или 5 по 10 минутъ, прибыли въ Торгаевку въ 18. 30.

Верстахъ въ 9 отъ Торгаевки при дорогѣ трупъ. Оказалось въ кавалеріи одинъ офицеръ встрѣтилъ клеветра Алехина, который раньше его разыскивалъ и приговорилъ къ смерти. Съ большевиками кончили, а его товарища, не столь виновнаго, крѣпко выдрали. Вотъ судьба — самъ наскочилъ, разыскалъ свою смерть.

Въ Торгаевкѣ узнаемъ отъ бѣжавшихъ изъ Нижней Сѣрогозы о безчинствахъ мѣстной красной арміи, состоявшей изъ 25 человекъ — взяли 11 тыс. общественныхъ денегъ, терроризировали население (состоящее болѣе чѣмъ изъ 4 тыс. человекъ!) Очень просили помощи. Послалъ желающихъ 20 человекъ изъ конницы и пѣхоты на подводахъ. На легковомъ поѣхалъ я, Неводовскій, интендантъ и одинъ изъ проводниковъ-жалобниковъ.

Выѣхали уже темнѣло. Время неудачное, нужно было ночью, но и то уже оказалось, что о приходѣ нашемъ были предупреждены и бѣжали. Гнаться незачѣмъ. Уже ночь. Просьба мѣстной интеллигенціи, преимущественно эвакуированной Рижской гимназіи, помочь самооборонѣ. Выпустилъ объявленіе о сдачѣ оружія, о паденіи большевистскаго комитета и вступленіи въ силу земства.

Заваривъ кашу, пришлось помогать. — Оборона уже организовалась: записалось много гимназистовъ. Объявлять выдать завтра 10 русскихъ винтовокъ. Былъ гимназическій праздникъ. Набились въ буфетъ, гдѣ и шла организація и запись въ оборону. Оригинальный колоритъ — дамскія вечернія платья, мужскія форменныя, учебныя и штатскія — пиджаки и косоворотки демократовъ и наши походныя формы и оружіе. Во 2-омъ часу ночи все кончили. Выдали въ распоряженіе директора гимназіи оружіе и патроны, дали совѣты и уѣхали. Подъ шумокъ офицеры выдрали самочинно большевистскаго предсѣдателя комитета шомполами — приказали не кричать — случайно узналъ. Удивительно ловка эта молодежь — впрочемъ онъ того стоитъ.

Сняли телефонные аппараты съ Мелитополемъ, телеграфные электромагниты; предварительно нашъ піонеръ разговаривалъ отъ имени предсѣдателя комитета съ замѣстителемъ Гольдштейна (начальникъ Мелитопольской банды). Оказалось, что у Гольдштейна въ деревнѣ Веселое, гдѣ ихъ сотни двѣтри, своего рода штабъ. Въ общемъ получили извѣстную ориентировку, но ничего очень существеннаго, боялись разспросами себя выдать.

Отмѣчаю, когда мы довольно долго задержались въ Сѣрогозахъ, — намъ прислали еще взводъ на подмогу — налажено.

1 апрѣля.

Около 9 пріѣхали изъ Сѣрогозъ за винтовками. Дали 10 трехлинейныхъ съ патронами. Раздачи эти очень тяжелы — у насъ самихъ всего штукъ 150 за-

пасныхъ. Когда колонна ушла, поѣхалъ на легко-
вомъ въ Сѣрогозы, провѣдать, какъ тамъ самооборо-
на — оттуда наискосокъ хорошая дорога на трактъ
— всего какихъ-нибудь верстъ пять крюку. Сдача
оружія продолжалась все время, но вяло, однако съ
нашими винтовками вооруженія почти уже было до-
статочно. Собирался волостной сходъ, который дол-
женъ былъ дать людей для охраны и наладить по-
рядокъ. Инертность, трудность и рабство массы по-
ражаетъ... Но есть надежда, что какъ-нибудь нала-
дится среди учителей и гимназистовъ — есть хотя
неопытные, но энергичные люди; помогутъ мѣстные
офицеры и солдаты — все обойдется.

На перекресткѣ дороги испортили обѣ перекре-
щающіяся телеграфныя линіи, чтобы помѣшать
большевикамъ взаимное освѣдомленіе.

Сегодня опять съ одного болѣе близкаго хутор-
ского поселка (1 вер.) прибыли крестьяне съ моло-
комъ, яйцами, саломъ, хлѣбомъ встрѣчать и при-
вѣтствовать своихъ «спасителей». Уплату отказались
взять наотрѣзъ, извинялись, что мало вынесли, пред-
лагали подождать пока принесутъ еще. Трудно пред-
ставить себѣ всѣ тѣ мученія и издѣвательства, ко-
торые они перенесли — это былъ систематическій
безпощадный грабежъ имущества, продуктовъ, де-
негъ и полное разореніе. Сравнительно недалеко
отъ Калги, на одномъ изъ хуторовъ наткнулись на
сборъ скота для отправки его въ Мелитополь, оче-
редная реквизиція, обоихъ посланцевъ — Мелито-
польцевъ (одинъ еврей, конечно) — отправили для
выясненія ихъ виновности, скотъ вернули по при-
надлежности. Счастье было видѣть эту радость из-

мученныхъ, обездоленныхъ людей; одинъ началъ молиться въ уголку. Итакъ весь путь отряда — встрѣчается и провожается благословеніями и восторгомъ однихъ, проклятiями и ужасомъ другихъ и тупымъ безразличіемъ массы; хотя впрочемъ не вездѣ: гдѣ сильно поработали грабители, тамъ удовлетвореніе быгало массовымъ.

Калга, куда прибылъ отрядъ на ночлегъ, состоятельная, хорошая деревня, домовъ въ 150, видна зажиточность и, на рѣдкость, не пострадала отъ бандитовъ; пропагандисты-гастролеры не встрѣчали сочувствiя, мѣстный комитетъ оставался неизмѣннымъ съ перваго переворота и на рѣдкость: предсѣдатель — староста, секретарь — бывший сельскій писарь. Почти идиллія. Народъ въ общемъ такъ напуганъ всякимъ появленіемъ вооруженныхъ, что и здѣсь часть поскрывалась, особенно женщины, пока имъ не разъяснили, что мы не враги. Въ Калгу опять прибылъ рядъ хуторянъ съ мольбою о помощи — послали экспедиціи, но только на одномъ фольваркѣ, что у почтовой станціи Калга, удалось арестовать для разбора вины, а трехъ, выскочившихъ съ оружіемъ, ликвидировали на мѣстѣ. Изъ остальныхъ мѣстъ вся эта рвань разбѣжалась, но пока не удалось захватить.

Куда завтра идти? Опросъ надежныхъ людей выяснилъ, что изъ Мелитополя все разбѣзжается преимущественно на югъ, что между ст. Федоровкой и слѣдующей на сѣверъ идутъ на Мелитополь «украинцы» (?) или большевики, мечущіеся не зная куда; кажется, собираются дать отпоръ. Изъ Веселаго тоже бѣгутъ. Насъ меньше ждуть южнѣе Мелитопо-

ля, туда надо идти. Опять же мы отрѣзаемъ ихъ отъ ходъ, испортивъ дорогу.

До Мелитополя въ одинъ день все равно трудно, пройдя 53 версты, притти къ вечеру; насъ ждутъ по тракту. Рѣшилъ идти черезъ колонію Ейгенфельдъ на Акимовку (тоже осиное гнѣздо), ликвидировать ихъ тамъ (крюкъ очень маленькій), а 3-го раненько на Мелитополь, чтобы попасть туда первыми (тамъ много бензина). Есть ли тамъ еще большевики — трудно сказать — слухи они распускаютъ, что собираются драться, о своихъ силахъ «пужаютъ», а какъ бѣгутъ — не догонишь; полная растерянность. Всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ зазываютъ къ себѣ, грозятъ, что мы всѣхъ вообще ѣдущихъ и идущихъ разстрѣливаемъ, и есть болваны вѣрящие, сами сознавались. Такія времена, такое безправіе и торжество силы.

На Веселую же гораздо больше крюкъ, къ Мелитополю могли бы опоздать.

Полк. Дроздовскій, намѣтившій путь своего отряда на Мелитополь, обходнымъ движеніемъ зашелъ съ юга и перерѣзалъ желѣзную дорогу у ст. Акимовка, отрѣзавъ такимъ образомъ Мелитопольскую группу большевиковъ отъ Крымской.

День тяжелого удара — возвращеніе Кудряшева (его приключеніе, арестъ въ Лепетихѣ, угроза крестьянъ разстрѣлять за большевизмъ) — вѣсти о Донѣ — Корниловъ въ районѣ Кавказская-Петровскъ (на Каспій); измѣна молодыхъ казаковъ, пораженія, разстрѣлы офицеровъ. Можетъ и преувеличено, но суть — едва ли. Эти показанія дали два офицера, одинъ изъ отряда, защищавшаго Новочеркасскъ. Движеніе японцевъ; подходъ поляковъ къ

Воронежу. Бологовской поѣхаль дальше. Маякомъ ему будутъ служить Симферополь и Ростовъ. Принципіальное рѣшеніе — сохранить отрядъ до лучшихъ временъ. Что же дѣлать непосредственно — обдумаемъ; пока же въ районѣ Мелитополя не-много задержаться. Надежда на помощь союзниковъ, японцевъ больше, но какую цѣной. Катастрофа Корнилова и Алексѣева — это національное несчастье

Мое переживаніе — пройдя уже болѣе половины пути, потерять точку стремленія! И все же бороться до конца...

2 апрѣля.

Выступили въ 8, тотъ же сильный восточный вѣтеръ, та же ясная погода. Приваль въ Екатериновкѣ, имѣніе, крѣпко пограбленное большевиками. Верстахъ въ 7 восточнѣ свернули съ тракта на Ейгенфельдъ. На полдорогѣ насъ встрѣтили на перекресткѣ колонисты изъ Александрфельда, горячо привѣтствовали, жалѣли, что, не зная кто, не вынесли поѣсть. Одинъ предлагалъ деньги (25 р.) ординарцу. У входа въ колонию Ейгенфельдъ — триумфальная встрѣча — музыка, масса народу, зелень, бросаютъ цвѣты. Пасторъ съ женой и свояченицей встрѣчаетъ нашъ штабъ, приглашаетъ къ себѣ, неловко отказать этому радушію. Останавливаемъ колонну — вся втягивается въ улицу — выносятъ молоко, хлѣбъ, сало, яйца, раздають цѣлые окорока, украшаютъ цвѣтами, штабъ у пастора, угощеніе за сервированнымъ столомъ, бѣлая скатерть, вино — оставшаяся бутылка. Въ 12 часовъ ждали большевиковъ изъ Мелитополя за 120 тысячами контрибу-

ції съ волости — и ровно въ 12 вошла съ запада наша конница-избавители. Просили оружїе организовать оборону, сказалъ заѣхать, если соберемъ въ Акимовкѣ. Въ колонїи своихъ большевиковъ очень мало — притѣсняла прїѣзжая красная гвардія.

Колонна задержалась на часъ. Только что собрались выступать — донесеніе (на автомобилѣ отъ Войналовича) о появленїи большевистскихъ эшелонъ на ст. Акимовкѣ. Приказалъ одной ротѣ съ легкой батареей идти немедленно перемѣннымъ аллюромъ на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальнымъ тоже не задерживаться, идя частью рысью. Самъ на автомобилѣ. Прїѣхалъ въ мѣстечко Акимовку — на вокзалѣ все уже было конечно: шло два эшелона изъ Мелитополя на Акимовку. На запросъ отвѣтили, чтобы подождали, пока еще путь не исправенъ. Потомъ приготовились и вызвали¹⁾. Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить въ тупикъ. Второй не удалось — раньше времени взорвали путь. Первый же приняли въ тупикъ и встрѣтили пулеметнымъ огнемъ кавалеристовъ и съ броневика, который стрѣлялъ почти въ упоръ. Всюду вдоль поѣзда масса труповъ, въ вагонахъ, на буферахъ, частью убитые, частью добитые. Нѣсколько раненыхъ. Между прочимъ, машинистъ и три женщины. Когда пришелъ, еще выуживали по-прятавшихся по укромнымъ уголкамъ. Плѣнныхъ от-

1) По занятїи ст. Акимовка одинъ офицеръ, знавшій телеграфное дѣло, на запросъ изъ Мелитополя о пропускѣ на ст. Акимовка, назвавшись «товарищемъ Петромъ», сталъ задерживать выходъ большевистскихъ эшелонъ. Когда все было готово, — далъ путевую.

правили на разборъ въ штабъ къ Семенову. Всего на вокзалѣ было убито человѣкъ 40. Какъ жили большевики: пульмановскіе вагоны, преимущественно 1-ый и 2-ой классы, салонъ; масса сахару, масло чудное, сливки, сдобныя булочки и т. п. Огромная добыча, 12 пулеметовъ, масса оружія, патроновъ, ручныхъ гранатъ, часть лошадей (много убитыхъ и раненыхъ). Новые: шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бѣлье матеріаль. Обиліе чая, шоколада и конфектъ. Всего эшелонъ былъ человѣкъ около 150 — слѣдовательно, считая плѣнныхъ — не спасся почти никто. Вскорѣ запросился по телеграфу эшелонъ большевиковъ съ юга, хотѣли его принять, но на разѣздѣ южнѣе Дмитровки его предупредилъ повидимому кто-то изъ бѣжавшихъ — онъ не вышелъ съ разѣзда и вернулся. У насъ безъ потерь, одному оцарапало палець, у другого прострѣленъ бинокль, но выбыло 5 лошадей, второй эшелонъ отошелъ послѣ взрыва и скрылся изъ вида.

Къ вечеру были передопрошены всѣ плѣнные и ликвидированы; всего этотъ день стоилъ бандитамъ 130 жизней, при чемъ были и «матросики» и 2 офицера, до конца не признавшіеся въ своемъ званіи.

Отрядъ сосредоточился въ Акимовкѣ часамъ къ 17-ти.

Селеніе большое, устроились очень недурно, кровати.

Выборъ направленія на Акимовку оказался очень удачнымъ.

3 апрѣля.

Начинало свѣтать,—стукъ въ окно—донесеніе о снятіи «заставы». Поднялъ всѣхъ, телефонъ въ полкъ — не отвѣчаетъ — послалъ, благо близко. Вся артиллерія, кромѣ взвода у вокзала, уже стояла на сѣверъ, пристрѣлка конно-горной по будкѣ, къ которой подходилъ поѣздъ; остановился, вышли цѣпи. Цѣпи остановлены и бѣжали отъ двухъ шрапнелей. Огонь большевиковъ: — 2 легкихъ съ поѣзда, по трубѣ, разбросъ, масса неразорвавшихся, зажигательныхъ (все безъ разбора по городу), убита одна еврейка. Части были подняты по тревогѣ и распредѣлены — пулеметная рота заняла сѣвер. вост. окраину деревни, первая стала уступомъ за лѣвымъ флангомъ, 3-я сначала оставалась во внѣшнемъ охраненіи, потомъ была стянута въ районъ штаба полка, а вторая рота съ частями Жебрака подъ его начальствомъ (кромѣ взвода, что въ конницѣ). На станціи артиллерія вся смотрѣла на сѣверъ, обозы сосредоточены на сѣверо-западной окраинѣ, у дороги на Ейгенфельдъ. Постепенно поѣздъ, отогнанный снарядами, отошелъ за перегибъ мѣстности. Конный отрядъ въ 8-мъ часу двинулся въ обходъ въ направленіи на Дармштадтъ, отрядъ долженъ былъ выступить въ 9 час., какъ было раньше рѣшено. Но выходъ задержался, такъ какъ мы не имѣли свѣдѣнія о вывозѣ оружія со станціи (повывозили конфеты, шоколадъ, калоши, дамскую обувь, а существенное, самое важное — задержали...) Колонна выступила въ началѣ 11-го. Броневикъ шелъ съ конницей по дорогѣ лѣвѣе и рядомъ съ полотномъ.

Къ началу движенія конницы, банды, высадившія съ эшелоновъ (2) растянули длинную, рѣдкую, охватывающую цѣпь, по линіи кол. Дармштадтъ, кол. Гутерталь и почти до русла Ташенакъ. Продвиженіе конницы совершилось съ перестрѣлкой: двигаясь въ направленіи на Дармштадтъ, эскадроны, прогнавъ нѣсколькими шрапнелями конно-горной цѣпи, на участкѣ между Дармштадтъ и дорогой Гутерталь, Юганнесру, прорвали цѣпь, раздѣлили ее и, заходя въ тылъ, грозя окруженіемъ разрозненныхъ группъ, принялись ихъ уничтожать; въ то-же время конно-горная стрѣляла по поѣзду, при чемъ одна граната попала почти въ платформу, большевики частью успѣли сѣсть на эшелоны и уѣхать, частью разбѣжались, въ дикой паникѣ, кидая сапоги, шинели, портянки, оружіе, спасаясь по разнымъ направленіямъ. Уничтоженіе ихъ продолжалось, въ плѣнъ не брали, раненыхъ не оставалось, было изрублено и застрѣлено, по разсказу конницы, до 80 чел. Броневикъ помогаль своимъ огнемъ по цѣпи. Когда дѣло было кончено, броневикъ, вернулся къ колоннѣ главныхъ силъ, а конница пошла черезъ Юганнесру на вокзалъ Мелитополя, съ цѣлью обойти съ запада и сѣвера.

Въ этой операціи конница потеряла 5—6 убитыхъ и раненыхъ лошадей и былъ легко раненъ въ нсгу сербъ-офицеръ Патекъ.

Передъ выступленіемъ главной колонны часть имущества, что не могли поднять, была продана на мѣстѣ (чай, калоши), часть роздана на руки. Тронулись въ началѣ 11-го.

Подходъ къ Мелитополю — сплошное триумфальное шествіе; уже въ дер. Песчаное (пригородъ) встрѣтили толпы крестьянъ съ хлѣбомъ-солью и привѣтствіями; ближе къ городу — еще хлѣбъ-соль, въ городѣ улицы, проходящія на вокзалъ, запружены. Делегация желѣзнодорожниковъ съ бѣлымъ флагомъ и рѣчью — привѣтствіе избавителямъ, еще хлѣбъ-соль. Цвѣты, привѣтственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзалѣ депутація инвалидовъ съ привѣтомъ. Большевики бѣжали спѣшно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистовъ и еще кое-какіе мерзавцы, которыхъ частью перебила, частью арестовала вооружившаяся желѣзнодорожная милиція.

На квартиры стали въ предмѣстьѣ Мелитополя въ Кизьярѣ, въ районѣ вокзала. Меня съ Неводовскимъ и адъютантами пригласилъ къ себѣ инженеръ К. Квартира была пуста, все было вынесено въ ожиданіи боя, такъ какъ эти банды похвалялись, что дадутъ намъ бой; квартира — мерзость запустѣнія. Настроеніе всей массы желѣзнодорожниковъ до нашего прихода было ужасное — измучены, терроризированы, озлоблены — много помогали въ розыскахъ и ловлѣ анархистовъ и большевиковъ. Въ Мелитополѣ нашли громаднѣйшій запасъ новыхъ обозныхъ повозокъ — рѣшили замѣнить всѣ потрепанныя повозки, бензину мало, фуража много.

Намѣчается довольно большая прибыль добровольцевъ.

Прибыли въ Мелитополь въ 15¹/₂ часовъ.

Утромъ прискорбный инцидентъ — одинъ капитанъ піонернаго взвода застрѣленъ жителемъ изъ револьвера: ѣхаль совершенно пьяный верхомъ по путямъ, стрѣляль, былъ задержанъ часовымъ, угрожалъ стрѣлять, была отнята винтовка; тогда взялся за шашку, но былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ револьвера бывшимъ поблизости жителемъ. Житель задержанъ. Послѣ производства дознанія выпущенъ, но револьверъ отобранъ — почему не сдать по объявленію.

Рано утромъ въ Акимовку были посланы локомотивы и рабочіе вагоны для исправленія пути и вывоза изъ Акимовки захваченнаго поѣзда и прочаго подвижнаго состава. Невывезенное сразу имущество было оставлено на вокзалѣ Акимовки и сдано Жебракомъ подъ охрану мѣстныхъ властей. Вчера поздно вечеромъ все это прибыло на подводахъ въ Мелитополь. Въ нашемъ распоряженіи оказалась одна блиндированная платформа, которая и прикрывала съ поставленнымъ на нее пулеметнымъ взводомъ эвакуацію Акимовки.

Около 14 часовъ былъ у городского головы, разговариваль объ организаціи милиціи — впечатлѣніе, что очень мало на мѣстѣ энергичныхъ, смѣлыхъ людей. Всѣ запуганы до безобразія. Голова говорилъ, между прочимъ, что въ городѣ большая тревога — боятся нашего ухода. Далъ нѣсколько совѣтовъ объ организаціи милиціи.

Днемъ начали поступать донесенія по телефону изъ Акимовки, что къ ней подходятъ эшелоны

матросовъ; самые дикіе слухи росли, внося въ измученное населеніе тревогу. Самый интересный слухъ — изъ Крыма движется 600.000 армія красногвардейцевъ... Прибывшіе поѣзда тоже доносили, что не очень спокойно, но когда наша блиндированная платформа оставила Акимовку, и мы еще не знали, гдѣ она, съ разѣзда Тащенакъ пришло донесеніе по фонопочтѣ отъ желѣзнодорожниковъ, что къ разѣзду подходитъ большевистскій эшелонъ.

Ясно было, что слухи эти всѣ паническіе и вздорные, но самую возможность факта — приближеніе большевиковъ — отрицать окончательно было, конечно, нельзя. Послѣ даннаго имъ урока мы настолько въ это не вѣрили, что никакихъ особыхъ мѣръ охраны даже не принимали, но съ этими свѣдѣніями, какъ бы они ни были преувеличены, совсѣмъ не считаться нельзя, эшелонъ могъ подойти — нужно приготовиться; рѣшено офицеровъ вызвать изъ города, сосредоточить въ фруктовомъ саду у балки Песчаная, выдвинуть роту, взводъ конницы и взводъ легкой артиллеріи и вести развѣдку на фронтѣ отъ рѣки Молочная черезъ хуторъ Тащенакъ, кол. Юганнесру, столбовая дорога. Сѣверное направленіе наблюдать только заставами, такъ какъ большевики, покинувъ Антоновку, ушли на Токмакъ; на разѣздѣ Терпѣніе имѣтъ паровозъ съ 12—15 вооруженныхъ желѣзнодорожниковъ, а на разѣздѣ Тащенакъ — блиндированную платформу съ пулеметами, связанную со штабомъ телефономъ. На случай, если бы большевистскій эшелонъ рѣшилъ подойти близко, напр. въ бронепоѣздѣ, подготовленъ былъ локомотивъ и вагонъ съ рельсами для устрой-

ства крушенія и послѣдующаго уничтоженія эшелона. Съ посылкой за офицерами вышло не гладко — собирая офицеровъ, либо ординарецъ ерунду наговорилъ, либо кто изъ добровольныхъ помощниковъ-жителей, кричали по улицамъ, чтобы отрядъ собирался, что наступаютъ большевики и т. п. Началась настоящая паника. Милиція сразу побросала винтовки и разбѣжалась; едва успокоили населеніе.

Въ 16 часовъ отрядъ подъ командой подполковника Почекаева выступилъ впередъ по фруктовому саду. Обстановка къ этому времени выяснилась: оказывается наша блиндированная платформа доходила почти до станціи Сокологорное, занятой бандами; потомъ поѣздъ большевиковъ слѣдовалъ за ними. Велась перестрѣлка пулеметами, враги стрѣляли артиллеріей, но попадали почти все въ свой поѣздъ, давая чудовищный недолетъ—наши умирали со смѣху, видя эту стрѣльбу. Верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ южнѣе станціи Акимовки они сняли районные рельсы и увезли подъ огнемъ большевистскихъ разѣздовъ. Когда оставляли Акимовку, разѣзды уже подходили къ станціи. Вотъ всѣ достовѣрные свѣдѣнія — ясно, что дальше этого разобраннаго пути поѣздъ не могъ пройти, а занять они могли только Акимовку.

Предполагаю на завтра послать конный отрядъ въ Юганнесру, чтобы захватить большевиковъ, если будутъ приближаться; устроить крушеніе сѣвернѣе переѣзда Тащенакъ, дальше отъ города и глубже обойти мѣсто крушенія съ тыла. Отрядъ выступаетъ въ 9 утра.

Днемъ часовъ въ 17—18 запросъ о приѣмѣ по-

ѣзда съ делегаціей нѣмцевъ — очевидно ихъ части имѣють въ виду сойти къ Мелитополю. Приказали отвѣтити о приѣмѣ къ 10 часамъ 5-го.

Квартира наша вновь обставилась — внесена мебель, картины, рояль... Уютно, комфортабельно; утромъ взялъ горячую ванну — блаженство послѣ столькихъ дней похода.

Вечеромъ собрались служащіе, коллеги К. Прекрасно пѣлъ его помощникъ. Давно уже не приходилось слышать ничего подобного. Повѣяло старымъ, довольнымъ временемъ. Вообще приѣмъ радушія исключительнаго.

Понемногу городъ очищается отъ бандитовъ. Въ Акимовку изъ Мелитополя приѣхалъ на автомобиль офицеръ, казался бѣжавшимъ. Тамъ, однако, былъ опознанъ солдатами крымскаго коннаго полка; одинъ солдатъ, увидѣвъ его, сразу въ морду — оказался вовсе не офицеръ, а убійца командира, похитившій его же шашку послѣ убійства. Разстрѣлянъ.

Желѣзнодорожная охрана (все низшіе служащіе) арестовали типа, призывавшаго бить буржуевъ, анархистъ. Случай разобранъ, разстрѣлянъ.

Мелитополь далъ многое, есть военно-промышленный комитетъ, получили ботинки и сапоги, бѣлье; изъ захваченнаго матеріала шьемъ обмундированіе на весь отрядъ — всѣ портные Мелитополя загружены нашей работой, постороннихъ заказовъ не берутъ.

5 апрѣля, Мелитополь.

Ѣздилъ утромъ смотрѣть заставу въ саду у балки Песчаная — пришлось переставить артиллерію,

чтобы обстрѣливала подходящий поѣздъ прямо въ лобъ.

Въ день прибытія въ районъ было выпущено объявленіе о сверженіи власти большевиковъ и уничтоженіи всѣхъ ихъ декретовъ. Вся гражданская власть была передана въ руки городской думы и водостныхъ земствъ; городской думѣ предложено было организовать самооборону сильной милиціей, на станціи организована желѣзнодорожная самооборона. Оружіе отъ населенія отбиралось и передавалось самооборонамъ. Часть оружія выдавалась въ волости.

Кажется между 13—14 часами прибылъ блинди- рованный нѣмецкій поѣздъ, а за нимъ ихъ первый эшелонъ — остались на станціи. Разговоры съ ними вели Войналовичъ съ Жебракомъ — я уѣхалъ въ городъ, уклонившись такимъ путемъ отъ этой не-веселой встрѣчи. Нѣмцы на этотъ разъ очевидно вполне довѣряли нашей лойяльности; ибо, какъ шуба, влѣзли на станцію — но намъ нѣтъ другой политики пока. На офицерахъ эта встрѣча отражалась тяжело, многіе нервничали — во избѣжаніе столкно-веній приказалъ снять всю охрану и внѣшнее охраненіе противъ большевиковъ, передавъ вокзалъ желѣз-нодорожной охранѣ; охраненіе въ Акимовкѣ взяли на себя естественно нѣмцы своимъ немедленнымъ туда продвиженіемъ. Выступленіе коннаго отряда было отмѣнено еще утромъ при свѣдѣніяхъ о прибы-тіи нѣмцевъ. Завтра рѣшилъ вообще оставить городъ и перейти въ деревню Константиновку, гдѣ и ждать окончанія портняжныхъ заказовъ.

Хоронили убитаго офицера конно-піонера. Без-славно погибъ, но похороны получилъ почетныя: ме-

таллическій гробъ, вѣнки, трехцвѣтные флаги на гробѣ; масса жителей, цвѣты, зелень, много участія и сочувствія отряду въ поминавеніи усопшаго.

Вечеромъ желѣзнодорожное общество и мы собрались вмѣстѣ, тотъ же уютъ, прекрасный ужинъ, прекрасное пѣніе, но уже не то настроеніе, отравленное нѣмецкимъ приходомъ. Прощальный характеръ собранія (нашъ уходъ).

Особенно реагировалъ К., рѣзко говорилъ съ нѣмцами, не ведя въ началѣ необходимой политики, слишкомъ опирался на насъ, на наши прежнія распоряженія; приходилось его уговаривать вести политику, идти на уступки, ибо это могло въ концѣ причинить вредъ даже и намъ. Что дѣлать, терпи пока время не пришло: выдержка — это все.

6 апрѣля, д. Константиновка.

Въ 9 час. отправился обозъ, выступленіе боевыхъ частей въ 14 час. Такъ какъ нѣмцы все время наблюдали за нами и у нихъ очевидно не мало агентовъ, рѣшилъ двигать всю колонну, но по частямъ, разными улицами, чтобы затруднить подсчетъ силъ. Странно, что нѣмцы всегда такъ прекрасно освѣдомленные, преувеличиваютъ много наши силы, считая ихъ не менѣе 4—5 тысячъ (изъ ихъ разговоровъ).

Утромъ отправился къ нѣмецкому генералу (начальнику 15 ландв. дивизіи), поговорить о положеніи передъ уходомъ, главная цѣль сгладить обостреніе ихъ съ желѣзнодорожной администраціей, если бы такое обнаружилось. Сказалъ о вооруженіи населенія, — о самооборонахъ городской и желѣзнодоро-

рожной, спрашивалъ о нашемъ направленіи, откуда и прочіе обычные вопросы, отвѣты также обычны. Нѣмцы корректны и любезны, никакихъ треній. Переводчикъ нѣмецкій офицеръ генеральнаго штаба — съ нимъ интересный разговоръ (предупредилъ, что частное его мнѣніе); сказалъ скорѣе уходить, что настроеніе украинской власти противъ насъ враждебное, что онъ очень симпатизируетъ нашимъ цѣлямъ устраивать порядокъ своими силами, но они могутъ получить приказаніе о разоруженіи. Считаютъ они насъ 5 тыс. Понимаетъ, что имъ никто не будетъ благодаренъ за усмиреніе. Что въ Велико-россію не пойдутъ, развѣ пригласятъ, но можетъ и тогда не пойдутъ. Весь тонъ и отношеніе къ намъ полны личнаго уваженія, но въ полной увѣренности, что мы не преслѣдуемъ широкихъ патріотическихъ цѣлей, или что выполненіе ихъ невозможно.

Я со штабомъ шелъ по главной улицѣ, во главѣ первой роты со знаменемъ и музыкой. Немало народа (и простого) встрѣчало колонну, поклоны, привѣты, одна женщина крестила. За эти дни опредѣлились ясно симпатіи народной массы къ намъ, населеніе ждало избавителей, откуда-бы они ни пришли, и пришло избавленіе отъ русскихъ регулярныхъ войскъ; всѣ симпатіи, вся радость спасенія отдана намъ, своимъ.

Если-бы пришли нѣмцы или украинцы первыми избавителями — то къ нимъ были бы направлены общія симпатіи, а теперъ пришли иноземцы и появленіе ихъ почти во всѣхъ группахъ населенія произвело тягостное впечатлѣніе, оскорбленіе еще сильнаго патріотизма.

Идти впереди нѣмцевъ, своимъ появленіемъ спасти, вторичнымъ появленіемъ нѣмцевъ будить патріотизмъ — вотъ нашъ триумфъ, наша задача.

Передъ моимъ отъѣздомъ делегація нѣмецкихъ гражданъ — русско-подданныхъ Мелитополя — благодарила за спасеніе. Два штатскихъ и барышня съ букетомъ, благословеніе отряду и пожеланіе успѣха.

7 апрѣля. Константиновка.

Въ Мелитополѣ, съ помощью населенія изловлено и ликвидировано 42 большевика.

Странныя отношенія у насъ съ нѣмцами; точно признанные союзники, содѣйствіе, строгая корректность, въ столкновеніяхъ съ украинцами — всегда на нашей сторонѣ, безусловное уваженіе. Одинъ, между тѣмъ высказывалъ — враги тѣ офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно нѣмцы не понимаютъ нашего вынужденнаго союзничества противъ большевиковъ, не угадываютъ нашихъ скрытыхъ цѣлей или считаютъ невозможнымъ ихъ выполнение. Мы платимъ строгой корректностью. Одинъ нѣмецъ говорилъ: «Мы всячески содѣйствуемъ русскимъ офицерамъ, сочувствуемъ имъ, а отъ насъ сторонятся, чуждаются».

Съ украинцами напротивъ — отношенія отвратительныя: приставање снять погоны, боятся только драться — разнузданная банда, старающаяся задѣть. Не признаютъ дѣлежа, принципа военной добычи, признаваемого нѣмцами. Начальство отдаетъ строгіе приказы не задѣвать — не слушаютъ. Нѣкоторые были побиты — тогда успокоились, хамы, рабы. Ког-

да мы ушли, вокзальный флагъ, (даже не строго національный) сорвали, изорвали, истоптали ногами...

Нѣмцы — враги, но мы ихъ уважаемъ, хотя и ненавидимъ... Украинцы — къ нимъ одно презрѣніе, какъ къ ренегатамъ и разнузданнымъ бандамъ.

Нѣмцы къ украинцамъ — нескрываемое презрѣніе, третированіе, понуканіе. Называютъ бандой, сбродомъ; при попыткѣ украинцевъ захватить нашъ автомобиль на вокзалѣ, присутствовалъ нѣмецкій комендантъ, кричалъ на украинскаго офицера: «чтобы у меня это больше не повторялось». Разница отношенія къ намъ, скрытымъ врагамъ, и къ украинцамъ — союзникамъ — невѣроятная.

Одинъ изъ офицеровъ проходящаго украинскаго эшелона говорилъ нѣмцу: надо бы ихъ, т. е. насъ, обезоружить; и получилъ отвѣтъ: они также борются съ большевиками, намъ не враждебны, преслѣдуютъ однѣ съ нами цѣли, и у него языкъ не повернулся бы сказать такое, считаетъ непорядочнымъ... украинецъ отскочилъ...

Украинцы платятъ такой-же ненавистью.

Они дѣйствительно банда, неуваженіе къ своимъ начальникамъ, неповиновеніе, разнузданность — тѣ же хамы.

Украинскіе офицеры больше половины враждебны украинской идеѣ, въ настоящемъ видѣ и по составу не больше трети не украинцы — некуда было дѣваться... При тяжелыхъ обстоятельствахъ бросаютъ ихъ ряды.

Кругомъ вопли о помощи.

Добровольцевъ въ общемъ немного, поступило въ пѣхоту, человѣкъ 70 — для Мелитополя стыдно, намѣчалось сначала много больше — пришли нѣмцы и украинцы — успокоились, шкура будетъ цѣла, или полѣзли въ милицію — 10 руб. въ день.

Интенсивно ведется шитье.

8 апрѣля. Константиновка.

День разочарованій:

Вчера упорные телеграфные слухи съ разѣзда Утмачъ объ офицерахъ, ѣдущихъ къ намъ на соединеніе. Утромъ послалъ автомобиль — никакихъ слѣдствъ, никто ничего не видѣлъ, даже и близко, какая то ерунда.

Можно было достать здѣсь 300 тыс. руб. въ военно-промышленномъ комитетѣ, интендантскія суммы, отъ ликвидаціи имущества; завѣдывающей самъ предлагалъ, намекалъ прозрачнѣйше, но слышавшіе это офицеры не передали. Интендантъ промолчалъ — сегодня все это узналъ — поѣхалъ къ С. (у кого были деньги). Поздно, уже украинцы наложили руку, даже заднимъ числомъ нельзя ничего. Самъ С. жалѣлъ, что попадутся украинцамъ, да что дѣлать...

Узналъ объ этомъ у русскаго общества, приславшаго делегацію часовъ въ 18, программа — всероссійская. Спрашивали, что могутъ для насъ сдѣлать. Сказалъ — на мѣстахъ готовить умы, для меня же связать съ общественными дѣятелями крупныхъ центровъ, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы, огнестрѣльные припасы.

Обѣдалъ въ ресторанѣ. Разговоръ съ украинскимъ комендантомъ. Помогу, если будутъ грабить жителей. Онъ просилъ, если нужно будетъ разстрѣливать, дать людей, кто могъ бы не дрогнуть при разстрѣлѣ — отвѣтилъ: роль исполнителей приговоръ не беру, разстрѣливаемъ только своихъ приговоренныхъ. — Имѣю большія полномочія приказывать всѣмъ германскимъ и украинскимъ войскамъ въ районѣ. — «Приказывать не можете». — Могу — «Можно только тому, кто исполнить, я — нѣтъ». — Вы обязаны! — «Не исполню». — Вы на территоріи украины. — «Нѣтъ. Гдѣ войска и сила, тамъ ваша территорія. Мы же идемъ по большевистской и освобождаемъ». — Никто не просить. — «Нѣтъ, просятъ. Мы лойяльны, не воюемъ, но должны съ войны вернуться черезъ ваши земли».

Еще много прекословилъ, не совсѣмъ трезвъ. Въ концѣ концовъ просилъ помощи окружнымъ селамъ и деревнямъ; я согласился охотно, если помощь въ направленіи нашего пути. Наконецъ разошлись, оба очевидно недовольные другъ другомъ. Вечеромъ въ опереттѣ, масса офицеровъ. Вообще за время Мелитополя поведеніе корректное. Играли, какъ полагається въ провинціи, но нѣкоторое было недурно. Ужинъ въ ресторанѣ, пьяный комендантъ (по рассказамъ ему въ концѣ разбили голову стаканомъ).

Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдыхъ нервамъ. Хотя мнѣ нѣтъ отдыха. Всегда окруженъ врагами, всегда страхъ потерпѣть неудачу, каждое осложненіе волнуеть и безпокоитъ. Тяжело...

9 апрѣля.

Погода всѣ дни прекрасная, но вѣтеръ, изводящій восточный вѣтеръ.

Утромъ телеграмма изъ Бердянска съ просьбой о помощи — инвалиды выкинули большевиковъ, подпись Абальянцъ. Можетъ быть и провокація. Заѣхалъ въ городъ, взялъ френчъ (100 рублей за фасонъ и прикладъ). Прощальные визиты и въ походъ. Ёзда на автомобилѣ ужасна, все время пришлось мѣнять шины, новыхъ нѣтъ, заклеили тряпками, какъ пластыремъ, привязавъ веревками — опять плохо. Такъ мучился до села Покровка, гдѣ удалось настигнуть хвостъ колонны, уходящей съ привала, сѣлъ на предложенную мнѣ лошадь и поѣхалъ впередъ. Автомобиль еще долго маячилъ, обвивалъ шину веревками и едва добрался до ночлега... Хорошо поспѣлъ въ конный отрядъ.

Между колоніями Владиміровка и Богдановка (болгарская) встрѣтилъ на автомобилѣ делегацію отъ инвалидовъ Бердянска — подтверждая телеграмму о сверженіи совѣтской власти, просили Христомъ-Богомъ скорѣй послать артиллерію, такъ какъ у нихъ нѣтъ пушекъ, а матросы безнаказанно громятъ городъ съ гавани, укрѣпивъ двѣ шестидюймовыхъ пушки на лайбахъ. Кто же пошлетъ одну артиллерію? Повель ихъ въ штабъ въ Богдановку вмѣстѣ съ Войналовичемъ выяснять обстановку. — Кто руководитъ обороной? Названъ рядъ лицъ, частныхъ. — Я военный, спеціалистъ. Могу съ довѣріемъ относиться только къ спеціалистамъ. Развѣ нѣтъ офицеровъ? — «Есть, много». — Кто же ко-

мандуетъ? — «Полковникъ Черковъ». — Съ усами и бородой, средняго роста? — «Нѣтъ ни бороды, ни усовъ». — Что на погонахъ? — «Безъ погонъ» . . . Сбить не удалось, выяснилось, что это тотъ. Очевидно нѣтъ провокаціи. Завтра рано прибыть все равно не можемъ, только къ ночи, а это съ артиллерійской точки зрѣнія бесполезно. Рѣшили идти 10-го въ Ногайскъ, а на разсвѣтъ 11-го, часовъ въ — 5 выступить и рано утромъ прибыть. Послалъ Черкову записку держаться, успокоить испуганное населеніе и терпѣливо ждать. Артиллеріи все равно прислать отдѣльно не могъ, тѣмъ болѣе одна-двѣ пушки на автомобилѣ. Делегація уѣхала . . .

Богдановка — богатѣйшая болгарская деревня. У нашего хозяина каменный домъ съ городской приличной обстановкой, смѣсь съ крестьянской простотой: зеркало, буфетъ модернъ, масса стульевъ . . . Многіе жители живутъ очень богато.

Богдановка — штабъ. Конница, лазаретъ, связь съ Владиміровкой — гдѣ все прочее.

10 апрѣля

Утромъ опять делегація Бердянска, но офицеры. Тѣ же разговоры, тѣ же просьбы — летѣть не можемъ.

Хозяинъ ничего не взялъ, отказался отъ уплаты — положимъ основательно богатый . . .

Сегодня двигался съ коннымъ отрядомъ. Недалеко отъ Ногайска встрѣтилъ автомобиль съ Черковымъ. Мою записку онъ получилъ. У нихъ настроеніе не сдаваться, но все же тревога и неувѣрен-

ность въ массѣ «защитниковъ». Еще утромъ, разсмотрѣвъ карту, увидѣлъ, что идти на свѣту нельзя, вся дорога наблюдается съ моря, а потому рѣшилъ выступить ночью, часовъ въ 10 вечера. Къ разсвѣту имѣть уже артиллерію всю на позиціи, подвезя къ городу конницу и одну роту, а весь отрядъ оставить въ колоніи Ивановка, чтобы не втягивать его въ городъ и имѣть свободу дѣйствій противъ покушеній со стороны Новоспасское или Петровское, откуда, по свѣдѣніямъ, большевики могли ожидать помощь. Для защиты же набережной и собственно города у инвалидовъ своихъ силъ и такъ достаточно.

Но Черковъ убѣдительно просилъ, какъ видимый признакъ помощи, послать хотя броневой автомобиль съ мотоциклетами; это же послужить опорой для инвалидовъ. Теперь, когда возможность ожидать провокацію исчезла, я согласился.

Прибывъ въ Ногайскъ, арестовали совѣты, возстановили думу, захватили тысячу 20 совѣтскихъ денегъ, городскія — вернули думѣ. Выловили еще нѣсколько мерзавцевъ. Тутъ получили свѣдѣнія, что суда изъ Бердянска повидимому ушли съ рейда.

Оставивъ отрядъ въ Обиточное (2 вер. восточнѣе Ногайска) и условившись о ночномъ маршѣ, самъ отправился съ Неводовскимъ и батарейнымъ командиромъ для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстахъ и выбора артиллерійской позиціи. Съ нами пошли: броневикъ и два мотоцикла, всѣ въ распоряженіи Черкова.

Дорога прекрасная, ровная. Справа то показывалось, то скрывалось море, Азовское, но все-таки

южное море, скрашивавшее унылый видъ степи. Сѣ-
рое море въ легкой мглѣ.

Позиціи выбрали въ районѣ маяка и кладбища. Осмотрѣлъ ихъ позиціи на набережной, достаточно неостроумно устроенныя; посѣтилъ ихъ «штабъ», въ которомъ царилъ хаосъ, вмѣшательство милліона людей, претендующихъ на право все знать и распоряжаться, не только военныхъ, но и штатскихъ, представителей политическихъ партій (рабочихъ организацій).

Картинный объѣздъ позиціи съ Абальянцемъ!!!

Броневику былъ встрѣченъ оваціями и его появленіе внесло въ населеніе увѣренность и успокоеніе — видимый залогъ пришедшей помощи. Нашъ автомобиль привѣтствовали, но не слишкомъ; мало публики на улицахъ (разбѣжалась по окрестностямъ).

Разрушенія есть значительныя, но рѣдкія; въ общемъ городъ не очень пострадалъ. Матросовъ и слѣдъ простылъ — суда ушли, говорятъ, въ Мариуполь.

Около 6 пригласилъ къ себѣ обѣдать бельгійскій консуль, состоятельный человѣкъ, накормилъ отлично, удивилъ радушіемъ. Засидѣлся поздно и уже часъ въ 9 поѣхали навстрѣчу колонны. Встрѣтилъ ихъ уже по выходѣ съ ночлега, на походѣ. Весь отрядъ приказалъ сосредоточить въ колоніи Иванова (по мѣстному Куцаю), на позицію выставить только взводъ легкой и взводъ мортиръ съ прикрытіемъ ихъ изъ двухъ кольтовъ, что при легкой батарее, а одну роту (3-ю) поставить для порядка въ городѣ, придавъ ей броневику и мотоциклеты, имѣя въ виду роты мѣнять. Назначить комендантомъ

Жебрака, вручивъ ему въ городѣ военную власть, подчинить ему роту и броневикъ, устроить комендатуру и вербовочное бюро. Проѣхавъ впереди колонны въ Ивановку, подождалъ Войналовича, передалъ ему всѣ распоряженія относительно начальника гарнизона, комендатуры, вербовки и прочее, а затѣмъ уѣхалъ опять въ «военный штабъ», въ Бердянскъ, согласовать всѣ распоряженія. Былъ 3-й часъ 11-го...

11 апрѣля. Кол. Ивановка у г. Бердянска.

Почти всенощное бдѣніе: пріѣхавъ изъ Куцой — обратно въ Бердянскъ, въ «штабъ»; сидѣлъ почти до 6 час. — условился объ очищеніи отъ сора мужской гимназіи, гдѣ должна была размѣститься дежурная рота, Жебракъ, комендатура, бюро, комиссія по сбору имущества. Условился о высылкѣ провожатаго ротѣ...

Около 6-ти выѣхалъ на автомобилѣ въ Куцую, гдѣ и легъ наконецъ спать.

Одновременно съ посылкой къ намъ, посылалась депутація къ австрійцамъ, тѣ было обѣщали, но не пришли своевременно; вчера-же къ вечеру узнали, что запрашивается эшелонъ къ приему. Для насъ зарѣзъ... Просилъ Абальянца отвѣтить, что пришелъ нашъ отрядъ и помощи австрійской не нужно. Такъ имъ и телеграфировали. — Проснулся — общаются: уже австрійцы въ городѣ, грустно. Въ 11 съ половиной поѣхалъ выяснять положеніе.

Взаимныя соотношенія: исполнительный комитетъ и видные дѣятели инвалидовъ съ нами въ друж-

бѣ, помогаютъ во всемъ; городъ же ведетъ политику, желая спасти арестованныхъ комиссаровъ, инвалиды настаиваютъ на ихъ казни. Мы чувствуемъ себя не вполне хозяевами; съ приходомъ австрійцевъ комиссаръ опирается на нихъ и въ виду того, что большевиковъ скинули инвалиды сами, заигрываемъ съ ними, говоря любезности, общая поддержку, настраивая противъ австрійцевъ и украинцевъ. Дѣло идетъ успѣшно. Съ полученіемъ снарядовъ, патроновъ, разнаго имущества обстоитъ довольно благополучно, совмѣстно обходимъ украинцевъ, но важно получить толику изъ захваченныхъ 12 или 22 милл. руб. (суммы такъ и не опредѣлили). Все время бѣгалъ и разговаривалъ по этому вопросу и объ организаціи инвалидной самообороны. Съ самообороной обстоитъ такъ: — всѣ руководители инвалидовъ понимали, что въ тревожное время они вооружили безпорядочно разный сбродъ, что надо ихъ разоружить, оставивъ оружіе только въ надежныхъ рукахъ — въ этомъ достигнута у насъ общая гармонія, но прибытіе австрійцевъ мѣняетъ дѣло — могутъ потребовать разоруженія; ищемъ переговоровъ съ австрійскимъ командиромъ и принципиально достигли согласія, требуетъ только опредѣлить списки, дать внѣшніе знаки. Вопросъ о разоруженіи — уже дѣло инвалидовъ.

Съ прибытіемъ австрійцевъ я вообще уклонился отъ какого бы то ни было распорядительства. Артиллерию приказалъ убрать, какъ только поставятъ свою австрійцы, а роту выведу завтра утромъ — сегодня задержалась пріемомъ добровольцевъ. Вообще завтра съ утра ничего боевого въ городъ не оста-

нется — все въ Куцую. А послѣзавтра уйдемъ дальше.

Днемъ, инвалиды, опасаясь освобожденія арестованныхъ подѣ влияніемъ политическихъ партій, или передачи ихъ гражданскому суду, просили передать ихъ намъ. Освободили двухъ, которые, съ рискомъ для себя, воспротивились избіенію офицеровъ, задуманному въ періодъ господства матросовъ.

Въ думѣ было специальное засѣданіе вечеромъ, вопль шелъ, набросились на представителей инвалидовъ, тѣ отгрызлись, ругали управу и думу за ея двусмысленную политику и разошлись недовольные другъ другомъ, признавъ, что укорами и спорами дѣло не поправишь и разрушенныхъ домовъ не возстановишь. Два ока за око . . .

Передъ возвращеніемъ къ себѣ въ Куцую поймалъ меня австрійскій гауптманъ: по распоряженію Рады всѣ дѣятели большевизма должны арестовываться и отправляться на специальный судъ въ Одессу. Мы не можемъ казнить. Какъ офицеръ, онъ вполне понимаетъ, что ихъ нужно убивать, но, какъ исполнитель воли начальства, обязанъ мнѣ заявить настоятельно: комиссаровъ, еще не казненныхъ, передать ему; дружески переговорили и, такъ какъ всѣ, кого нужно было казнить — были уже на томъ свѣтѣ, конечно обязательнѣйше согласился исполнить все . . .

Съ деньгами не важно: въ нѣкоторой небольшой части инвалидовъ, примыкающихъ къ рабочимъ кругамъ, вѣрнѣе примкнувшихъ къ нимъ фронтовиковъ, ведется противъ насъ агитація, стараются натравить на насъ, распуская сплетни. По той-же

причинѣ инвалиды остались безъ предсѣдателя Пана-сюка, ихъ головы и сердца, пользующагося огромнымъ вліяніемъ. Исполнительный комитетъ рѣшилъ на завтра въ 9 собрать общее собраніе (пригласили и меня). Вопросъ о деньгахъ могъ рѣшиться только послѣ засѣданія вновь избраннаго исполнительнаго комитета, какъ и вопросъ о нашихъ снабженіяхъ — кто то работаетъ противъ.

Въ «военномъ штабѣ» кавардакъ, Черковъ на побѣгушкахъ, всѣми хочетъ заправлять Абальянцъ, но это не вполне удастся; кокетничаетъ своими ца-рапинами, перевязанной губой, эту ссадину можно было даже коллодіумомъ не заливать. Черезъ два, три слова упоминаетъ о раненіи. Для насъ забавно...

Собственно организациі никакой, но пишущія машинки есть...

Чудныя лунныя ночи, чудные дни, море, деревья въ цвѣту, такъ хочется отдыха и покоя, солнца и весны; а впереди заботы, бои и кровь, кровь безъ конца.

Приглашенъ на дачу купаться въ грязевомъ лиманѣ... Мечты...

12 апрѣля, Кол. Ивановка.

Съ утра на собраніи инвалидовъ (въ томъ числѣ и всѣ вообще солдаты и офицеры). Театръ набить биткомъ, трудно протолкаться, но меня устроили сидѣть на скамьѣ, выказывая большое вниманіе. Собра-ніе, какъ собраніе, тотъ же крикъ, шумъ, без-порядокъ, та же потеря времени.

Двойченко дѣлалъ сообщеніе о цѣляхъ и зада-чахъ отряда, но слишкомъ много говоритъ о нѣм-

цахъ и австрійцахъ — много звучало враждебности, если передадутъ — нехорошо. Были вопросы изъ публики, стараясь настроить противъ насъ, но пренія были сразу прекращены председателемъ, все успокоилось и ушли подъ аплодисменты. Послѣ выбора новаго исполнительнаго комитета, началось закрытое засѣданіе — я ушелъ.

Совмѣстное засѣданіе — представителей инвалидовъ, моихъ (Жебракъ и я), австрійцевъ и украинцевъ — не состоялось: по уходѣ съ перваго засѣданія узналъ, — пришли нѣмцы, украинець задралъ носъ, въ концѣ концовъ мнѣ все равно — пусть инвалиды сами отстаиваютъ свою самооборону.

Къ вечеру получили все, что хотѣли, только сахару всего 100 пуд., вмѣсто 600. Снаряды (1000 горн.), патроны, шинели, амуниція, сапоги и т. д. Абальянць помогаль. Съ автомобилями не уступаютъ. Съ деньгами плохо, обѣщано выяснить завтра — повидимому исполнительный комитетъ уклоняется. Украинскій комиссаръ протестуетъ противъ взятія лошадей, напустился на Абальянца, чтобы я вернулъ, а если инвалиды не сумѣютъ, то онъ приметъ мѣры, — а комбинацію изъ трехъ пальцевъ хочешь? Абальянць пришелъ ко мнѣ — что дѣлать? — Запросите начальника коннаго запаса письменно, за номеромъ, тотъ отвѣтитъ тоже письменно мнѣ о возвращеніи лошадей, я отвѣчу тоже за номеромъ письменно, а тамъ ищи вѣтра въ полѣ. Рѣшилъ такъ и сдѣлать. Подробность — украинскій комиссаръ сказалъ: «Если Дроздовскій пришелъ по зову, то пусть требуетъ съ города возмѣщеніе расходовъ, а лошадей брать нельзя»!?...

Офицерство записывается позорно вяло. Всего человекъ 70—75 для Бердянска, считая и учащихся и вольныхъ . . .

Звалъ по аппарату днемъ К. — хотѣлъ передать что то важное отъ Атамана Натіева. Не понимаю, но нужно увидѣться, къ тому-же еще одну попытку о деньгахъ . . . завтра колонна выступить въ 11, а я въ Бердянскъ, откуда прямо въ Новоспасское.

13 апрѣля, Новоспасское.

Колонна выступила въ 11. Я же на автомобилъ поѣхалъ въ Бердянскъ для добычи денегъ и для свиданья съ К. Съ деньгами ничего не вышло — Аба-льянецъ все общаетъ какія-то засѣданія, а вѣрнѣе водить за носъ; ясно, что, использовавъ обстоятельства, приходъ австрійцевъ и свою безопасность рѣшили забыть взыванія о помощи . . . Деньги улыбулись.

К. пріѣхалъ только часа въ 3. Съ Натіевымъ ничего интереснаго, простое недоразумѣніе — приняли за другого Дроздовскаго, тоже полковника ген. штаба, и искалъ свиданья, какъ съ другомъ. Привезъ правда интересное — телеграфное донесеніе нѣмцевъ (15-ой ландв. див.) о нашемъ отрядѣ изъ Мелитополя; между прочимъ они оцѣниваютъ наши силы въ 5 т., изъ коихъ 2 т. офицеровъ.

Погода установилась чудная, наконецъ - то нѣтъ сумасшедшаго вѣтра. Пріѣхалъ въ Новоспасское прямо. Какая богатая деревня! Каменные дома, большіе и чистые. Много домиковъ городского ти-

па. Приняли очень любезно. Присоединилось нѣсколько добровольцевъ, изъ нихъ два кадета.

14 апрѣля, Мангушъ.

Донесеніе Семенова, что два офицера 1-ой роты кн. Шаховской и Поповъ отправились изъ Новоспасскаго вчера въ 7 часовъ въ Петровское, кажется, за водкой; подверглись нападенію жителей, вернулся одинъ Поповъ. Что со вторымъ — не знаетъ. По полученіи извѣстія послалъ Семеновъ взводъ 1-й роты съ пулеметами на розыски.

Выступили въ 8. Долго писалъ дневникъ и выѣхалъ съ хвостомъ колонны, обогнавъ ее потомъ — что это за чудовищная колонна.

По дорогѣ дважды жалобы отъ хуторянъ о грабежахъ и насиліяхъ, чинимыхъ большевиками — часть удалось ликвидировать (менѣе виновныхъ выдрать и угнать вонъ).

На походѣ нагналъ Бологовской, прибывшій моремъ въ Бердянскъ; ничего радостнаго, но лучше, чѣмъ предполагалось раньше. Корниловъ почти навѣрное убить, понеся поражение (ни патроновъ, ни снарядовъ), но борьба идетъ, являются новые отряды, оживаютъ старые, гдѣ-то существуютъ Алексѣевъ и Деникинъ, Эрдели, но гдѣ? Вѣсть о сосредоточеніи къ Армавиру крупныхъ казачьихъ надежныхъ силъ князя Баратова (свѣдѣнія со словъ большевистской делегаціи, туда ѣздившей). Въ общемъ неопредѣленность и неясность кругомъ, есть что-то родное, какая-то точка, къ ней надо стремиться, но блуждающая, какая, гдѣ, куда идти? Вообще только слу-

хи, почти ничего реального, отрѣзаны отъ міра, весь въ своихъ рукахъ, на своемъ отвѣтѣ . . . А денегъ мало, они изсякають . . . Грозный знакъ.

Изъ Одессы прибылъ офицеръ Жебрака — большая группа офицеровъ, собиравшаяся къ нему съ пулеметами, осталась, сбита телеграммой «Кіевской Мысли» о гибели отряда въ «двухдневномъ кровавомъ бою» съ крестьянами и красной гвардіей у Возсіятскаго (?!). Они спрятали пулеметы, а сами остались — одинъ лишь этотъ посланный примчался догонять . . .

Ночлеги въ Мангушѣ — греко-татарская деревня. Богатая, большая, благоустроенная, уцѣлѣвшая отъ грабежей и контрибуцій — не шла теченіемъ большевизма. Въ Маріуполѣ уже австрійцы — предупредили. Приѣхалъ штабъ-ротмистръ — говоритъ есть лошади, конскій запасъ, отбитый отъ большевиковъ, обѣщаетъ помочь его взять. Рѣшили произвести это ночью, чтобы сдѣлать скрыто отъ швабовъ. Въ 22 часа выступить 2-ой эскадронъ Двойченко, а впередъ на машинѣ нѣсколько человекъ поѣдутъ на развѣдку. Приказалъ только продѣлать все тихо, безъ столкновеній . . .

*15 апрѣля, Косоротовка — 3 версты восточнѣе
Маріуполя.*

Ночью придрала депутація фронтовиковъ изъ Маріуполя съ бумагами, какъ отъ «военной коллегіи фронтовиковъ», такъ и отъ австрійскаго коменданта, что на территоріи Украины всякимъ отрядамъ воспрещены реквизиціи какого-либо фуража или

продовольствія не за наличный расчетъ или забирать лошадей или подводы. Указаль, что, путешествуя 800 верстъ, первый разъ получаю такую штуку. Чего имъ взбрело на умъ писать, кто имъ сказаль, что я что-либо беру даромъ? Мангушъ оказалась здоровеннымъ кляузникомъ. Получивъ требованіе на фуражъ (зерно и сѣно) и на подводы, она, не разобравъ, какъ и что, сразу по телефону жалобу въ Мариуполь.

Высказаль депутаціи свое недоумѣніе и удивленіе ихъ поступку. Отговорились, что не знали, что за отрядъ — врутъ, правильно адресовали!..

Отрядъ направился, пройдя Мариуполь, черезъ рѣчку и сталь въ деревняхъ Косоротовка и Троицксе, на землѣ Войска Донского. Я въ Мариуполь, въ «Военную Коллегію Фронтовиковъ». Физіономія оказалась поганая, много бывшихъ большевиковъ, все еще близко совѣтская власть. Предъявили миллионъ кляузъ, фактически вздорныхъ и ихъ не касающихся. Настаивали на возвращеніи лошадей особенно — рѣшили разобрать, можетъ и придется часть вернуть. Все это очевидно такая дрянь ихъ коллегія, много евреевъ, что надо прежде ознакомиться — стоитъ ли съ ними считаться. Они уже позабѣжали къ австрійцамъ, пожаловались имъ на насъ, думая, дураки, что австрійцы изъ-за нихъ стануть съ нами ссориться. Разошлись якобы дружно, въ душѣ враждебные вполнѣ.

Австрійцы — враги, но съ ними пріятнѣе имѣть дѣло, нежели съ этими поистинѣ Ламбровзовскими типами.

Результатомъ жалобъ австрійцамъ за лошадей явилась ихъ претензія на этихъ лошадей — перего-ворили, помирились, отдавъ меньшую и, конечно, худшую часть швабамъ, а «фронтовики» остались съ носомъ: я извелся, говори либо со мной, либо жа-луйся, и не только уже не вернулъ изъ взятаго, но даже больше и не разговаривалъ съ ними, какъ обѣ-щаль было.

Сначала по телеграфу, потомъ около 23 часовъ делегатъ отъ казаковъ ст. Новониколаевки—просятъ помощи отъ бандъ на Кривой Косѣ, изъ Антоновки и изъ ст. Вознесенской. Послалъ 80 трехлинеекъ и 30 патроновъ, но выступить рѣшилъ только утромъ 17 — крайней надобности нѣтъ, а намъ изнуреніе и нужно дождаться добровольцевъ. Пока продержатся.

Населеніе Мариуполя и нашихъ деревень больше-вистскаго типа, масса противъ насъ, сказываются фабрики . . . Интеллигенція, конечно, — за, но ея мало.

16 апрѣля, Косоротовка, 3 в. вост. Мариуполя.

Въ 6 у. дуэль между пѣхотнымъ офицеромъ и корнетомъ на револьверахъ по суду чести, дистанція 25 шаговъ, до 3-хъ выстрѣловъ. Пощечина въ пья-номъ видѣ, данная кавалеристомъ. Виновникъ убить 3-имъ выстрѣломъ. Что непонятно, непорядочно, что самъ оскорбитель требовалъ наиболѣе суро-выхъ условій.

Въ 11 похоронили кн. Шаховского—вчера привез-ли тѣло; избить и убить комитетомъ, лицо—сплош-

ная ссадина и кровоподтеки, поднять на штыки; карательный взводъ поступилъ глупо, — виновные бѣжали, кромѣ одного, секретаря, его привели сюда, надо было на мѣстѣ. Похоронили Шаховского здѣсь торжественно. Цинковый гробъ, вѣнки. Все же самъ виноватъ — не будь алкоголикомъ, не ходи одинъ по деревнямъ. Попова сегодня выгнали судомъ чести, не бросай товарища въ бѣдѣ и на зовъ иди на помощь, а не уходи прочь. Могъ спасти его вначалѣ, когда большевиковъ было мало, скрылись бы оба . . .

Въ 13 былъ на засѣданіи Союза Офицеровъ, объяснилъ наши цѣли, задачи, нѣсколько типовъ изъ группы фронтовиковъ пытались наклеветать, говорить о разстрѣлахъ «невинныхъ» и т. п. Отвѣчалъ удачно и рѣзко, они съ трескомъ провалились, не учли аудиторіи. Одинъ съинсинуировалъ насчетъ движенія нашего съ австрійцами, дуракъ, затронулъ для себя самое больное. Я обернулъ противъ нихъ же, буквально подъ громъ апплодисментовъ. Нашелъ укоръ — именно въ томъ, въ чемъ мы кристально чисты!.. Повидимому около 100 добровольцевъ поступятъ.

Развѣдчики наняли одного мерзавца изъ совѣтцевъ, ему большевики не платили денегъ, перешелъ къ намъ, ему обѣщали двойную плату и наградныя, но въ зависимости отъ работы и пулю. Слѣдить будутъ прочно.

Привлекаемъ для развѣдки женщинъ. Одна пошла изъ нашихъ сестеръ, другая, имѣя Георгія 2-ой степени, старшая унтеръ - офицерка. Когда перодѣлась въ женское, такъ мало похожа на женщи-

ну, говорить привыкла басомъ и ругается, какъ ломовикъ.

Утромъ еще прїѣзжалъ казакъ изъ Новониколаевки съ донесеніемъ — у нихъ пока благополучно — уничтожили маленькую группу бандитовъ, взяли винтовки, но безъ патроновъ; полторы сотни легкихъ снарядовъ и еще кое-какую мелочь. Даль имъ еще 50 «Гра» (франц. винтовки, стар. обр.) и много патроновъ къ нимъ. Завтра придемъ къ нимъ . . .

Бензину добыли пудовъ 30.

Что кругомъ дѣлается — одни слухи, ничего достовѣрнаго, полная неизвѣстность.

Погода чудная, слабый вѣтеръ, тепло. Море. Лѣто. Ночи теплыя.

17 апрѣля, ст. Новониколаевская.

Выступили въ 8 часовъ. Дорога надъ моремъ, холмы, хутора съ садами, смѣна пейзажа, исчезла почти совсѣмъ степь; дорога много веселѣй . . .

Встрѣча въ станицѣ, первой станицѣ войска Донского, восторженное отношеніе казаковъ, скрытое недоброжелательство и страхъ пришло, иногородняго. Казаки понадѣвали погоны, лампасы, шпалерами пѣшая и конная сотня, отданіе чести, воинскій видъ; вражда между половинами населенія — пришло больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествамъ, особенно боевымъ. Станица вообще одна изъ лучшихъ, не было ограбленій, мѣшали другимъ. Долгая политика съ нашимъ приходомъ вылилась наружу. Энергично стали аресто-

вывать виновныхъ въ большевизмѣ, комитетчиковъ. Колонна отдаетъ честь, ура, рапортъ офицера.

Сильный запахъ цвѣтовъ, жжетъ солнце...

Возстановлено казачье самоуправленіе, атаманъ, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжаютъ организовываться.

Вѣсти о положеніи и хорошія и дурныя — почти вѣрно, что Фетисовъ у Новочеркаска ведетъ бой, но, кажется, безъ артиллеріи, что отрядъ корниловцевъ въ бою у Тихорѣцкой сбили, идутъ дальше, теперь свѣдѣнія, что бой у Батайска. Въ Великокняжеской — походный атаманъ Поповъ. Плохія свѣдѣнія — нѣмцы идутъ на Таганрогъ. Телеграмма къ вечеру большевиковъ отчаянная, что уходятъ въ Азовское море, оставляя городъ, такъ какъ отъ Ростова отрѣзаны, нѣмцы въ 3-хъ верстахъ сѣвернѣе Таганрога, они въ ловушкѣ... Для меня важный вопросъ, кѣмъ отрѣзаны отъ Ростова — нѣмцами или корниловцами?!

Рѣшили спѣшно идти на Федоровку. Скорѣе впередъ, не дать большевикамъ опомниться. Скорѣе на соединеніе. Хотя сильно хотѣлось постоять — казаки исключительно радушны. Только что сообщили: въ добровольцы записалось 44 женщины!!! Я побѣжденъ...

Много добровольцевъ изъ простыхъ казаковъ — сразу видно воины.

А вѣдь по роду занятія — тѣ же крестьяне, какъ и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка съ запросами культуры... Сады, все цвѣтеть.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цѣли. Иные люди, иная жизнь... Много переживаній — что-то ждетъ впереди. Большевики, повидимому, всюду бѣгутъ, всюду у нихъ паника...

Въ станицѣ и сосѣднихъ поселкахъ идетъ обезоруженіе казацкаго населенія.

Тюрьма пополняется изъ всѣхъ закоулковъ. Казаки волокутъ за жабы вчерашнихъ властелиновъ — колесо исторіи вертится.

Много главарей разстрѣляно...

18 апрѣля.

Ночью и утромъ донесенія изъ слободы Платовой, что большевики идутъ колонной въ 600 человекъ отъ Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной въ 400 (приблизительно вдоль моря, якобы есть артиллерія и броневики). Очевидно отрѣзанныя банды... Платовцы беспокоятся. Хотя паромъ черезъ Миусъ испорченъ, но Платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Рѣшили, чтобы не пропустить, изловить, послать двѣ колонны: правую вдоль праваго берега Миуса — рота со своими пулеметами, взводъ легкой артиллеріи, взводъ конницы и вспомогательная сотня казаковъ, которымъ въ Платовой взять еще одну-двѣ сотни вспомогательныхъ. Всѣ прочія силы — на Федоровку — такъ едва ли проскочатъ отрядомъ, ну а разсѣются — все равно всѣхъ не выловимъ.

Выступили въ 8 часовъ. Солнце жжетъ. Вѣтра почти нѣтъ... Иду съ конницей.

По дорогѣ на мостикѣ черезъ протокѣ провалился задомъ броневикѣ. Этой поломкой моста держалъ всю колонну, обязанную переходить болотину въ бродѣ, а самъ просидѣлъ часа три — пока наконецъ постепеннымъ созданиемъ фундамента изъ бревенъ и съ помощью домкрата не подняли.

Стали на ночлегъ въ Федоровкѣ — одна изъ паскуднѣйшихъ деревень Таганрогскаго округа, гнѣздо красной гвардіи и ея штаба. Отобрали всѣхъ лучшихъ лошадей изъ награбленныхъ, не имѣющихъ хозяевъ. Отобрали оружіе. Много перехватили разбѣгавшихся красногвардейцевъ, захватили часть важныхъ, прапорщика, начальника контръ-развѣдки, предателя, выдаваго на разстрѣль полковника и часть казаковъ изъ станицы Новониколаевской и т. п. Трехъ повѣсили, оставили висѣть до отхода, указали, что есть и будетъ возмездіе, попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не разстрѣляли, ходилъ съ ружьемъ съ красной гвардіей, бралъ награбленное, закрылъ церковь и ограбилъ ее. Страхъ нагнали. Лѣвѣе оказывается шла еще казачья колонна, по Ягорлыку вверхъ, обезоруживая населеніе, казня виновныхъ.

Идетъ очищеніе, идетъ возмездіе.

Связь съ правой колонной установили автомобилемъ — тамъ все благополучно.

Федоровка тоже деревня довольно благоустроенная, много хорошихъ домовъ . . .

19 апрѣля, Николаевка.

Около 10 посланецъ Натіева съ письмомъ. Положеніе на Украинѣ: делегація хлѣборобовъ (300—400),

противъ соціалізації, арестъ нѣмцами министровъ, разгонъ Рады, предложеніе править хлѣборобамъ, самостійникамъ-федералистамъ и правымъ с. р. Отношеніе къ Радѣ войскъ и народа, отношенія между войсками Натіева и нѣмцами, инцидентъ съ обезоруживаніемъ эшелона, захватъ телеграфныхъ линій, контроль даже надъ Натіевымъ. Настроеніе противъ самостійности. Желаніе присоединиться къ намъ. Просьба обождать. Отвѣтилъ о желательности присоединенія, но ждать не можемъ, ищемъ соединенія въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, гдѣ подождемъ. Составъ дивизіи — около 800 офицеровъ и 2000 солдатъ, броневики, артиллерія легкая и тяжелая, очень много снарядовъ. Предложилъ ему планъ — идти подъ украинскимъ флагомъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Таганрогъ-Ростовъ, гдѣ открыть карты... Условился послать связь, когда достигну своего соединенія.

Выступили въ 8 часовъ. По дорогѣ захватили нѣсколько гусей — одинъ комиссаръ, одинъ большевистскій интендантъ и т. д.

Въ общемъ сегодня не жарко. Ночлегъ въ Николаевкѣ. Деревня большая съ хорошими домами, но нѣтъ ни фуража, ни хлѣба, ни яицъ. Вообще полный недостатокъ продуктовъ. Спекулируютъ не только своимъ, но скупаютъ и изъ окрестныхъ деревень — продаютъ и перепродаютъ ихъ втридорога въ городъ. Населеніе сильно смахиваетъ на большевиковъ. Питаются за счетъ города.

Случай въ броневикѣ — взрывъ ручной гранаты, шофферъ, тамъ находившійся, не пострадалъ — чудо! Вырвало нижнюю заднюю дверцу, закинуло не-

извѣстно куда, сорвало и выкинуло пулеметъ, расщепило полъ. Работоспособность не пострадала. Погорѣли и полопались патроны на двухъ лентахъ.

Нѣмцы сидятъ въ Таганрогѣ, кажется идутъ на Ростовъ. Приходится спѣшить, авось обгонимъ, завтра въ станицу Синявскую. Въ Ростовѣ, кажется, большевиковъ уже нѣтъ . . .

Желательно бы остановиться, лошади подбиваются — долго и много идемъ, да и Пасху хорошо бы встрѣтить, не говѣли еще. Но пожалуй придется еще идти, какъ вѣчному жиду.

Вечеромъ послалъ въ Таганрогъ развѣдчиковъ, арестовать кое-кого безъ шума, есть указанія между прочимъ о предательствѣ вдовы одного разстрѣлянаго казачьяго офицера. Поѣхалъ туда и Лесли, разговаривать съ нѣмцами, да интендантъ узнавать о сѣдлахъ и т. п.

20 апрѣля, Таганрогъ.

Колонна выступила въ станицу Синявскую въ 8 часовъ, а я съ Лесли — въ Таганрогъ для вывоза имущества и разговоровъ съ офицерами. Лесли долго вель переговоры и добился многого: получили 150 сѣдель, 2 аэроплана, автомобиль, бензинъ — и все изъ подъ нѣмецкихъ часовыхъ. Броневика же и снарядовъ не дали — боевого, подлещи, не дають подъ разными предлогами, чуютъ. Незамѣтно отъ нѣмцевъ, изъ Союза фронтовиковъ, все же получили часть винтовокъ и пулеметовъ. Говорилъ съ офицерами въ частномъ собраніи — тѣ же мотивы. Неясна задача, да и не такъ дѣлается, какъ хотѣлось бы тому или иному, да мало силъ, да лучше и без-

опаснѣ на мѣстахъ... Дирижеры — кадровые, никто, какъ свой. Инертность поразительная. Всего поступило человекъ 50. Хотѣлось выѣхать засвѣтло, но задержался. Ночью дорога плоха, безъ фонарей, пришлось ночевать въ гостиницѣ. Распоряженій не отдалъ — одно утѣшеніе, что Войналовичъ самъ разберется въ обстановкѣ и рѣшить стоять или двигаться.

21 апрѣля, ст. Недвиговская.

На этомъ обрывается незаконченный дневникъ М. Г. Дроздовскаго, оставшійся въ необработанномъ видѣ. Повидимому тяжелые бои помѣшали его продолжить, также можно предположить потерю приведенныхъ въ порядокъ законченнхъ его записокъ.

Дальнѣйшее изложеніе составлено по рассказамъ участниковъ похода.

21-го апрѣля, въ Страстную Субботу отрядъ Дроздовскаго подошелъ къ Ростову и 2-мя колоннами началъ атаку съ вокзала. Весь день шелъ упорный бой съ превосходящими силами противника. Количество оборонявшихъ Ростовъ большевиковъ достигло 12-ти тысячъ при 6-ти батареяхъ; помимо организованныхъ частей красной гвардіи, латышскихъ стрѣлковъ и матросовъ Гвардейскаго экипажа, большевикамъ много помогли рабочіе изъ предмѣстья Ростова — Темерника, стрѣлявшіе на улицахъ изъ оконъ домовъ, также «Колхида» обстрѣливала наступавшихъ съ рѣки. Приходилось брать улицу за улицей и нести большія потери.

Подошедшіе со стороны Таганрога нѣмцы, видя тяжелое положеніе отряда, прислали своего ротмистра съ предложеніемъ помощи Дроздовскому, который коротко отвѣтилъ: «Не надо, справимся сами».

Къ вечеру того-же дня Ростовъ и часть Нахичевани были заняты отрядомъ, но 22-го утромъ съ сѣвера подошли новыя подкрѣпленія большевиковъ, и Дроздовскій, видя полную невозможность вести дальнѣйшій бой, не желая принципиально обращаться за помощью къ нѣмцамъ, приказалъ отступать. Но выводъ изъ города увлекшейся борьбой пѣхоты, на которой былъ сосредоточенъ весь огонь большевистской артиллеріи, оказался дѣломъ не легкимъ, а гибель ея означала бы и гибель всего отряда и той идеи помощи Добровольческой Арміи, съ которой шли они изъ Румыніи. Тогда Дроздовскій даетъ слѣдующее распоряженіе: указавъ открытый холмъ, онъ приказалъ, чтобы кавалерія медленно передвигалась по холму рѣдкой цѣпью (черезъ 30-ть шаговъ всадникъ). Такой приказъ показался окружавшимъ Дроздовскаго безуміемъ, слышались возраженія, нѣкоторые предположили, что отъ потрясеній онъ сошелъ съ ума, но властный голосъ его потребовалъ: «Исполнить немедленно мое приказаніе безъ разсужденій». Какъ и рассчиталъ Дроздовскій, большевики перевели весь артиллерійскій огонь на смѣло и открыто передвигавшуюся конницу, чѣмъ дали возможность отойти пѣхотѣ, цѣной незначительныхъ жертвъ въ кавалеріи. Пѣхота, а слѣдовательно и отрядъ были спасены.

Дроздовцы отступили въ районъ станціи Чалтырь и короткими ударами безпокоили большеви-

ковъ. Въ бояхъ подъ Ростовомъ они понесли тяжелья потери: 82 бойца вышло изъ строя, среди павшихъ смертью храбрыхъ первой жертвой былъ начальникъ штаба отряда, полковникъ Войналовичъ, убитый на вокзалѣ Ростова. Его беззавѣтная отвага служила примѣромъ для всѣхъ, она влекла его въ самыя опасныя мѣста, нерѣдко его храбростью спасалось положеніе. Для Дроздовскаго эта потеря была крайне тяжела, онъ писалъ тогда: «Я понесъ великую утрату — убить мой ближайшій помощникъ, Начальникъ Штаба, можетъ быть единственный человѣкъ, который могъ меня замѣнить».

На постъ Начальника Штаба былъ назначенъ полковникъ Генеральнаго Штаба Лесли.

Въ Чалтырѣ, Дроздовскому казалось положеніе безвыходнымъ, полное отсутствіе свѣдѣній, невозможность боя съ большевиками, но также и дальнѣйшее пребываніе въ Чалтырѣ не входило въ его планы. Неожиданно въ ночь съ 23-го на 24-ое апрѣля прибылъ въ Штабъ къ Дроздовскому казакъ — эсауль. По одной версіи онъ былъ посланъ атаманомъ Поповымъ, до котораго дошли глухіе слухи о прибытіи какого-то отряда, по другой же версіи этотъ эсауль никѣмъ не былъ посланъ, а будучи на развѣдкѣ случайно натолкнулся на отрядъ Дроздовскаго. Эсауль далъ подробное описаніе положенія дѣлъ: Корниловъ убитъ, добровольческая армія, истощенная Ледянымъ походомъ, не будучи въ состояніи вести активную борьбу съ большевиками, — слабо обороняясь, подходила къ границамъ Донской области. Донскія же казачьи силы сконцентрировались въ восточныхъ степяхъ и производили

нападенія на большевиковъ въ направленіи Новочеркаска и Александровска-Грушевска. 23-го апрѣля Новочеркасскъ былъ взятъ, но на сѣверѣ отъ него, а также въ Ростовѣ находились большія силы большевиковъ, которыя стремились соединиться, намѣтивъ базой Ростовъ; лежащему на пути Новочеркаску угрожала главнымъ образомъ сѣверная группа большевиковъ, слабыя казачьи силы должны будутъ отступать отъ города.

Въ Новочеркасскѣ царило угнетенное настроеніе, къ слухамъ о прибывшей помощи относились скептически и съ ужасомъ ждали съ часу на часъ новаго захвата большевиками Новочеркаска. Дроздовскій черезъ есаула передалъ письмо къ атаману Попову о немедленномъ выступленіи ему на помощь и 25-го утромъ со своимъ отрядомъ былъ уже подъ Новочеркасскомъ. Впереди наступавшихъ шель броневикъ «Вѣрный» и артиллерія, а въ это время насѣдавшія съ сѣвера большевистскія силы ворвались уже въ предмѣстье города — Хотунокъ, въ которомъ вспыхнули сейчасъ же въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожары. Броневикъ и тяжелая артиллерія немедленно обратили въ паническое бѣгство красныя войска и разгромъ ихъ былъ довершенъ казачьей конницей, бросившейся немедленно съ фланговъ и въ тылъ отступающимъ.

Вступленіе отряда Дроздовскаго въ Новочеркасскъ было триумфальнымъ шествіемъ. Населеніе восторженно встрѣтило своихъ спасителей, привѣтствуя ихъ радостнымъ: «Христось Воскресе», и засыпая цвѣтами.

26-го апрѣля состоялся пышный парадъ отряду на площади Войскового Собора, во главѣ принимавшихъ парадъ стоялъ ген. Красновъ.

Достигнувъ завѣтной цѣли, вступивъ въ Новочеркасскъ, Дроздовскій издалъ слѣдующій приказъ по отряду:

П Р И К А З Ъ

1-ой Отдѣльной Русской Бригады Добровольцевъ.

26 апрѣля 1918 года. — г. Новочеркасскъ.

25-го апрѣля части вѣреннаго мнѣ отряда вступили въ г. Новочеркасскъ, вступили въ городъ, который съ первыхъ дней возникновенія отряда былъ нашей завѣтной цѣлью, цѣлью всѣхъ нашихъ надеждъ и стремленій, — обѣтованной землей.

Больше тысячи верстъ пройдено вами походомъ, доблестные добровольцы; не мало лишеній и невзгод перенесено, не мало опасностей встрѣтили вы лицомъ къ лицу, но вѣрные своему слову и долгу, вѣрные дисциплинѣ безропотно, безъ празднословія, шли вы упорно впередъ по намѣченному пути, и полный успѣхъ увѣнчалъ ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю васъ всѣхъ обернуться назадъ, вспомнить все, что творилось въ Яссахъ и въ Кишиневѣ, вспомнить всѣ колебанія и сомнѣнія первыхъ дней пути, предсказанія различныхъ несчастій, всѣ нашептыванія и запугиванія окружавшихъ насъ малодушныхъ.

Пусть же послужить это намъ примѣромъ, что только смѣлость и твердая воля творятъ большія дѣла, и что только непреклонное рѣшеніе даетъ

успѣхъ и побѣду. Будемъ же и впредь въ грядущей борьбѣ ставить себѣ смѣло высокія цѣли, стремиться къ достиженію ихъ съ желѣзнымъ упорствомъ, предпочитая славную гибель позорному отказу отъ борьбы. Другую же дорогу предоставимъ всѣмъ малодушнымъ и берегущимъ свою шкуру.

Еще много и много испытаній, лишений и борьбы предстоитъ намъ впереди, но въ сознаніи уже исполненнаго большого дѣла съ великой радостью въ сердцѣ, привѣтствую я васъ, доблестные добровольцы, съ окончаніемъ вашего историческаго похода.

Полковникъ Дроздовскій.

Получивъ подтвержденіе о смерти ген. Корнилова и о передачѣ командованія Добровольческой Арміей генералу Деникину, Дроздовскій послалъ послѣднему телеграмму о своемъ прибытіи, перечисляя подробно составъ и имущество отряда, кончая словами: «въ Ваше полное подчиненіе».

Дроздовскій поѣхалъ въ Мечетинскую, гдѣ находился тогда ген. Деникинъ со своимъ Штабомъ; на совѣщаніи было рѣшено дать необходимый отдыхъ войскамъ, отряду Дроздовскаго оставаться въ Новочеркасскѣ, а Добровольческой арміи въ районѣ Мечетинской, это время употребить на пополненіе и обученіе войскъ. О времени соединенія и началѣ совмѣстнаго наступленія долженъ былъ рѣшить ген. Деникинъ.

Радостный и бодрый ѣхалъ въ Мечетинскую Михаилъ Гордѣевичъ, а вернулся оттуда въ подавленномъ настроеніи, узнавъ, что Начальникомъ Шта-

ба Деникина состоитъ ген. Романовскій. На вопросы окружающихъ, Дроздовскій отвѣчалъ: «Тамъ Романовскій, — не будетъ счастья».

Пребываніе Дроздовскаго въ Новочеркасскѣ мнѣ всего походило на отдыхъ. Безконечные переговоры о достачѣ денегъ, заботы о привлеченіи наибольшаго количества добровольцевъ, ихъ обмундированіе, обученіе, посылка надежныхъ людей въ разные города Юга Россіи для организаціи записи добровольцевъ, все это не давало ни минуты покоя и отдыха. Онъ основалъ первые склады добровольческой арміи, въ Ростовѣ вмѣстѣ съ А... основалъ первую газету: «Вѣстникъ Добровольческой арміи», читалъ лекціи о цѣляхъ Добровольческой Арміи, о ея національныхъ идеяхъ, писалъ многочисленныя воззванія. Въ Новочеркасскѣ отрядъ сталъ быстро пополняться и уже насчитывалъ въ своихъ рядахъ болѣе 2500 человекъ. Благодаря прекрасному отношенію казачества, отрядъ получалъ ширской рукой обмундированіе.

Донской атаманъ ген. Красновъ и близкіе къ нему тщетно уговаривали Дроздовскаго не входить въ составъ Добр. Арміи, обособиться отъ ген. Деникина и, соединясь съ казаками, составить самостоятельную армію, такъ какъ считали дѣло Добровольческой Арміи проиграннымъ.

Но, получивъ телеграмму Деникина съ приказаніемъ присоединиться къ Добровольческой Арміи, 26-го мая отрядъ Дроздовскаго двинулся въ Мечетинскую. Не доходя версты до станицы, отрядъ спѣшился и подъ командой полк. Жебрака съ музыкой вступилъ въ Мечетинскую. Встрѣчали три

генерала: Алексѣевъ, Деникинъ и Романовскій. 1200 верстный походъ былъ совершенъ отрядомъ для соединенія съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ. Корниловъ былъ убитъ, а Алексѣевъ былъ тутъ, но онъ стоялъ, отступя впереди его стоящихъ Деникина и Романовскаго, показывая этимъ, что вся полнота власти въ Добровольческой Арміи перешла въ ихъ руки. На прибывшій отрядъ это произвело тягостное впечатлѣніе, точно пустота образовалась въ сердцахъ, точно кто-то любимый и родной покидалъ ихъ.

Въ Мечетинской, въ собраніи, въ честь пришедшаго Дроздовскаго былъ устроенъ обѣдъ, много говорилось рѣчей, иногда слышалась въ нихъ искренняя радость, но лучшее слово принадлежало генералу Алексѣеву; его рѣчь заканчивалась словами: «Мы были одни, но далеко въ Румыніи, въ Яссахъ, билось русское сердце полковника Дроздовскаго, бились сердца пришедшихъ съ нимъ къ намъ на помощь. Вы влили въ насъ новыя силы».

Соединившись съ Добровольческой Арміей, отрядъ сталъ въ станицѣ Егорлыцкой и получилъ названіе 3-ей дивизіи, подъ командованіемъ полковника Дроздовскаго.

Тутъ необходимо замѣтить, что нездоровая атмосфера интригъ и сплетенъ возглавляемаго ген. Романовскимъ Штаба Добровольческой Арміи, не могла равнодушно отнестись къ появленію полк. Дроздовскаго, молодого, энергичнаго, умнаго, окруженнаго его отрядомъ, людьми, совершившими съ нимъ походъ, обожавшими своего командира. За-

вистливое недоброжелательство, страхъ конкуренціи, а помимо того и личная антипатія ген. Романовскаго дали себя вскорѣ знать чуждому интригъ, честному и прямому Дроздовскому. Каждый шагъ, каждая даже маленькая ошибка критиковались, ставились въ вину, и вскорѣ вооружили противъ него ген. Деникина.

Новая эра боевыхъ дѣйствій Добр. Арміи; — 2-ой кубанскій походъ начался 10-го іюня 1918 года. Въ центрѣ наступающихъ войскъ находилась 3-ая дивизія, съ лѣваго фланга шла конница Эрдели, съ праваго — ген. Боровскаго.

Послѣ непродолжительнаго боя подъ Лежанкой Добр. Армія двинулась на Бѣлую Глину. Здѣсь, въ бою былъ убитъ полк. Жебракъ, смерть котораго была большимъ лишеніемъ для Дроздовскаго. Лучшие бойцы уходили, рѣдѣли ряды. Далѣе была взята Тихорѣцкая и, наконецъ, Екатеринодаръ.

Послѣ отдыха въ Екатеринодарѣ Добровольческая Армія была раздѣлена на группы. 3-ей дивизіи было дано задание взять Армавиръ: но, ведя бои съ 16-го августа, дивизія была крайне утомлена, отсутствіе своевременнаго подкрѣпленія принудили Дроздовскаго оставить уже занятый имъ Армавиръ. Эта неудачная операція вызвала крайнее недовольство ген. Деникина, выразившееся публичнымъ выговоромъ за медлительность дѣйствій и отмѣну его приказаній.

На этотъ выговоръ Дроздовскій отвѣтилъ слѣдующимъ пространнымъ рапортомъ:

Н а ч а л ь н и к а
3-й Дивизіи
Добровольческой Арміи
27 Сентября 1918 г.
№ 027
С-ція Кубанская.

КОМАНДУЮЩЕМУ
АРМІЕЙ

Р а п о р т ь.

Съ самага начала Армавирской операціи, съ того дня, когда началось продвиженіе южнѣе Отрада-Кубанская, я высказывалъ Вамъ опасенія за свой правый флангъ, являющійся все время больнымъ мѣстомъ, такъ какъ 1-ая конная дивизія не въ силахъ была продвигаться наравнѣ со мною, я же самъ не имѣлъ силъ и возможности одновременно вести операцію по овладѣнію Армавиромъ и обезпечивать дивизію отъ глубокаго обхода со стороны группы Матвѣева. До тѣхъ поръ при веденіи боевыхъ дѣйствій я не считалъ нужнымъ ссылаться ни разу на многочисленность врага и эта сдержанность донесеній объ успѣхахъ, быть можетъ, и создала невѣрное представленіе объ ихъ легкости.

Но уже съ 1-го сентября я счелъ необходимымъ доносить, что противъ меня очень большія силы, дерущіяся очень упорно; доносить также, что большія потери и сильная усталость, тогда еще нѣкоторыхъ только частей, вызываютъ необходимость подкрѣпленій, въ чемъ однако мнѣ было отказано, несмотря на наличіе резервовъ.

Угрожаемый съ обоихъ фланговъ охватами многочисленнаго противника, я боями 2-го и 3-го сентября эту непосредственную угрозу ликвидировалъ и,

пользуясь результатами Невинномысской операции ген. Боровского, продолжалъ наступленіе къ Армавиру. По занятіи Отрада-Кубанская я получилъ телеграмму начальника штаба отъ Вашего имени о медлительности дѣйствій (Телеграмма № 01270), являвшейся первымъ совершенно незаслуженнымъ упрекомъ — за эти дни было сдѣлано все, что было въ силахъ дивизіи, но работу ея можно было вѣрно оцѣнить только на мѣстѣ.

Именно, не желая отдавать врагу разъ уже захваченное, да еще важный пунктъ, я считалъ овладѣніе Армавиромъ дѣломъ преждевременнымъ и рискованнымъ до тѣхъ поръ, пока продвиженіе 1-ой конной дивизіи не распутало бы Михайловскій узелъ. Событія показали, что послѣдняя задача была непосильна для конной дивизіи; въ то же время, при активности врага (а съ ней армія уже знакомилась) обезвреженіе Михайловской группы было условіемъ обязательнымъ для прочнаго удержанія Армавира, или же необходимо было увеличить мои силы.

Свои соображенія я дважды Вамъ доносилъ 5-го сентября (телеграммы № № 69/Б и Д/322). Не получая отвѣта, видя, что моимъ донесеніямъ не придается никакого значенія, я былъ поставленъ передъ Армавиромъ въ тяжелое положеніе: сознавая ясно рискованность операціи по овладѣнію этимъ городомъ, трудность его потомъ удержать, я вынужденъ былъ атаковать, такъ какъ противникъ, послѣ неудачнаго для него ночного дѣла 5/6 началъ вновь подготавливаться къ переходу въ наступленіе. Армавиръ былъ взятъ штурмомъ, опять съ довольно значительными потерями, а по взятіи его я вновь до-

несъ свои опасенія за тыль — эти донесенія также были оставлены безъ вниманія (телегр. № № 329, 74/Б и 78/Б).

Сильно выдвинутая клиномъ дивизія, занимавшая Армавиръ, была подвержена ударамъ глубоко въ тыль, но съ 6-го по 11-е сентября я не получилъ ни помощи, ни обезпеченія съ этой стороны. Еслибы отрядъ полк. Тимановскаго данъ былъ мнѣ 6-го или 7-го и тогда-же даны были тѣ пополненія, которыя я получилъ лишь 12 и 14-го — судьба Армавира несомнѣнно была-бы иная: подкрѣпленіе въ моментъ успѣха — громадная сила!

Уже 10-го и 11-го опредѣлилось намѣреніе противника совершить глубокой обходъ совмѣстно съ ударомъ вдоль жел.-дор. линіи Курганная-Армавиръ, а въ это время я получилъ директиву продолжать наступленіе между Урупомъ и Кубанью...

11-го сентября я получилъ телеграмму, что въ Кубанскую высылается батальонъ (?) 1-го офиц. полка; но въ какомъ составѣ и къ какому времени сосредоточится на ст. Кубанская, что прежде всего обязанъ былъ сообщить мнѣ штабъ — не было сказано ни слова.

Еще утромъ рано я послалъ телеграмму Командиру батальона по прибытіи въ Кубанскую вести наступленіе вдоль Владикавказской жел. дор., чтобы совмѣстно съ коннымъ полкомъ и моимъ правымъ флангомъ разбить обходящую съ сѣвера колонну противника; получилъ отъ него въ 12 ч. 30 м. донесеніе, что онъ прошелъ черезъ Гулькевичи и что у него 2^{1/2} роты — 370 штыковъ!

12 сентября, весь день противникъ ведетъ упорныя атаки съ юго-запада, запада и сѣвера, и очень скоро перерѣзаетъ жел. дорогу; контръ-атаками резервовъ на правомъ флангѣ намъ удалось было отбросить противника и очистить полотно ж. д. сѣвернѣе Армавира, но подъ давленіемъ новыхъ значительныхъ силъ пришлось отойти. Къ темотѣ новая большая колонна непріятеля обложила городъ уже и съ юга, отъ берега Урупа, построивъ такимъ образомъ сплошной фронтъ до Кубани, и начала сближеніе для атаки на слѣдующій день. Учитывая настроеніе войскъ, наличие всего трехъ ротъ резерва, не видя весь день и не считая уже возможнымъ помощь съ сѣвера отъ упомянутыхъ выше слабыхъ силъ 1-го полка, я не счелъ возможнымъ продолжать 13-го оборонительный бой на столь растянутомъ фронтѣ (болѣе 12 верстъ), такъ какъ прорывъ противника въ городъ или къ мосту повлекъ бы гибельныя послѣдствія и паническій отходъ; рѣшивъ удержать въ своихъ рукахъ часть города, я остальные силы увелъ въ Прочноокопскую. Ваше Превосходительство, не имѣя возможности оцѣнить обстановку на мѣстѣ, признали отводъ части силъ преждевременнымъ, я же, наблюдая вплотную всѣ элементы, предпочелъ сдѣлать это вынужденное сокращеніе фронта спокойно и въ полномъ порядкѣ безъ потерь, нежели ждать слѣдующаго утра, чтобы очистить Армавиръ при такихъ же обстоятельствахъ, при какихъ онъ былъ очищенъ въ первый разъ.

Только 14-го около 11 часовъ я получилъ въ Прочноокопской донесеніе полк. Тимановскаго,

персланное съ офицеромъ для связи, что онъ началъ подходить къ станціи Кубанской, имѣя два батальона, два орудія и три сотни (всего до 1400 бойцовъ), поступаетъ въ мое распоряженіе и по окончаніи сосредоточенія предполагаетъ атаку. До полученія Вашихъ приказаній я рассчитывалъ 13-го и 14-го дать частямъ совершенно необходимый имъ отдыхъ, влить пополненія, замѣнить убывшій командный составъ, то есть выполнить тѣ мѣропріятія, что необходимы для подъема моральныхъ и матеріальныхъ силъ части. Не эти, однако, соображенія, какъ бы они важны ни были, но полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточеніе для совмѣстной атаки противника съ батальонами полк. Тимановскаго, вынудили меня немедленно отвѣтить ему, чтобы онъ 13-го въ бой не ввязывался, дабы атаковать не раздѣльно, а совмѣстно. Вы прислали мнѣ рѣзкую телеграмму, обвиняя меня въ отмѣнѣ Вашего приказанія, но это не вѣрно, ибо приказанія Вашего я не могъ отмѣнить, *такъ какъ о немъ мнѣ ровно ничего не было извѣстно*. Полк. Тимановскій донесъ мнѣ только, что онъ поступаетъ въ мое распоряженіе, Ваша телеграмма 14-го была показана полк. Тимановскому, который отвѣтилъ, что такого приказанія атаковать *во что бы то ни стало 13-го онъ не получалъ*.

Послѣдствія этой атаки доказали, что моя оцѣнка обстановки была вѣрной, такъ какъ по причинѣ трудности связи мое приказаніе не ввязываться самостоятельно въ бой запоздало и части полк. Тимановскаго, имѣвъ первоначально успѣхъ, были вскорѣ вынуждены къ отходу, понеся чувствительныя по-

тери. И такъ, приказанія Вашего я не отмѣнялъ, но отдалъ то распоряженіе, не прошедшее случайно въ жизнь, которое вызывалось обстановкой и необходимостью котораго теперь для всѣхъ стала очевидной.

Я считалъ необходимымъ дать частямъ хотя бы сутки полнаго отдыха, который имѣлъ въ виду использовать на влитіе до 700 человекъ пополненій. Однако, Вы приказали атаковать непременно 14-го. Я атаковалъ. Велъ упорный бой, понесъ тяжелыя потери и потерпѣлъ неудачу. . . .

Не буду останавливаться на Михайловской операциі, такъ какъ отвѣтилъ достаточно подробно телеграммой, повторю только, что выговоръ былъ сдѣланъ безо всякой вины, ибо директивы (т. е. распоряженія, указывающія основную идею, но не способъ выполнения) я не *измѣнялъ*, но, вынужденный обстоятельствами измѣнить путь слѣдованія и пунктъ сосредоточенія, изъ этого послѣдняго предпринялъ операцию, завершившуюся согласно Вашего желанія глубокимъ обходомъ противника и атакою его со стороны Курганной.

Съ 16 августа дивизія вела цѣлый мѣсяць почти непрерывные бои, понесла около 1800 человекъ потерь (безъ 1-го офиц. полка), т. е. больше 75% своего первоначальнаго состава, одержала цѣлый рядъ успѣховъ, но въ послѣднихъ неудачныхъ кровопролитныхъ бояхъ при выполнении непосильныхъ задачъ свела на нѣтъ всѣ предыдущіе успѣхи и достигла въ конечномъ результатѣ только одного — подняла моральное состояніе врага, увидѣвшаго, что онъ можетъ успѣшно сопротивляться, и понизила свой собственный духъ, потерявъ вѣру въ несокрушимость

своихъ атакъ. Въ Самурскомъ полку на почвѣ неудачъ и утомленія появилось много перебѣжчиковъ, чего раньше совершенно не было, и сейчасъ этотъ полкъ уже не внушаетъ мнѣ довѣрія — надъ нимъ необходима большая работа.

Я не «жаловался», какъ въ Вашей телеграммѣ были названы мои доклады о положеніи дѣлъ. Выражаясь словами Суворова «ближнему по его близости лучше видно», я оцѣнивалъ правильно свои силы, переоцѣниваемые штабомъ арміи, и силы противника, недооцѣниваемые имъ. Въ результатѣ этихъ условій я ясно видѣлъ слишкомъ большую вѣроятность неудачи и если сама по себѣ неудача, какъ таковая, вездѣ тяжела, то для нашей арміи послѣдствія ея много тяжелѣе: большевикамъ гораздо легче потерять тысячу человѣкъ, чѣмъ намъ сто. Укомплектованія поступаютъ крайне туго, кромѣ того неудачный бой — это потеря оружія, пулеметовъ, пополненія которыхъ изъ арміи мы почти не видимъ (за два мѣсяца дивизія получила 300 винтовокъ). Строевые начальники обязаны дрожать надъ каждымъ человѣкомъ, надъ каждой винтовкой, иначе они останутся безъ войскъ и если опасны слишкомъ дорого стоящія побѣды, то неудачи могутъ стоять арміи. Впереди же, кромѣ освобожденія Кубани, арміи предстоитъ много болѣе широкая задача — съ чѣмъ пойдетъ она ее рѣшать?

И тѣмъ не менѣе, какъ тяжело ни складывалась обстановка въ дивизіи, я похоронилъ бы въ себѣ всю тяжесть опасеній за исходъ операціи и ея послѣдствія, если бы не видѣлъ иного, находившагося всецѣло въ *Вашихъ* рукахъ выхода изъ положенія. На-

примѣръ, въ бою подь Бѣлой Глиной я скрыль оть Вась то крайне тяжелое положеніе, въ которомъ оказалась дивизія, такъ какъ зналь, что Вы уже ничѣмъ помочь мнѣ не могли, подь Усть-Лабой, когда положеніе одно время было очень серьезно, я также не доносилъ Вамъ всего — тогда я считалъ вреднымъ для дѣла беспокоить Васъ, ибо резервъ, бывшій въ Вашемъ распоряженіи, нужно было хранить для болѣе опаснаго направленія.

Но въ Армавирской операціи дѣло обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизію, не соотвѣтствовала ея силамъ, неудача была весьма вѣроятна. Между тѣмъ я зналь, что въ то время, когда утомленная дивизія истекала кровью въ непрерывныхъ тяжелыхъ бояхъ, два сильныхъ и свѣжихъ полка оставались въ резервѣ, свободные отъ прямой задачи—борьбы съ большевиками. Въ то же время я видѣль возможность достигнуть несомнѣнныхъ успѣховъ, собравъ кулакъ изъ главной массы арміи путемъ подтягиванія всѣхъ наличныхъ резервовъ и усиленія ударной группы за счетъ временнаго ослабленія другихъ фронтовъ, чтобы рядомъ послѣдовательныхъ, дѣйствительно сокрушительныхъ ударовъ уничтожить раздѣльныя группы врага. И какъ ни дорого намъ время, но всегда считалъ, что лучше на два дня позже побѣдить, нежели дать бой на два дня раньше и потерпѣть неудачу.

Вотъ почему, находясь все время среди войскъ, видя большую вѣроятность неуспѣха въ предписанной мнѣ операціи и сознавая въ то же время возможность полной удачи при иной группировкѣ силъ, я считалъ своимъ долгомъ настойчиво и выпукло, въ то

же время совершенно точно, безъ преувеличеній очерчивать въ своихъ донесеніяхъ дѣйствительную обстановку въ дивизіи. Къ сожалѣнію, моимъ докладамъ не было оказано того довѣрія, которое я заслужилъ своей безукоризненной репутаціей на войнѣ и своимъ историческимъ походомъ.

Жаловаться же я не привыкъ и никогда не жаловался ни на какія опасности и лишенія болѣе, чѣмъ за пять лѣтъ, проведенныхъ мною на двухъ послѣднихъ войнахъ. А если иные начальники иначе доносили, то это ихъ дѣло и ихъ отвѣтственность (хотя донесенія одного изъ начальниковъ дивизіи были аналогичны моимъ), но захлебнувшееся наше наступленіе на всѣхъ главныхъ фронтахъ арміи и послѣднія неудачи во всѣхъ дивизіяхъ доказываютъ, на мой взглядъ, правильность моихъ дѣйствій.

Перейдя къ вопросу собственно о выговорѣ, я позволю себѣ напомнить слѣдующее:

Ко времени присоединенія моего отряда къ Добровольческой арміи состояніе ея было безконечно тяжело — это хорошо извѣстно всѣмъ. Я привелъ съ собою около 2¹/₂ тысячъ человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ и снаряженныхъ съ большой артиллеріей, броневиками, аэропланами (одинъ готовый), автомобилями, радіотелеграфомъ, далъ арміи болѣе 8 тыс. снарядовъ, 200 тыс. патроновъ, болѣе 1000 винтовокъ (перечисляю главнѣйшее). Учитывая не только численность, но и техническое оборудованіе и снабженіе отряда, можно смѣло сказать, что онъ равнялся силою арміи, при чемъ духъ его былъ очень высокъ и жила вѣра въ успѣхъ.

Въ истощенный организмъ была влита новая свѣ-
жая кровь.

Я не являлся подчиненнымъ исполнителемъ чужой воли, только мнѣ одному обязана Добровольческая армія такимъ крупнымъ усиленіемъ. Всѣ, стоявшіе въ Яссахъ у дѣла формировація добровольческихъ частей, отrekliсь отъ нихъ, настаивали на роспускѣ и разоруженіи, называли мой походъ *безуміемъ и авантюрой*, подстрекали моихъ подчиненныхъ къ оставленію рядовъ. Я одинъ имѣлъ смѣлость поставить себѣ цѣлью этотъ походъ, силу воли — довести дѣло до успѣшнаго конца и умѣніе выполнить его среди многихъ опасностей и политическихъ осложненій.

Отъ разныхъ лицъ, среди которыхъ есть и теперь играющіе крупную роль въ общемъ ходѣ событій, я получалъ предложенія не присоединяться къ арміи, которую считали умирающей, но замѣнить ее. Агентура моя на югѣ Россіи была такъ хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельнымъ начальникомъ, то Добровольческая армія не получила бы и пятой части тѣхъ укомплектованій, которыя хлынули потомъ на Донъ. Всѣмъ извѣстная честность моихъ намѣреній и преданность дѣлу Россіи обезпечивали бы мнѣ успѣхъ развертыванія. Но, считая преступленіемъ разъединять силы, направленные къ одной цѣли, не преслѣдуя никакихъ личныхъ интересовъ и чуждый мелочнаго честолюбія, думая исключительно о пользѣ Россіи и вполне довѣряя Вамъ, какъ вождю, я категорически отказался войти въ какую бы то ни было комбинацію, во главѣ которой не стояли бы Вы. Правда, я тогда былъ далекъ отъ

мысли, чтобы штабъ ввѣренной Вамъ арміи могъ позволить себѣ такое отношеніе ко мнѣ, съ коимъ пришлось познакомиться послѣдніе два мѣсяца (не исключая инсинуаций и клеветы, чему имѣю факты и, если угодно, доложу). Присоединеніе моего отряда дало возможность начать наступленіе, открывшее для арміи побѣдную эру. И не взирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мнѣ сыграть въ дѣлѣ возрожденія Добровольческой арміи, а быть можетъ и спасенія ея отъ умиранія, не взирая на мои заслуги передъ ней, пришедшему и къ Вамъ не скромнымъ просителемъ мѣста или защиты, но приведшему съ собой вѣрную мнѣ крупную боевую силу, Вы не остановились передъ публичнымъ выговоромъ мнѣ, даже не разслѣдовавъ причинъ принята мною рѣшенія, не задумались нанести оскорбленіе человѣку, отдавшему всѣ силы, всю энергію и знанія на дѣло спасенія родины, а въ частности и ввѣренной Вамъ арміи.

Мнѣ не придется краснѣть за этотъ выговоръ, ибо вся армія знаетъ, что я сдѣлалъ для ея побѣдъ.

Для полковника Дроздовскаго найдется почетное мѣсто вездѣ, гдѣ борются за благо Россіи. Я давно бы оставилъ ряды Добровольческой арміи, такъ хорошо оплатившей мнѣ, если бы не боязнь передать въ чужія руки созданное мной.

Не могу не коснуться еще одного вопроса, который не имѣетъ прямого отношенія къ содержанию этого рапорта, но очень болѣзненно отражается на духѣ войскъ. За послѣднее время къ частямъ предъявлялись крайне повышенныя боевыя требованія, ставились тяжелыя задачи: «во что бы то ни стало»,

«минуя всѣ препятствія». И не имѣя достаточно средствъ, войска, цѣною большихъ жертвъ, по мѣрѣ возможности, выполняли свои задачи. Но если признано возможнымъ предъявлять строевымъ частямъ такія требованія, которыя нерѣдко превышаютъ ихъ силы, почему же къ органамъ, обслуживающимъ и снабжающимъ армию, не предъявляютъ такихъ повышенныхъ требованій. Почему отъ нихъ не требуется исключительной энергіи, исключительныхъ знаній, исключительной изобрѣтательности и работоспособности. Мы по-прежнему испытываемъ крайнюю нужду въ снарядахъ и патронахъ и за недостатокъ ихъ платимъ кровью; не достаетъ обмундирования и сапогъ. Состояніе санитарной части ужасно — засыпанъ жалобами на отсутствіе ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядокъ въ госпиталяхъ. Провѣрьте количество ампутацій послѣ легкихъ раненій — результаты зараженія крови, что при современномъ состояніи хирургіи является дѣломъ преступнымъ; въ моей дивизіи за послѣднее время цѣлый рядъ офицеровъ съ легкими ранами подверглись ампутаціи или умерли отъ зараженія крови. Врачи остаются безнаказанными, мнѣ извѣстенъ случай занесенія заразы при перевязкѣ въ госпиталь; за это врачъ былъ *только* переведенъ на фронтъ. Я доносилъ Вамъ о смерти шт.-кап. Ляхницкаго изъ-за небрежности врача; онъ остался безнаказаннымъ. Стонъ идетъ отъ жалобъ на санитарную часть, но никто за это не отвѣчаетъ. Когда приходится знакомиться съ жизнью и работой довольствующихъ органовъ арміи — поражаешься этой рутинной, бумажностью, презрительнымъ, индиффе-

рентнымъ отношеніемъ къ войскамъ. Если исключительное напряженіе въ работѣ требуется отъ войскъ, такъ пусть же такую же энергію проявятъ тѣ органы, которые ихъ обслуживаютъ и сами дани крови не несутъ.

Великая русская армія погибла отъ того, что старшіе начальники не хотѣли слушать непріятной правды, оказывая довѣріе только тѣмъ, въ чьихъ устахъ было все благополучно, и удаляли и затирали тѣхъ, кто имѣлъ смѣлость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая армія потерпитъ крушеніе по тѣмъ же причинамъ?

Полковникъ Дроздовскій.

Этотъ рапортъ былъ возвращенъ Дроздовскому съ надписью: «Главкомандующій прочитатъ не псжелалъ» — подпись — «Генералъ Романовскій».

Такое возвращеніе рапорта было яркимъ показателемъ власти и вліянія Романовскаго на Главкомандующаго.

Деникинъ былъ плоть отъ плоти штабной генералъ, рутинный, привыкшій къ тыловой спокойной работѣ. Онъ диктовалъ свои приказы Начальнику Штаба; тотъ ихъ препровождалъ, и приказы къмъ-то исполнялись. Все проходило черезъ руки Начальника Штаба, въ данномъ случаѣ ген. Романовскаго, которому Деникинъ безпредѣльно вѣрилъ, котораго любилъ и на все смотрѣлъ его глазами, не провѣряя и не критикуя. Романовскій же докладывалъ то, что находилъ нужнымъ. Докладывая, освѣщаль вопросъ, придавая ту или иную окраску, а часть пряталъ

подъ, сукно. Такимъ образомъ отъ Главногокомандующаго ускользало очень многое, многого онъ совсѣмъ не зналъ, а многое доходило до него въ искаженномъ видѣ. Характеръ же Романовскаго достаточно извѣстенъ: злобный, завистливый, честолюбивый, не гнушавшійся средствами для поддержанія своей власти и вліянія — онъ «убиралъ» съ пути своего опасныхъ для него людей.

Возвративъ рапортъ Дроздовскому, вѣроятно не доложивъ даже о немъ Деникину, Романовскій громко заявлялъ о чрезмѣрной нервности Дроздовскаго и о необходимости отправить его въ продолжительный отпускъ. Такъ, однажды такой разговоръ зашелъ въ присутствіи генерала С., который возразилъ, что Дроздовскаго врядъ ли можно будетъ уговорить взять отпускъ въ такое боевое время. Наступала пора боевъ за овладѣніе очень важныхъ пунктовъ для Добровольческой Арміи. Тогда тотъ же генераль предложилъ довольно ехидную комбинацію: ежели Дроздовскій какъ начальникъ дивизіи плохъ, быть можетъ ему предложить помѣняться — генераль Романовскій можетъ занять его мѣсто, а Дроздовскаго назначить Начальникомъ Штаба. Романовскій немного смутился, но потомъ отвѣтилъ, что онъ не отказывается; Деникинъ спасъ положеніе, заявивъ, что безъ Романовскаго онъ остаться не можетъ.

Послѣ занятія Армавира 3-я дивизія была направлена на овладѣніе Ставрополемъ; здѣсь, въ бою 31-го октябля, Дроздовскій былъ раненъ въ ногу и эвакуированъ въ Екатеринодаръ. Это легкое пулевое раненіе потребовало почему-то восьми опера-

цій . . . Невольно вспоминаются тѣ строки рапорта Дроздовскаго, гдѣ говорится о небрежности врачей, ихъ безнаказанности и грязи въ госпиталяхъ, дающихъ массовыя зараженія крови.

8-го ноября Дроздовскій былъ произведенъ въ генераль-маіоры по Статуту (Георгіевскій крестъ), — только такое производство онъ призналъ для себя приемлемымъ. Къ концу ноября безнадежное положеніе Михаила Гордѣевича побудило принимавшихъ участіе въ походѣ его изъ Яссы на Донъ — увѣковѣчить память объ этомъ, установленіемъ особой медали. По этому поводу Деникинъ издалъ особый приказъ отъ 25-го ноября (см. приложение IV) 1918 г.

Въ декабрѣ Дроздовскому была ампутирована нога, но облегченія не наступало. Тогда 26-го декабря онъ былъ въ полубезсознательномъ состояніи перевезенъ въ Ростовъ въ клинику Напалкова. Еще въ Екатеринодарѣ, когда раненіе осложнилось, окружавшіе Дроздовскаго уговаривали его переѣхать въ Ростовъ въ клинику проф. Напалкова, но эти уговоры были тщетны. Онъ говорилъ, что въ такой клиникѣ мѣсто тяжело раненымъ, и онъ, со своимъ пустяшнымъ раненіемъ, не желаетъ отнимать мѣста у другихъ.

Однако, всѣ старанія профессоровъ Напалкова и Игнатовскаго, а также образцоваго медицинскаго персонала, были безсильны помочь страдальцу.

Вечеромъ, 1-го января 1919 года Михаилъ Гордѣевичъ Дроздовскій скончался.

Два мѣсяца тянулось зараженіе крови, поговаривали о тифѣ, о систематическомъ медленномъ отравленіи, во всякомъ случаѣ, почему произошло зара-

женіе крови — осталось загадкой, таинственной и необъяснимой.

Врачъ Плоткинъ, пользовавшій въ Екатеринодарѣ Дроздовскаго, остался безнаказаннымъ, его даже не спросили исторію болѣзни Дроздовскаго; никто не поинтересовался узнать первопричину зараженія. Этотъ врачъ вскорѣ уѣхалъ за границу съ какой-то миссіей.

Такъ друзьямъ Дроздовскаго не пришлось уговаривать его взять отпускъ, онъ былъ «убранъ» съ пути Романовскаго.

Деникинымъ по поводу смерти Дроздовскаго былъ изданъ приказъ, перечислявшій всѣ этапы его славной боевой дѣятельности, кончавшійся словами: «Миръ праху твоему, рыцарь безъ страха и упрека». Въ память покойнаго Деникинъ приказалъ одному изъ созданныхъ Дроздовскимъ полковъ впредь именоваться 2-мъ Офицерскимъ генерала Дроздовскаго полкомъ», а впоследствии вся 3-я дивизія получила наименованіе «Дроздовской».

ПРИЛОЖЕНІЯ

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

ПРИЛОЖЕНІЕ I

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ И ДНЕВНИКОВЪ (1915-1918)

1915 годъ (27 арм. корпусъ).

1 февраля.

Управленія нѣтъ — рядъ несогласованныхъ, иногда противорѣчивыхъ, ежечасно мѣняющихся, отдѣльныхъ приказаній корпусамъ, полная неразбериха, сумбуръ. Роль Сиверса жалкая и преступная; не успѣваешь передать одно распоряженіе, какъ оно требуетъ отмѣны. О 20-мъ корпусѣ, положеніи его дивизіи, добиться нельзя. Кратко — дикій хаосъ, дѣлается нѣчто непостижимое.

2 февраля.

Войска въ тяжеломъ состояніи, Августово, Горчица въ нѣмецкихъ рукахъ. Штабъ бѣжитъ въ Минскъ.

6 февраля.

Сегодня ночью было донесеніе одного бѣжавшаго казака о разъѣздахъ нѣмцевъ въ Нов. Дворѣ, паническое настроеніе командира и нѣкоторыхъ штабныхъ. Я командированъ. Наконецъ спокойствіе, ночь спалъ спокойно, по походному, спокойное на-

строение въ Аккерманскомъ полку. Слава Богу не въ паническомъ штабѣ.

8 февраля.

Меня вытребовалъ обратно штабъ, куда прибылъ въ 6 вечера. Вѣсти, что 20-й корпусъ окружень у Богатыря и пробивается по направленію къ востоку. 64-я дивизія страшно медлитъ — приказъ получили еще ночью, а днемъ часовъ около 4—5 спрашиваютъ Добрынина, что задача не понята. Явно не особенное желаніе впередъ, командиръ корпуса сидитъ въ штабѣ и никакого участія. Ночью свѣдѣнія отъ казаковъ о сдачѣ корпуса, думаю, что невѣрно, но начальство на этомъ основаніи останавливаетъ наступленіе.

14 февраля.

64 дивизія опять ничего не дѣлаетъ и ночью не атакуетъ, все препирается, что не знаетъ. Нахлобучка Жданкѣ непосредственно. Завтра 5 утра атака.

15 февраля.

Доменчаны не взяты, конечно, канонады не было слышно. Начальникъ дивизіи сидитъ у себя, командиръ корпуса у себя, ихъ ничто не касается.

16 февраля.

Отходъ нѣмцевъ. Наше наступленіе. Комедія выѣзда нашего штаба впередъ — для начальства. Все управление только проволока, не показываетъ вой-

скамъ никакого личнаго воздѣйствія. Войска командира корпуса не знаютъ и послѣ бѣгства не уважаютъ. Отъѣздъ Лашкевича изъ Августова, я обвинилъ его въ трусости, онъ спросилъ только: «Это Ваше личное мнѣніе?» Солдаты грабятъ, есть свидѣтели, а Гернгроссъ бездѣйствуетъ.

18 февраля.

Въ первый разъ читалъ распоряженія по 6-й и 8-й ар. Кошмарная бессмыслица: «во что бы то ни стало», «съ полнымъ напряженіемъ силъ, энергично, рѣшительно, безотлагательно». И чѣмъ больше словъ, тѣмъ меньше дѣла. Приказанія не слушаютъ, слова потеряли силу. Бѣгство роты.

22 февраля.

Въ 12 час. прибылъ въ Красностокскій монастырь. Связи нѣтъ, страшное разстояніе до штаба корпуса, нехватка провода, скандалъ. Изъ обѣихъ дивизій спрашиваютъ, отчего нашъ штабъ такъ далеко? Связь установилась только въ 23 съ половиною ночи. Если бы ударъ нѣмцевъ — была бы катастрофа. Но въ чемъ же главныя заботы Гернгросса, его интересы: — почта, обѣды и отпускъ.

23 февраля.

Наблюдалъ шедшій Аккерманскій полкъ: видъ апатичный, понурый, общія жалобы на усталость, нервы развинчены. Части дѣйствительно не укомплектованы, полки — это баталіоны, люди устали и энергіи у нихъ нѣтъ, ихъ боевая работа была долгая

и безъ отдыха и затрудняюсь обвинять ихъ за отсутствіе порыва тѣмъ болѣе, что со стороны генералитета никакого примѣра. Но фактъ на лицо — задачу не сдѣлали, потому что не хотѣли; все выжидали — авось противникъ уйдетъ, не было желанья отрѣзать, охватить. При такомъ положеніи трудно чего нибудь добиться.

Штабъ въ Минскѣ — его продолжаютъ спрашивать, почему такъ далеко. Перестрѣлка на фронтѣ не слишкомъ сильна. Дѣйствительно артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ очень рѣдкій и кажется безрезультатный. Въ итогъ это стояніе и больше крови стоитъ и больше утомляетъ—двое сутокъ люди не знаютъ отдыха подъ крышей, морозы крѣпкіе, градусовъ до 10—12 ночью. Резервы еще ничего, по-вырыли себѣ землянокъ въ видѣ крысиныхъ норъ. Кстати объ укрѣпленіяхъ — все время доносили о силѣ укрѣпленій Минска, — все оказалось вздоромъ — рѣдкіе и паршивенькіе окопчики и вотъ такъ всегда врутъ, врутъ и врутъ...

24 февраля, Минскъ.

Наши части не движутся никакъ — нынче все на мѣстѣ. Говорилъ съ Гернгроссомъ о пушкахъ, отвѣтилъ, что онъ отлично это знаетъ, самъ примѣнялъ, но для этого нужны рѣшительные начальники, способные рѣшиться на такія мѣры(!). Возразилъ ему, что если начальники дивизій не рѣшатся — такъ можно имъ приказать — отвѣтилъ мнѣ, что они не послушаются. Если они категорическихъ приказаній о движеніи впередъ не исполняютъ, то неужели же

рѣшатся на выдвиженіе пушекъ. Я указаль, что, можно приказать и провѣрить посылкой довѣренныхъ лицъ. Однако рѣшительный начальникъ рѣшительно отказался отъ какого либо воздѣйствія. Будемъ значить по прежнему стоять, пока нѣмцамъ не заблагодарасудится уйти или нанести новый ударъ.

4 марта.

Сейчасъ у насъ плохія условія расквартированія. Милое начальство не посмотрѣло. Даже не объѣхали войскъ и не поблагодарили за службу!!... Зато приѣхали жены...

8 марта.

Штабъ въ Сопоцкино. Скоро полночь, а приказа нѣтъ. Добрынинъ возмущается и негодуетъ, что войскамъ неудобно. Бѣлыми нитками шьетъ, хорошо онъ извѣстенъ, удобства войскъ и ихъ жизнь для него прошлогодній снѣгъ, много разъ доказываль. Его сейчасъ волнуетъ собственный покой, сонъ съ 11-ти и до 11-ти пропадаетъ—вотъ и негодованіе. Пальцемъ не пошевелитъ для войскъ—прежде и выше всего покой, безопасность, письма своевременныя, а выигрышъ и проигрышъ войны — не все ли равно, сколько разъ это обрисовывалось.

9 марта.

Копціево. Гернгроссъ и Добрынинъ сильно негодуютъ, что армія подтянула нашъ штабъ, указавъ мѣсто стоянки — пожалуй поняли.

2 час. дня. Великое торжество: Перемышль паль.

Помѣщеніе въ Копціево мало — многое сожжено, этапа нѣтъ — пополненія блуждаютъ некормленныя. Ихъ видъ на походѣ: приклады кверху, гуськомъ, группами и, несмотря на шоссе, строя никакого, а люди молодцы, были бы хорошіе солдаты.

Вернулся Добрынинъ, кажется удалось обезпечиться на будущее время отъ указаній мѣста для штаба.

12 марта.

Сейны. Связь сутки не налаживалась и ночью изъ арміи приказали подвинуть штабъ впередъ. Уже второй разъ!!

Работа эти дни сумасшедшая. Уговариваю вождей выслать часть въ Жубранойцы, оба понимаютъ, но боятся инициативы, когда пришло совсѣмъ тревожное донесеніе вечеромъ — послали наконецъ 2 баталіона. Съ управленіемъ комедія — Гернгроссъ безвольная ширма безъ всякаго вліянія и желанія управлять. Приказы пишетъ Добрынинъ, а на другой день ихъ подписываетъ Гернгроссъ. Жданко въ Краснополѣ — управленіе личное и несомнѣнно доблестное; видно и чувствуется порядокъ въ бригадѣ, артиллерія на мѣстѣ. Почему же, обладая личнымъ мужествомъ, что подтверждаютъ знающіе его, почему онъ ничего не дѣлалъ тогда въ февралѣ, въ бояхъ впереди Пашковскаго моста. Странно...

13 марта.

Сейны. Опять на правомъ флангѣ не ладно, опять бѣжитъ 56 див., такъ называемый 3-й корпусъ. Ничего нельзя расчитать, ни на что рѣшиться съ такой

нестойкостью. Генералы доводятъ до бѣлаго каленія, и безъ нихъ не сладко, а они предсказываютъ всякія бѣдствія, отходъ и т. д.; это непрерывное карканье и настоящее причитаніе изводитъ; и это начальники, которые должны ободрять, подавать примѣры бодрости, и пальма первенства принадлежитъ Добрынину, такому по его словамъ рѣшительному и спокойному воину. Малѣйшая тѣнь неудачи и онъ уже разрисовываетъ самыя мрачныя картины.

16 марта.

Тяжелая ночь. Съ вечера нѣмцы перешли вновь въ наступленіе. Силы очевидно у нихъ не велики, днемъ не очень рискуютъ — у насъ много артиллеріи. Къ вечеру нѣмцы лѣзутъ съ превеликою дерзостью, очевидно ясно зная, что наши части ночью не стоятъ ровно ничего.

Отдали Краснополь, наши бѣжали, оставили массу плѣнныхъ. Собирали здѣсь, въ Сейнахъ, бѣженцевъ; ротами и командами отправляли ихъ назадъ. Опять приказали отбирать Краснополь, но нуль результатовъ, не идутъ никакъ, не выдерживаютъ артиллеріи нѣмцевъ.

Возлѣ Сейнъ, впереди костела рвутся тяжелые снаряды, Гернгроссъ страшно нервничаетъ и злитъ меня, — неужели нельзя побольше владѣть собою — считаетъ чуть не каждый разрывъ. Рвутся шагахъ въ 500 отъ нашего штаба.

17 марта.

Аккерманцы все время дѣлаютъ попытки удирать — донесеніе Пивоварова «впечатлительность Аккер-

манцевъ необычайна, возникаетъ вопросъ о ихъ бое-способности». У насъ въ штабѣ опасенія, чтобы мы не отдали позицію, общее мнѣніе не атаковать, а лишь удерживаться, тоже генералы... Телеграмма Дубинина — приказъ о наступленіи, мое предложеніе прямо отвѣтить, что не можемъ, будемъ только обороняться. Добрынинъ согласился вполнѣ, что ничего не выйдетъ, но такъ отвѣтить не рѣшался, такъ какъ «кто говоритъ правду — теряетъ», пусть съ нашей стороны это будетъ очкивтирательство, все равно... Я ему говорилъ, что приказывать, заранѣе зная, что не исполнять — развратъ. Онъ согласился и однако... Въ 5 часовъ утра назначено наступленіе.

18 марта.

Неожиданный успѣхъ. Чему приписать? Конечно достоинству Пороховщикова и Пивоварова, артиллеріи, которая работала подъ искуснымъ управленіемъ Штакельберга. Работать имъ было ужасно тяжело.

Успѣхъ развитъ очень не былъ, трофеи: два пулемета, около 200 плѣнныхъ, ибо 2-й корпусъ почти не помогаль, во-первыхъ запоздалъ съ наступленіемъ часа на 4, во вторыхъ шелъ безъ энергіи. Впослѣдствіи онъ отошелъ, обнаживъ правый флангъ, наши Глазовцы тоже драгнули, наконецъ пришелъ Донской — прибылъ настоящей полкъ.

Добрынинъ дѣлаетъ видъ, что онъ герой дня, что это онъ по размышленіи такъ сосредоточилъ артиллерію. Смѣшно — вотъ ужъ, какъ младенецъ, не повиненъ ни въ чемъ.

Успѣхъ вышелъ вообще случайнымъ и безъ послѣдствій — спасибо и на томъ, все же можетъ дать хоть нѣкоторый подъемъ.

Къ вечеру вполне выяснилось, что главное сдѣлала артиллерія, пѣхота, такъ сказать, пожала плоды, а на дальнѣйшее силъ не хватило, наступать, вести бой — энергіи не было.

Непріятель ушелъ отсюда сравнительно чисто.

1916 годъ.

11 іюля.

Прошлое лѣто и осень я пережилъ безконечныя душевныя муки и великую драму, но теперь я чувствую почти торжество — у насъ рядъ побѣдъ. Отношеніе къ событіямъ войны царить въ моей душѣ надъ всѣми эгоистическими интересами. Съ самаго начала войны судьба заставляетъ меня быть въ самой неинтересной обстановкѣ, на самыхъ скучныхъ или пассивныхъ фронтахъ, въ подчиненіи и зависимости отъ лицъ, коимъ не свершить никогда ничего свѣтлаго. Сейчасъ блеснула лучъ надежды; опять въ походъ; посмотримъ, что день грядущій намъ готовить . . .

1917 годъ.

28 марта.

Вѣдь я — офицеръ, не могу быть трусомъ, несомнѣнно, что нетрудно было бы поплыть по теченію и заняться ловлей рыбки въ мутной водѣ революціи, ни одной минуты не сомнѣвался бы въ успѣхѣ, ибо слишкомъ хорошо изучилъ я людскую породу и природу толпы. Но изучивши ихъ, я слишкомъ привыкъ

ихъ презирать, и мнѣ невозможно было бы поступить своей гордостью ради выгодъ.

7 апрѣля.

Вчера я получилъ полкъ въ своей дивизіи. Еще такъ недавно я чувствовалъ бы себя на седьмомъ небѣ, теперь же, какая это радость? — это непосильный крестъ.

16 апрѣля.

Съ души воротить, читая газеты и наблюдая, какъ вчера подававшіе всеподданнѣйшіе адреса, сегодня пресмыкаются передъ чернью. Мнѣ сейчасъ тяжело служить; вѣдь моя спина не такъ гибка и я не такъ малодушенъ, какъ большинство нашихъ, и я никакъ не могу удержаться, чтобы чуть не на всѣхъ перекресткахъ высказывать все свое пренебреженіе къ пресловутымъ «совѣтамъ». Армія наша постепенно умираетъ.

28 апрѣля.

У меня положеніе въ полку становится очень острое. Можно жить хороішо, только до тѣхъ поръ, пока всѣмъ во всемъ потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить все, проще, но и не честно. Вчера наговорилъ нѣсколько горькихъ истинъ одной изъ ротъ, тѣ возмутились, обозлились. Мнѣ передавали, что хотятъ «разорвать меня на клочки». Но кажется краски сгущены, къ чему непремѣнно на «клочки», когда вполне достаточно на двѣ равныя части, какъ никакъ, а быть можетъ при-

дется испытать не сладкія минуты. Кругомъ наблюдаешь, какъ у лучшаго элемента опускаются руки въ этой бесполезной борьбѣ. Образъ смерти является всѣмъ избавленіемъ, желаннымъ выходомъ.

27 іюня.

На дняхъ придется намъ идти въ бой, мнѣ предстоитъ сомнительная честь вести въ атаку нашихъ «свободныхъ гражданъ», свободныхъ отъ чувства долга и доблести.

10 августа.

11-го іюля у насъ была атака; вслѣдствіи громаднаго превосходства силъ мы имѣли успѣхъ, не взирая на то, что большая часть солдатъ была непригодна къ бою. Мой полкъ взялъ даже 10 орудій. 30—31 іюля и 1—2 августа снова были тяжелые бои; наступали нѣмцы, въ незначительныхъ, меньшихъ силахъ, больше артиллеріей, чѣмъ штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управленію и при малѣйшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: отъ какихъ нибудь нѣсколькихъ снарядовъ или только въ ожиданіи непріятельской атаки. Еще 31 было нѣчто въ родѣ боя, нѣчто въ родѣ сопротивленія, мы частью отстаивали свои позиціи, но уже 1-го августа разразился скандалъ, — поголовное бѣгство полка, цѣлыя вереницы бѣглыхъ тянулись мимо штаба. Тогда я послалъ весь мой резервъ, мою лучшую часть останавливать этихъ бѣглецовъ. Ни о какомъ управленіи боемъ не могло быть и рѣчи среди забо-

ровъ, домовъ и виноградниковъ. Много раненыхъ офицеровъ и солдатъ было брошено этими мерзавцами на позиціи. Увидя эту катастрофу, я рѣшилъ покончить со свободами и приказалъ бить и стрѣлять бѣглецовъ. Этими крайними мѣрами, широкимъ примѣненіемъ палокъ и оружія удалось возстановить кое-какой порядокъ и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиціи. На другой день сразу же были приняты мѣры, самыя крутыя, офицеры наблюдали за цѣпями, все время съ револьверами въ рукахъ, позади я разставилъ развѣдчиковъ и всякая попытка къ бѣгству встрѣчалась огнемъ. Благодаря этому позиція была удержана и противникъ, поплатившись, больше не дерзалъ на новую атаку. Сейчасъ чиню судъ и расправу, авось приведу ихъ въ порядокъ; они уже начинаютъ чувствовать мое давленіе. Конечно можетъ и сорваться.

24 ноября.

За послѣдніе дни произошли такія событія, что окончательно опустились руки — эти кустарные мирные переговоры, созданные кучкой нѣмецкихъ шпіоновъ и осуществленные давленіемъ слѣпой стихійной массы — dokonчили все. Сами по себѣ, своими силами, мы уже вернуться къ войнѣ не можемъ, даже хотя бы къ оборонительной, въвиду абсолютнаго разложенія арміи. Почетнаго мира для насъ уже не будетъ. Насколько я ориентированъ — нѣтъ никакихъ надеждъ извнѣ. Все это развязываетъ руки. Тотчасъ по полученіи распоряженій о перемиріи я поѣхалъ въ Яссы, ничего еще опредѣленнаго не знаю — событія начинаютъ принимать слишкомъ острый

характеръ; хотя кругомъ все такъ запутано, такъ темно, что трудно разобраться — въ сторонѣ же отъ событій я не останусь. Пока помимо моей воли назначень начальникомъ 14 дивизіи. Настроение тяжелое — эти переговоры о мирѣ точно публичная пощечина, отъ оскорбленной гордости некуда уйти, негдѣ спрятаться. Сердце отравлено ядомъ.

Еще 20-го получилъ Георгіевскій крестъ по давнишнему представленію — единственный орденъ, къ которому я никогда не былъ равнодушенъ . . . а между тѣмъ у меня теперь никакой радости въ сердцѣ, нисколько не стало легче на душѣ отъ этого маленькаго бѣлаго крестика . . . Отъ жизни страны, отъ всего, что дѣлается внутри ея, мы отрѣзаны почти совсѣмъ, не получаемъ почты и газетъ.

6-го декабря.

У насъ на фронтѣ все уже доходить до послѣдняго предѣла развала и я уже ни съ чѣмъ не борюсь, ибо это совершенно бесполезно, — просто наблюдаю событія. Какъ счастливы тѣ люди, которые не знаютъ патріотизма, которые никогда не знали ни національной гордости, ни національной чести.

11-го декабря.

Россія погибла, наступило время ига, неизвѣстно на сколько времени, это иго горше татарскаго. Я же принялъ опредѣленное рѣшеніе: пріѣхалъ въ Яссы, взялъ себѣ отпускъ на 5 дней, складываю съ себя званіе начальника дивизіи, на дняхъ принимаюсь за

одно очень важное дѣло, о которомъ конечно писать не могу, почта — дѣло ненадежное. Во всякомъ случаѣ ориентируюсь въ политическихъ дѣлахъ, часто вижу съ иностранцами.

15-го декабря.

На неопредѣленное время остаюсь въ Яссахъ, дѣла очень много. Я вовсе не честолюбивъ и отнюдь не ради извѣстности среди толпы и не ради ея поклоненія пытаюсь взять какъ можно больше въ свои руки. Честолюбіе для меня слишкомъ мелко, прежде всего я люблю свою родину и хотѣлъ бы ей величія. Ея униженіе — униженіе и для меня, надъ этими чувствами я не властенъ и пока есть хоть какія нибудь мечты объ улучшеніи, я долженъ постараться сдѣлать что-нибудь; не покидаютъ того, кого любишь въ минуту несчастья, униженія и отчаянья. Еще другое чувство руководить мною — это борьба за культуру, за нашу русскую культуру.

1918 годъ.

27 февраля.

Одна за другой неудачи преслѣдуютъ меня, неудачи, въ которыхъ я неповиненъ; отсутствіе энергіи, апатія, мягкотѣлость, моральное ничтожество среды, безталанность и нерѣшительность круговъ, предназначенныхъ судьбой къ водителству — все это губить великое начинаніе, накладываетъ на все печать могилы. Усиліемъ воли заставляешь себя продолжать начатую работу и до конца вести борьбу. Начинаю жизнь скитальца. Жалкій обломокъ прежняго величія, человѣкъ не имѣющій родины!

16 мая. Новочеркасскъ.

Я безумно усталъ, измучился этой вѣчной борьбой съ человѣческой тупостью, инертностью, малодушіемъ. Какое постоянное напряженіе силы воли, какой гнетъ отвѣтственности, какая тяжелая, почти безнадежная борьба въ поискахъ успѣха. Издерганный, измученный, я пересталъ быть человѣкомъ. Милліонъ переговоровъ, вѣчные поиски денегъ — этого главнѣйшаго нерва всякаго дѣла, поиски людей. Скоро вѣроятно придется покинуть Новочеркасскъ, идти дальше по нашему тернистому пути, но въ тоже время и по пути чести.

20 мая.

Я брошенъ сейчасъ судьбой въ котелъ политической борьбы, кипящій и бурлящій, судьба выносить меня на гребень волнъ, и я не могу особенно упираться, такъ какъ мнѣ слишкомъ дорога Россія... А что изъ этого будетъ — какъ знать. Подъемъ или крушеніе, теперь такъ трудно что нибудь угадать, особенно тому, кто не идетъ на всякіе компромиссы.

Вѣдь теперь, въ самомъ центрѣ борьбы я вполнѣ только понялъ, какъ ничтожны, близоруки, безсильны наши общественные дѣятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимаютъ, какъ не понимали до сихъ поръ и ничему не научились. Ведешь съ кѣмъ нибудь переговоры и не понимаешь, стоитъ ли тратить на это время, кто онъ — дѣятель или пустое мѣсто. Какъ это все мнѣ опротивѣло, все надоѣло, но повторю всегда: какъ часовой, съ поста своего я все же не уйду.

18 іюля. Екатеринодарь.

Я весь въ борьбѣ, и пусть война безъ конца, но война до побѣды. И мнѣ кажется, что вдали я уже вижу слабое мерцаніе солнечныхъ лучей, проникающихъ черезъ сплошной мракъ дѣйствительности. Сейчасъ я маниакъ, я обрекающій и обреченный...

ПРИЛОЖЕНІЕ II

Первая Бригада Русскихъ Добровольцевъ на Румынскомъ Фронтѣ.

Офицеры и солдаты!

Учредительное Собраніе разогнано. Грабежи и насилія большевиковъ кровавыми волнами заливаютъ русскую землю. Арміи не существуетъ: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положеніе нашего отечества вызвало необходимость созданія добровольческихъ войскъ. Приказомъ по Румынскому фронту № 1344 объявлено о сформированіи

**ПЕРВОЙ ОТДѢЛЬНОЙ БРИГАДЫ РУССКИХЪ
ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.**

Бригада принимаетъ всѣхъ желающихъ, не считаясь съ политическими взглядами, но при условіи

безпрекословнаго повиновенія начальникамъ и соблюденія полной дисциплины.

Бригада просить штабы, начальствующихъ лицъ и всѣхъ офицеровъ выбрать въ частяхъ достойнѣйшихъ изъ солдатъ. При ихъ согласіи на переводъ въ Первую Бригаду Русскихъ Добровольцевъ необходимо сообщить ихъ фамиліи штабу фронта по адресу: Штарум, капитану Генеральнаго Штаба Федорову.

При возможности нужно посылать ихъ прямо въ

Яссы, улица (Страда) Музелоръ, 24.

Офицеры и солдаты. Вы спѣшите домой, но тамъ вамъ не будетъ ни отдыха, ни покоя. У пороговъ вашихъ домовъ братоубійственная война, внутри ихъ — голодь и слезы. Если вамъ дороги ваши родные очаги, ваши дѣти, матери, жены и сестры, если мысль о нихъ сжимаетъ ваше сердце — ваше мѣсто педъ знаменемъ добровольческихъ войскъ; хотите ихъ защитить и спасти, — идите къ намъ въ

ПЕРВУЮ ОТДѢЛЬНУЮ БРИГАДУ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Условія службы въ Первой Бригадѣ Русскихъ Добровольцевъ.

1) Въ частяхъ Бригады господствуетъ абсолютная дисциплина, никакихъ комитетовъ не существуетъ.

2) Отъ поступающихъ требуется подписка въ безпрекословномъ подчиненіи начальникамъ.

3) Содержаніе офицерамъ начинается съ 200 рублей въ мѣсяць, при полномъ пищевомъ, веще-

вомъ довольствіи, солдатамъ — отъ 25 рублей въ мѣсяць до 100 въ зависимости отъ времени службы, поведенія и званія.

4) Производство въ чины, награды, раненія, пенсіи засчитываются на общихъ основаніяхъ съ арміей.

Запись добровольцевъ производится въ Яссахъ, улица (страда) Музелоръ, № 24.

На станціи Унгени спеціальный агентъ для пропуски прибывающихъ изъ Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ III

Подписка.

Я . . . . ., поступаю добровольно въ Національный Корпусъ Русскихъ Добровольцевъ, имѣющей цѣлью возсозданіе порядка и организацію кадровъ по возсозданію россійской арміи, причеиъ за все время пребыванія въ Корпусѣ обязуюсь:

1) Интересы Родины ставить превыше всѣхъ другихъ, какъ-то — семейныхъ, родственныхъ, имущественныхъ и пр. Поэтому защищать съ оружіемъ въ рукахъ, не жалѣя своей жизни, родину, жителей ея безъ различія классовъ и партій — и ихъ имущество отъ всякаго на нихъ посягательства.

2) Не допускать разгрома и расхищенія какихъ-бы то ни было складовъ.

3) Всюду стоять на стражѣ порядка, дѣйствуя противъ нарушителей всѣми способами до примѣненія оружія включительно.

4) Быть внѣпартійнымъ, не вносить и не допускать въ свои ряды никакой партійной розни, политическихъ страстей, агитаціи и т. д.

5) Признавать единую волю поставленныхъ мною начальниковъ и всецѣло повиноваться ихъ приказаніямъ и распоряженіямъ, не подвергая ихъ обсужденію.

6) Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою примѣръ окружающимъ.

7) Безропотно и честно исполнять всѣ обязанности службы, какъ бы они тяжелы временами ни были.

8) Не роптать, если бы случайно оказался недостатокъ обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9) Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартированія, какъ-то: тѣснота, холодъ, грязь и пр.

10) Не употреблять спиртныхъ напитковъ и въ карты не играть.

11) Безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ отъ своей части не отлучаться.

12) Въ случаѣ неповиновенія, дезертирства, возстанія, агитаціи противъ дисциплины подлежу наказанію по всей строгости законовъ военнаго времени.

..... (подпись).

(Число, мѣсяць) ..... 1918 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

МЕДАЛЬ ДРОЗДОВЦАМЪ

П Р И К А З Ъ

Главнокомандующаго Добровольческой Арміей
№ 191.

25 ноября 1918 г.

г. Екатеринодаръ.

Въ воздаяніе мужества и рѣшимости 1-ой Бригады Русскихъ Добровольцевъ, вышедшей подъ командой Генеральнаго Штаба полковника Дроздовскаго изъ Яссы и прибывшихъ, совершивъ историческій 1200-верстный походъ, 25 апрѣля 1918 г., на Донъ на соединеніе съ Добровольческой Арміей — устанавливаю медаль.

Медалью этой награждаются всѣ дѣйствительные участники похода, выступившіе изъ г. Яссы или г. Дубоссары, прибывшіе на Донъ и отбывшіе 6-ти мѣсячный — подписной срокъ службы.

Лица, вышедшія изъ г. Яссы или г. Дубоссаръ и оставившія ряды названнаго отряда по случаю раненія, контузіи или тяжелой болѣзни, удостовѣренное подлежащимъ начальствомъ, пользуются правомъ на награжденіе медалью наравнѣ съ совершившими весь походъ при условіи возвращенія ихъ въ дальнѣйшемъ въ строй 3-ей дивизіи*) или Добровольческой Арміи.

Медали, заслуженныя павшими на полѣ брани, передаются потомству ихъ или ближайшимъ родственникамъ для сохраненія въ памяти ихъ, но безъ права ношенія.

*) Бывшая бригада русскихъ Добровольцевъ.

Награжденнымъ медалью выдаются именныя удостовѣренія за подписью лица, пользующагося правами не ниже начальника дивизіи съ приложеніемъ соотвѣтствующей казенной печати.

Удостоверенія на погибшихъ въ бояхъ выдаются тѣмъ лицамъ, коимъ передается для сохраненія въ памяти и самая медаль.

Списки лицъ, награжденныхъ медалью по представленію ихъ подлежащимъ начальствомъ, объявляются въ приказѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей.

Чины арміи, виновные въ самовольномъ присвоеніи и ношеніи медали, подлежатъ отвѣтственности по ст. 1416. Уложен. о наказ. съ усиленіемъ наказанія по приказу Добровольческой Арміи отъ 25 сентября с. г. № 500.

Медаль носится на груди лѣвѣе всѣхъ степеней георгіевскаго креста и георгіевской медали и правѣе всѣхъ прочихъ знаковъ отличія и медалей.

Приложеніе: описаніе медали.

Подлинный подписалъ

Генераль-Лейтенантъ Деникинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ приказу Главнокомандующаго Добровольческой Арміей № 191.

О П И С А Н І Е

медали, установленной въ память похода 1-ой Бригады Русскихъ Добровольцевъ.

Медаль устанавливается серебряная, матоваго цвѣта, овальной формы и имѣетъ у ушка два скрещенныхъ серебряныхъ же меча. По окраинамъ медали

на лицевой сторонѣ располагаются двѣ вѣтви: справа дубовая, какъ символъ непоколебимаго рѣшенія, и слѣва лавровая, символизирующая рѣшеніе, увѣнчавшееся успѣхомъ. На полѣ этой же стороны медали изображенъ выпуклый рисунокъ: Россія въ видѣ женщины въ древне-русскомъ одѣянїи, стоящей съ мечомъ въ протянутой правой рукѣ надъ обрывомъ, и на днѣ его и по скату группа русскихъ войскъ съ оружіемъ въ рукахъ, взбирающаяся къ ногамъ женщины и олицетворяющая стремленіе къ возсозданію Единой, Недѣлимой Великой Россіи. Фонъ рисунка — восходящее солнце.

На оборотной сторонѣ медали, на верхней части ея, полукругомъ по краю выгравировано: «Походъ Дроздовцевъ» и поперекъ медали: «Яссы-Донъ», слѣдующая строка: «1200версть», затѣмъ дата—«26/II—25/IV 1918» и въ послѣдней строчкѣ — фамилія награжденнаго съ инициалами его имени и отчества.

Ширина медали — одинъ дюймъ, длина — полтора дюйма. Размѣръ cadaго меча—одинъ дюймъ.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго
Добровольческой Арміей

Генераль-Лейтенантъ *Романовскій*

Дежурный Генераль

Генераль-Маіоръ *Трухачевъ*.

ПРИЛОЖЕНІЕ V

РОССІЯ ИЛИ КОМИССАРІЯ

Въ маѣ 1918 года въ Ростовѣ появилась статья г. Накатова: «Тамъ и здѣсь», въ которой говорилось о мотивахъ, заставляющихъ офицеровъ Москвы и Петрограда вступать въ ряды красной арміи и объ ихъ единомысліи съ офицерами Добровольческой Арміи. Статья эта вызвала большой шумъ и газетную полемику, въ которой принялъ участіе и М. Г. Дроздовскій. Его открытое письмо было напечатано въ «Пріазовскомъ Краѣ». Приводимъ его здѣсь полностью.

«Туманомъ сырымъ и холоднымъ повѣяло отъ статьи г. Накатова: «Тамъ и здѣсь». Мы не знаемъ, отъ имени какихъ офицерскихъ круговъ Москвы и Петрограда говоритъ г. Накатовъ, но мы слишкомъ хорошо знаемъ все русское офицерство, его достоинства и недостатки, его душу и мозгъ, его настроенія и надежды. И мы удостовѣряемъ, что отнюдь не патріотизмъ, не стремленіе къ единой и Великой Руси толкнуло офицеровъ въ ряды красногвардейцевъ и красноармейцевъ, ибо для всѣхъ ясно, что большевизмъ и именно только совѣтская власть явилась главнымъ, почти единственнымъ факторомъ расчлененія Россіи; большевистскія совершенно неприемлемыя формы жизни, проводимыя теперь въ центрѣ Россіи, оттолкнули отъ нея области, въ которыхъ власть комиссародержавія удалось свергнуть, и что именно поддержкой комиссаровъ, попытками продлить агонію ихъ власти сильнѣе вколачиваются рас-

членяющіе Россію клинья, углубляется процессъ самоопредѣленія. Смѣшно искать объединенія Руси поддержкой большевизма.

Если, вступая въ ряды ленинскихъ воителей, офицеры, внеся туда тѣнь порядка, хотя немного продлятъ агонію умиранія красной арміи, то этимъ они совершаютъ одно изъ роковыхъ преступленій момента.

Оставимъ лучше красныя слова, — ихъ цѣну мы узнали тяжкимъ опытомъ; не вѣримъ мы также фиговымъ листкамъ и не считаемъ отнюдь ни петроградскихъ, ни московскихъ офицеровъ — мальчишками несмышлеными, не вѣдающими, что творять.

И если отдѣльные, единичные офицеры, вступающіе въ красныя ряды по особымъ соображеніямъ, которыхъ мы здѣсь не касаемся, и тамъ творять великое русское дѣло, то вся масса ленинскихъ офицеровъ не во имя родины и патріотизма, не въ защиту недѣлимой Россіи пошла туда, а изъ эгоистическихъ мотивовъ — сохранить свою жизнь и здоровье отъ гоненій, въ поискахъ, гдѣ безопаснѣй и ради права на сытое и беззаботное, хорошо оплачиваемое житье.

Большевизмъ — это смертельный ядъ для всякаго государственнаго организма и по отношенію къ комиссаріи не остается никакой другой политики, кромѣ войны или отчужденія. И если они, ваши офицерскіе круги, г. Накатовъ, дѣйствительно патріоты, такъ пусть же свергнутъ и скорѣе большевистскую власть, установятъ какъ угодно правовой порядокъ и пусть тогда спрашиваютъ: «како вѣруеши».

Но совсѣмъ уже странно сравненіе офицеровъ, идущихъ подъ интернаціональнымъ краснымъ флагомъ, съ добровольцами, осѣненными трехцвѣтнымъ знаменемъ «Всея Руси», которое такъ дорого намъ. Кромѣ этого знамени, у насъ не осталось ничего, даже клочка своей земли для нашихъ могилъ, но тѣмъ сильнѣе наша любовь къ нему, тѣмъ непреклоннѣе воля въ борьбѣ. Большевизмъ лишилъ насъ отечества, народной гордости, и мы объявили ему за то беспощадную борьбу на смерть, а не на жизнь. И пока мы не свергнемъ власти комиссаровъ, мы не вложимъ своего меча въ ножны; и если не казачьи шашки скрестятся съ красноармейскими, то ужъ во всякомъ случаѣ, скрестятся съ ихъ штыками наши добровольческіе штыки; но никогда и никогда не назовемъ мы большевистское оружіе «братскимъ».

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ ясно поняли мою мысль: пока царствуютъ комиссары, — нѣтъ и не можетъ быть Россіи, и только когда рухнетъ большевизмъ, мы можемъ начать новую жизнь, возродить свое отечество. — Это нашъ символъ вѣры.

Не мщеніе, а государственная необходимость ведетъ насъ по пути борьбы; мы знаемъ мѣру отвѣтственности, и если вождямъ и дѣятелямъ большевизма нѣтъ ни прощенья, ни пощады, то рядовымъ борцамъ, отрехшимся во имя родины отъ прежнихъ преступныхъ заблужденій, мы найдемъ мѣсто въ нашихъ рядахъ. Пусть забудутъ они свой мелкій эгоизмъ, подчинять свои классовые интересы патріотизму, и мы сумѣемъ тогда забыть, какъ бы то ни было трудно, всѣ перенесенныя оскорбленія и всѣ испытанныя мученія...

Черезъ гибель большевизма къ возрожденію Россіи — вотъ нашъ единственный путь, и съ него мы не свернемъ. Кто поддерживаеъ комиссарскую «армію», тотъ не защищаетъ, а губить Россію, тотъ врагъ намъ, врагъ до конца.

Безполезны здѣсь лукавыя изъясненія — они не обмануть никого.

М. Дроздовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	5
Введеніе	7
Дневникъ (1918—1919)	23
Приложенія:	
I. Отрывки изъ писемъ и дневниковъ (1915—1918)	161
II. Первая Бригада Русскихъ Добровольцевъ на Румынскомъ Фронтѣ (воззваніе къ русск. вой- скамъ въ Румыніи)	176
III. Подписка Добровольцевъ	179
IV. Приказъ объ установленіи медали Дроздовцамъ	180
V. Россія или Комиссарія (статья М. Г. Дроздов- скаго)	183

---

*Всѣ дополненія, поправки и замѣчанія по поводу настоящей книги, въ виду предполагаемаго второго ея изданія, редакція проситъ направлять по адресу: Книгоиздательство **ОТТО КИРХНЕРЪ** и Ко. Berlin W 35, Genthiner Strasse 19*

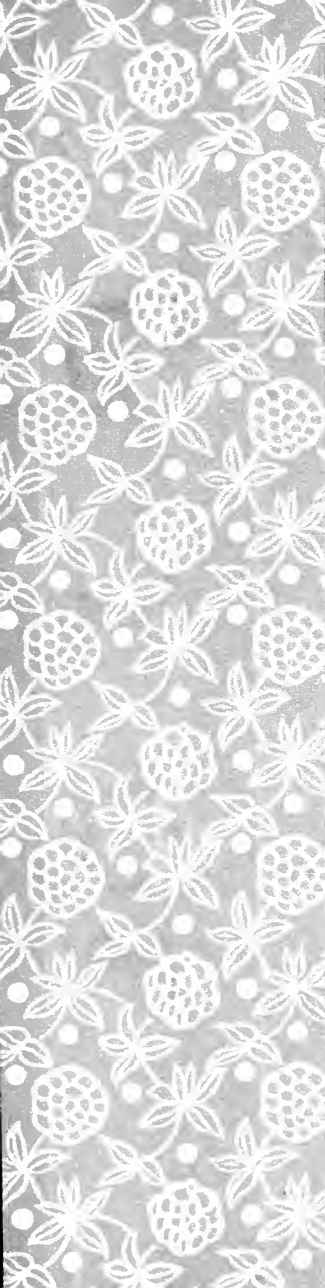
CERCLE RUSSE

DE LA
VILLE DE LONTRE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265 .7
.D7

